РАМПУРИ

биография голубоглазого йогина

ЗОВ ПЕРСПЕКТИВЫ

SHOUT
SHARE
IT

- БЛАГОДАРНОСТИ
- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ГЛАВА 1
- ГЛАВА 2
- ГЛАВА 3
- ГЛАВА 4
- ГЛАВА 5
- ГЛАВА 6
- ГЛАВА 7
- ГЛАВА 8
- ГЛАВА 9
- ГЛАВА 10
- ГЛАВА 11
- ГЛАВА 12
- ГЛАВА 13
- ГЛАВА 14
- ГЛАВА 15
- ГЛАВА 16
- ГЛАВА 17
- ГЛАВА 18
- ГЛАВА 19

БЛАГОДАРНОСТИ

я хотел бы поблагодарить следующих людей:

Всех йогинов Джуна Акхары, в особенности Хари Пури Джи Махараджа, Пира Амара Пури Джи Махараджа, Арджуна Пури Джи Махараджа, Капила Пури Джи Махараджа, Даршана Гири Джи Махараджа, Кальяна Пури Джи Махараджа, Сундара Пури Джи Махараджа, Махамандалешвара Банвари Пури Махараджа, Вира Гири Джи Махараджа и Мангалананда Сарасвати Джи Махараджа;

Пандита Шеша Нараяна, посвящающего в баба;

Высших жрецов храма Махакал в Уджайне, в особенности Виджая Гуру и Ганеша Гуру

Билла Гладстоуна, моего мудрого литературного агента, Туанетт Липп, редактора, ставшую повивальной бабкой и крестной матерью этой книги, чей профессионализм достоен легенд, Ариэль Форд за ее советы и помощь, Билли Форбса и Давида Хермана за комментарии и исправления, Тару Губер за вдохновляющую поддержку и веру;

и больше всех я хочу поблагодарить Д.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я родился четырнадцатого июля, в знаменательный день, когда вся Франция празднует начало Французской революции и освобождение заключенных из Бастилии. Хотя за свою жизнь я достигал самых отдаленных уголков мира, рождение мое произошло где-то в его середине: я появился на свет в полдень, в середине месяца, года и столетия, посередине американского континента, в городе Чикаго, где отец в то время работал хирургом. Однако будущее моей семьи лежало в солнечной Калифорнии, где мой отец хотел реализовать Американскую мечту, поэтому в 1963 году мы переехали в Беверли Хиллс. Часть мечты отца стала реальностью, когда, попросив деньги в долг у своего тестя и получив вторую часть нужной суммы в банке, он купил новенький сверкающий «Студебекер».

Свой первый духовный опыт я пережил в возрасте четырех лет. Тогда телевизоры были в новинку и больше смахивали на деревянные холодильники с маленькими тусклыми экранчиками впереди, чем на современные аппараты. Вдохновленный фильмом о приключениях Супермена, я нацепил на шею красный платок, с серьезным видом залез на телевизор и совершил бесстрашный прыжок в пространство, как всегда делал мой любимый герой. Вы, наверно, уже догадались о том, каков был исход подобного эксперимента. Однако, сильно ударившись об пол, я пережил нечто, что навсегда изменило мою жизнь: в моей голове появились звезды!

«Дурачок ты мой! Понял теперь, что случается с теми, кто не слушается?!!» - воспитывал меня отец, торопливо ведя машину в больницу, чтобы наложить на мою разбитую голову швы. «И как такой умный мальчик мог сделать такую глупость?» - причитала мама. Я понял, что не стоит рассказывать ей о звучавших внутри колоколах. Есть некоторые вещи, которые лучше держать при себе. Мама не смогла бы понять, что у себя в голове я видел такие же звезды, какие появляются обычно на небе в безоблачную ночь, и мне было ужасно интересно, как же они туда попали.

Но в детстве было еще кое-что, заинтересовавшее меня больше описываемого события: спрятанное сокровище. Перерыв весь задний двор вдоль и поперек, я почему-то не нашел ни одного. Копаться в грязи мне еще дозволялось, но портить вещи других - нет, поэтому, когда я проделал огромную дыру в крыше гаража при помощи любимой отцовской клюшки для гольфа, на горизонте замаячил толстый кожаный ремень. «Кладов не существует, - сказал мой отец. - Есть лишь упорный труд, и

деньги, которые им зарабатываешь». Я не поверил ему. Должно же быть что-то еще, подумал я. Неслучайно я представлял своего деда, который покинул Россию в возрасте тринадцати лет, прославленным пиратом одноногим Джоном Сильвером. Ведь он, в конце концов, целых пять раз пересек Атлантический океан: вначале, чтобы исследовать мир и открыть для себя Америку, затем, чтобы привести свою семью на «землю обетованную», еще раз, чтобы вдохновить возлюбленную, мою будущую бабушку, переехать из Европы в Мексику, а потом совершить последнее путешествие из Мексики в новый дом, построенный в Корпус Кристи, штат Техас. Я мог часами сидеть и слушать дедушкины истории о его приключениях в других странах, о людях, обычаях и языках, о том, как можно выжить без гроша в кармане, не имея ничего, кроме смекалки. Дед рассказывал мне об отчаянных ситуациях, в которые он попадал, и о том, как он из них выбирался. Приобретенным опытом он делился со мной. Однажды дедушка подарил мне настоящее сокровище: серебряный доллар. Сокровища надо прятать, а потом находить их снова, подумал я и зарыл серебряную монету на заднем дворе, нарисовав подробную карту. Но я так и не нашел сокровища снова. В том месте, где, как мне казалось, я закопал монету, не было ничего. Может, я плохо нарисовал карту? Поиски ни к чему не привели, и я поклялся, что, когда вырасту, обязательно найду настоящее сокровище.

Суровая реальность школы основательно потрясла хрупкие границы моего мирка, в котором я превращался то в пирата, то в ковбоя. Мне пришлось учиться быть другим. В сущности, тогда одновременно существовали два меня: один для взрослых, облеченных властью, и другой - для сверстников. Мечты о секретных знаниях, магии и скрытых сокровищах пришлось скрывать как от взрослых из-за угрозы наказания, так от сверстников из-за боязни насмешек. Я постепенно втянулся и начал вести жизнь образцового школьника, спортсмена и гражданина Америки. Мама хотела, чтобы я стал президентом, но подозревала, что в этом случае стране не миновать диктатуры, и потому остановила свой выбор на профессии юриста. Отец хотел, чтобы я стал врачом, но его надежды развеялись как дым, когда однажды я выразил желание посмотреть, как он проводит простую хирургическую операцию, и упал в обморок при первом виде крови.

Шли шестидесятые годы. Америка уже пережила убийства Дж. Ф. Кеннеди и Мартина Лютера Кинга, погромы на расовой почве и вьетнамскую войну, а я обнаружил, что вырос, но так и не нашел ответов на многие свои вопросы и так и не узнал, где их

искать. Я превратился в отщепенца. Мне было душно жить в комфортабельном мирке буржуа. Вместо того, чтобы благодарить Бога за то, что Он даровал мне достаток, я все время сомневался в необходимости подобного достатка. Я больше не мог мириться с реальностью, с которой встречался каждый день. На ощупь она была тонкая, как бумага, и сквозь нее было видно что-то другое. Мой ум стал восприимчив и позволял замечать хаос сквозь прорехи жизни, хаос, скрытый за порядком и внешней красотой. В это же самое время я обнаружил, что отличаюсь как от собственных представлений о себе, так и от представлений других людей. Настоящий я был где-то далеко, похороненный под ворохом масок, и нуждался в том, чтобы найти дорогу обратно.

Я чувствовал себя таким маленьким в огромном мире. Но Беверли Хиллс, со своим вечным обещанием богатства, славы и блеска, был слишком мал даже для меня. Я желал чего-то большего, чего-то, что не поместится на экране телевизора или даже на 70-метровом экране автомобильного кинотеатра на открытом воздухе, чего-то настолько колоссального, что не поместилось бы даже в двадцатом веке. Я хотел найти Истину. Уже тогда я понимал, что к хаосу надо стоять лицом и что Истину нужно услышать. Я знал, что для этого потребуется долгое путешествие, путешествие от Того к Другому, от мирского к священному...

ГЛАВА 1

Солнце уже давно встало над горизонтом, а трехпалубный пароход все еще продолжал медленно огибать изрезанное побережье Индии, осторожно пробираясь меж флотилий бесчисленных рыбачьих лодок и мелких суденышек. Морское путешествие из Карачи в Бомбей должно было стать последним отрезком шестимесячного пути по суше, исходная точка которого лежала в Амстердаме. Долгое странствие вело меня в место, которое станет вскоре моим новым домом.

Самый дешевый билет третьего класса позволял сесть на судно, но не давал права ни на каюту, ни на койку, ни даже на место на скамье. Надо было самому найти крохотное пространство на многолюдной палубе, чтобы с трудом втиснуть туда свой соломенный коврик или одеяло. Вскоре после погрузки две верхних палубы стали похожи на ковры из разноцветных лоскутов, поверх которых колебалось людское море.

Как только я взошел на палубу парохода, молодой немец по имени Сиги взял меня под покровительство и отвел в самый дальний уголок. Там размещалась «касба», участок палубы, разделенный пастельного цвета шелками на проходы и маленькие уединенные пространства. В этом пахнущем благовониями убежище размещались иностранцы.

Мы были пилигримами, беженцами, детьми революции, приехавшими сюда из самых разных концов света: из Северной и Южной Америки, Азии, Среднего Востока и Европы. Во всех городах, начиная со Стамбула, и далее, в Анкаре, Конье, Тебризе, Тегеране, Машаде, Герате, Канда-ларе, Кабуле, Пешаваре, и, наконец, Карачи, мы узнавали друг друга с первого взгляда. Мы ехали в одиночку, группами и кланами, совершая великое паломничество. Куда? Домой, к Свету, так, по крайней мере, нам тогда казалось.

«Остерегайся воров, - предупредил мой новый приятель, когда мы стали расстилать коврики на самом краю маленькой колонии. - Один из нас всегда должен присматривать за вещами. А то не углядишь, и один из этих французов...»

«Пардон, - сказал парень с гладкими черными локонами, одетый в широкое ярко-оранжевое одеяние. Быть бы ему мушкетером из знаменитого романа Дюма, если бы экзотический внешний вид не дополняли арабские шлепанцы с загнутыми носами в стиле «Сказок тысячи и одной ночи». Из-за плеча юноши выглядывало несколько девушек. - Вы в первый раз едете в Индию? - поинтересовался он и представился: - Я - Картуш.

Можно нам присоединиться к вам?»

- А откуда такое... - начал я.

- Имя? Египетское, - ответил он, - мой отец родом из Северной Африки, а мать родилась во Франции.

И на урду, который показался моему несведущему уху безупречным, Картуш принялся указывать пакистанским носильщикам-кули, куда положить сумки, затем поторговался с ними, потом, видимо, пошутил, потому что носильщики рассмеялись, и, наконец, расплатился.

- Мы решили проделать это путешествие с духовными людьми, - объяснил Картуш тот факт, почему они передвинулись из итальянского сектора сюда. Укладывая свой коврик рядом с моим, он сказал: - Кажется, мы раньше встречались. Может, в прошлой жизни?

Мужчина, одетый в зеленую афганскую робу, подошел к нам и стал что-то рассерженно втолковывать Картушу по-итальянски, на что тот не менее эмоционально возражал. Как только человек ушел, Картуш перестал хмуриться и, улыбаясь, заметил по-английски:

- Я сказал, что ему лучше удалиться, если он и дальше хочет быть привязанным к материальному миру.

Сиги подозрительно взглянул на него:

- А почему итальянцы заставили тебя оттуда уйти?

- Они принадлежат к зеленым, - ответил Картуш, а потом пояснил, - ну, понимаешь, к мусульманам. Они посчитали, что индуисту рядом с ними делать нечего. После посещения святых суфийских мест эта группа сразу отправится в Гоа.

- А я не буду никуда сворачивать и сразу поеду в Гоа, - сказал Сиги. - Переночую в бомбейском «Карлтоне», и утренний пароход доставит меня прямиком в рай.

По словам немца, в Германии его ожидали одни проблемы, и он не собирался возвращаться на родину в ближайшие несколько лет.

«Такое впечатление, что все на этом пароходе мечтают попасть в Гоа», - подумал я.

- Вот из-за этого весь сыр-бор и разгорелся, - глаза Картуша заблестели, когда он вытащил из наплечной сумки еще одну сумку, а из той еще одну, меньшего размера, из которой Картуш с великим почтением извлек маленькую статую бога Шивы, завернутую в красный шелк - Сделана в долине Сват* (Долина Сват находится в Пакистане, в районе, который считается местом зарождения двух религий: индуизма и буддизма (Прим. пер.), ей не меньше тысячи лет, - объяснил он. - Этот парень хотел заплатить мне за нее сущую безделицу, а ведь он даже не

индуист!

- Я найду неплохую хибарку на берегу, - продолжил Сиги, аккуратно помещая ценные вещи под свернутую одежду.

- А я хочу отыскать ледяной дворец Матери Мира, в котором гостят боги и богини, - промурлыкала из-под вуали одна из девушек, пришедших вместе с Картушем. Кажется, она была без ума от своей идеи.

- А ты, друг мой? Куда отправишься ты? - заразительно улыбнувшись, Картуш обернулся ко мне.

Некоторое время я пребывал в нерешительности от изобилия лежавших передо мною возможностей, словно ребенок, только вошедший в парк развлечений, а затем пробормотал:

- Не знаю. Может быть, в Гоа... Но я ищу... Хочу найти что-то, что мы утеряли на Западе... Наверно, я тоже приехал в Индию, чтобы посходить с ума!

- Что, в твоем, э-э-э, Сан-Франциско недостаточно весело? Ты вроде оттуда приехал? -спросил он, удивленно подняв брови.

- Ну, можно сказать, что меня сюда притянуло, - усмехнулся я.

- Да, так было со всеми нами, - согласился Картуш. Его юное лицо контрастировало с неожиданно мудрыми глазами. На вид ему было лет двадцать - двадцать два, то есть чуть больше, чем мне, но при этом Картуш был полон такого достоинства и внутренней зрелости, словно был по меньшей мере на двадцать лет старше.

Поучившись в университете, я бросил его. Я задавал преподавателям вопросы, ответы на которые они не хотели или не могли дать. У меня были совсем не такие представления о жизни, как у остальных студентов. Они, быть может, были незрелыми и неполными, но оттого не менее притягательными для меня. Я перестал верить преподавателям, но не потерял веру как таковую. Я стал считать идею Божественного предначертания сплошной ложью. Я мечтал присоединиться к индейцам, но, к сожалению, они давно вымерли...

- Откуда ты родом? - спросил я Картуша.

- Из Парижа, - ответил он.

- Ты был там в мае, когда началась революция хиппи?

- Нет, я был вместе со своим гуру на Кумбх Меле, самом большом духовном собрании в мире. Настоящая революция состоит в том, чтобы изменить себя, а не общество. Если получится у тебя, тогда получится и у общества. Тяга к деньгам разъедает этот мир изнутри, но надеяться на победу в войне на материальном плане нет смысла. Поиск Истины - это единственное решение.

Большинство молодежи не видело никакой связи между политикой, духовностью и образом жизни. В основе своей мы были наивными идеалистами. Я сказал Картушу, что хочу найти в Индии такое сокровище, которое сделало бы этот мир лучше.

- Лучше? - переспросил Картуш. - Для кого? Ты хочешь опустить рай на землю или поднять землю до небес? Если ты стремишься ко второму, впереди тебя ждут одни разочарования. Достаточно вспомнить Карла Маркса. А мои друзья, которые совершили революцию в 1968, когда-нибудь станут во главе Франции, но все равно ничего не изменится.

Картуш много путешествовал и дважды пересек экватор. Он был уверен в себе и выглядел заслуживающим доверия человеком. Картуш так хорошо знал Индию, что я попросил его составить список мест, которые стоило бы посетить.

- Это пустая трата времени, - сказал Картуш в ответ на эту просьбу. - Нужные места сами тебя найдут, это же Индия.

- А ледяной дворец? - спросил я, чувствуя себя немного глупо. - Он действительно существует?

- Конечно, - ответил он, - но ты не сможешь туда попасть. Иностранцев туда не пускают. Дворец находится в Гималаях, внутри так называемого внутреннего круга. Это место находится слишком близко к Китаю, я думаю, что они боятся шпионов.

- Ты был там? - спросил я.

- Нет, но я пытался. Меня поймала полиция и спустила вниз с горы. Мой гуру сказал, что, если бы я встретил его там, он дал бы мне магический эликсир бессмертия.

Маленькая группа, слушавшая наш разговор, постепенно разбрелась. Мы остались вдвоем, глядя на плывущую по небу луну. Картуш рассказал мне еще несколько потрясающих историй о собственных приключениях в Индии. Насколько я помню, тогда я был очарован тем, что называлось «оккультизмом», мечтал встретиться с настоящими шаманами и магами. Я верил в их существование, но все же нуждался в доказательствах, хотел отыскать старинные манускрипты, в которых содержались бы тайные знания, мантры и заклинания.

Однако, на самом деле, все это было лишь внешним слоем моих желаний. В глубине я отчаянно желал найти ответы на свои «опросы. Вопросы о смысле жизни, о смерти, жизни после смерти, Истине и многих других, не столь ясно сформулированных вещах, которые не давали мне покоя с тех пор, как я впервые попробовал психоделики. В Америке я не смог найти себе Дона Хуана*, который бы вел меня по Пути, и потому читал все подряд: Упанишады, Веданту, книги по теософии. Прочитав их, я понял лишь одно: ответы на свои вопросы я смогу найти в Индии.

- Не стоит попусту тратить время на поездку в Гоа, чтобы потусоваться там с хиппи. В Индии есть настоящие мастера, которые учат Пути и помогают найти и понять свою истинную природу. Первая вещь, которую тебе надо узнать прежде чем ты начнешь поиск, это то, что никакого поиска не нужно, ты уже там, куда надеешься прийти, но, чтобы обнаружить это, требуется время. Поэтому, помня об этом, отправляйся на поиски, - сказал Картуш.

- Откуда же мне начать? - спросил я.

- Эй, просветление - вовсе не то, что требует особого времени и места. Возможность трансформировать сознание есть прямо здесь и сейчас. Но я все же дам тебе пару адресов, - ответил он.

Картуш нарисовал санскритскую букву Ом сверху одной из страничек моего дневника, объяснив, что этот символ принесет мне удачу в поисках. Затем он написал названия некоторых храмов и святых мест, а также имена нескольких настоящих гуру. Он объяснил, какие из храмов посвящены Богине Матери, какие - Шиве, и какие - синекожему богу Кришне. Картуш кратко рассказал о мастерстве различных Учителей и их требованиях, включая Сатья Саи Бабу, который помнил свои прошлые жизни и мог материали-зовывать предметы прямо из воздуха, а затем написал мне имена и адреса нескольких садху дав им попутную характеристику.

Последним он написал имя садху, живущего в Раджастане.

- Хари Пури Баба следит за современностью больше остальных, - заметил Картуш. - Он говорит по-английски, а мой баба нет. Я обучался у гуру традиционным способом, на хинди и санскрите. Однако, говорят, что Хари Пури Баба -«гьяни», знающий. Будто он умеет читать мир как книгу, - Картуш засмеялся. - Может, ты предпочтешь следовать Пути на родном языке. Вот бы они все говорили по-английски, верно?

Временами мой новый друг мог быть очень саркастичным. Ему было трудно скрывать пренебрежение по отношению к англо-американской культуре. Картуш был духовным Че Геварой даже в большей степени, чем я в то время понимал. Он ясно дал мне понять, что для того, чтобы пережить настоящие ощущения, придется стать индусом до мозга костей, и предложил сразу же по приезду в Бомбей купить «Универсальный самоучитель хинди».

ГЛАВА 2

Сжимая в руке дневник и паспорт, закинув на плечо маленькую турецкую расшитую сумку, в которой лежали все остальные мои пожитки, я сошел по трапу в новый мир, мощь которого сразу же поразила меня до глубины души. Я никогда не видел такого количества людей на таком маленьком пространстве. Меня окружали цвета, которых я раньше даже представить себе не мог. Вокруг были необычные запахи, необычные звуки. Посвсюду кипела беспрерывная деятельность. Я застыл с открытым ртом, пытаясь понять, куда мне идти. Вот бы нырнуть безрассудно в круговерть цветов!

Однако вместо этого мне пришлось медленно пробираться сквозь плотную толпу мужчин в белых тюрбанах, белых рубашках и штанах, мимо женщин, одетых в сари всех цветов и фасонов, ведущих под руки своих молодых застенчивых сестер или несущих на руках голопузых младенцев. Простояв в длинной очереди на паспортный, а затем таможенный контроль, я вырвался на улицу и был сразу окружен подозрительными личностями, одновременно кричащими: «Велорикша!», «Дешевый отель!», «Такси!», «Деньги, поменяю деньги!», «Гашиш!», «Гадаю по руке»», «Дешевые билеты!», «Лучший портной»», и, наконец, «Он исполнит любое ваше желание».

Я взглянул на карточку, которую протягивал мне обладатель последнего предложения. На ней был запечатлен неряшливый мужчина с короткой белой бородой, одетый в длинную белую рубашку.

- Баба, - сказал человек прежде, чем остальные претенденты на мое внимание оттолкнули его в сторону.

- Баба, - повторил я самому себе.

Мне понравилось, как звучит это слово. В нем было очарование примитивного ритма. Несмотря на то, что я не очень понимал, что оно значит, само его звучание отзывалось во мне. Похоже на французское «папа»*, но мягче, глубже и в то же время сильнее. Я знал о Мехер Баба, чья обаятельная улыбка была запечетлена в песне «Don't Worry, Be Happy», видел изображения бородатого Мус-тан Баба на постерах, которые висели на стенах Хайт-Эшбури (Хайт-Эшбури - район города Сан-Франциско, ставший центром культуры хиппи в 60-х и 70-х годах (Прим. пер.) в середине шестидесятых, и читал о нестареющем Бабаджи в «Автобиографии йоги-на» Парамахансы Йогананды. Фотография, которая так и осталась у меня руке, пока казалась мне талисманом и знаком судьбы одновременно.

Я поменял последние двадцать долларов на рупии и, чтобы растянуть столь жалкую сумму, стал путешествовать автостопом, пешком и даже зайцем на поездах, откуда меня пару раз вышвыривали кондукторы. Я спал в храмах и ашрамах, на полу железнодорожных станций и ел все, что мне предлагали. Я посещал святые места, исторические памятники и города, забирался в горы и джунгли. Однако из всего увиденного больше всего меня удивляли обычные люди, их открытость, гостеприимство, любопытство и щедрость. Я начал любить эту землю и людей, которые здесь жили.

Я познал эйфорию полной свободы, ощущение неограниченных возможностей. Воображение превращало меня то в цыгана, то в арабского сарацина, то в махараджу. Довольно скоро я сменил тесные туфли на шлепанцы с загнутыми носами, брюки на полосатые широкие штаны, а рубашки на длинную сорочку «куртас», подол которой доставал до колена. Я стал завязывать свои длинные светлые волосы в пучок Время шло и мои одежные фантазии стали постепенно превращаться в реальность, я сменил шлепанцы на сандалии, а затем вовсе начал ходить босиком. Штаны уступили местному варианту саронга «лунгис», на голове появился легкий тюрбан для защиты от палящих лучей солнца, жара заставила меня снять сорочку, и я стал ходить с обнаженным торсом.

Индия стала воплощением мечты, сном наяву, убедительнейшим фильмом, рожденным душами людей. Это была хорошая мечта, наполнявшая меня счастьем узнавания. Все, что я здесь видел, отличалось от обычного образа жизни дома, но я знал, что здесь так все и должно быть. Именно это узнавание смягчало безумное разнообразие здешних красок, звуков и лиц.

Как только я приехал в Индию, я тут же признал ее, как с первого взгляда признают кровного родственника. Где-то глубоко внутри меня уже жили образы, соответствовавшие увиденному здесь. Позднее я понял, что они были рождены картинами, которые рисовали путешественники-европейцы, приезжавшие на Восток в девятнадцатом веке. Например, это куполообразное строение, - я уже видел его на картине художника Деламана. Это «дарга», усыпальница суфийского святого. Бродя по маленьким улочкам мусульманского квартала, я искал водоноса, зная, что никогда не выпью воды, которую он продает, иначе не избежать дизентерии. Но все же я хотел бы его повстречать.

Моя мечта о Востоке подкармливались этими и другими образами, уже добрую сотню лет проникавшими на Запад. Они постепенно пропитывали западную литературу, культуру и кинематографию, поэтому я был готов к ним. Я был готов как к

чувственному, так и к духовному, как к ужасающему, так и к несущему наслаждение и мощную энергию. Все эти переживания были обещаны мне всем тем, что я узнал об Индии дома. В моей голове бродили мысли о мире обычном и гиперфизическом, о понятиях «То» и «Другое», я неизбежно пытался разложить по полочкам впечатления об Индии, дать им какие-то определения.

Тогда я не мог понять, что прямо под моими ногами лежит совсем другая Индия, сильно отличавшаяся от моей мечты. Я не знал, что мое представление об Индии было больше связано с Америкой и ее восприятием других культур, чем с этой необыкновенной землей.

Но постепенно эта страна стала раскрывать передо мной географию своих священных просторов. Горы оказались не грудами мертвых камней, но живыми существами - богами и мудрецами. Реки стали богинями. Я начал различать знаки присутствия этих могучих существ в великолепных проявлениях природы. Как бы мы узнали о великих силах, сокрытых во Вселенной, о взаимопроникновении миров, если бы не знаки, отмечающие подобные места? Длинные мифы, передающиеся из уст в уста, объясняют священную топографию людям. Услышанные мною мифы часто противоречили друг другу, что меня несколько смущало, но не умаляло очарования услышанного. Я обнаружил, что на свете есть люди, способные читать загадочный язык мира, полного скрытых сфер, знаков и существ так же легко, как мы читаем книгу.

Я начал свое путешествие без путеводителя и карты, не имея никакого представления о местной географии. Страницы дневника, начатого еще в Амстердаме, быстро заполнялись именами людей, названиями мест и впечатлениями об увиденном и услышанном. Куда бы я ни отправился, идя спать, всегда клал дневник себе под голову и каждый вечер перечитывал записи, пытаясь понять, где же находится то, что я ищу. Что это было: место ли, человек или ключ, благодаря которому я научусь понимать тайный язык, я не знал. Поэтому сведения, данные Картушем, стали путеводителем в моих скитаниях. Я двигался на юг, к месту, называемому тогда Тривандрумом, а сейчас переименованным в Тируванатапурам, а затем стал заворачивать на север, к Гималаям.

Стоило мне услышать о каком-то храме или святом человеке, как я, не раздумывая, сразу же отправлялся туда. Я побывал в Путтапарти, чтобы увидеть Сатья Саи Баба, посетил Ганешпури, чтобы встретиться с Баба Муктананда, Ришикеш - ради встречи с Татвала Баба, Варанаси - ради Нилаканта Татаджи и Ананды Майи Ма. Был я и в других примечательных местах. Все

встреченные мною святые производили огромное впечатление, в особенности Ананда Майи Ма, настоящая богиня, воплотившаяся в человеческом теле. Все они говорили о познании себя и Истины, и в их словах было что-то очень знакомое, созвучное тому, что я уже знал. Каждый раз я спрашивал самого себя, хочу ли стать учеником этого человека, но ответом было «нет», и я продолжал свой путь, не задерживаясь нигде больше одного дня. Я собирал благословения, но, несмотря на их подлинность, ни одно из них не достигло самой глубины моего сердца, а ведь именно этого я искал. Кроме того, в ашрамах я чувствовал себя чужаком.

Я говорил себе, что встречаемые мною конфликты и раздражающие вещи были лишь необходимой долей острых специй в моей жизни. Грязь, попрошайки и жулики не противоречили моей мечте, а, наоборот, усиливали ее. На улицах и в ашрамах ко мне подходили разные личности. Они знали мои мечты и собирались помочь мне. «Все, что пожелаешь! - говорили они. - Заплати за вход и десять процентов нам. Всего лишь пару долларов...»

Встречая святых людей в храмах, на дороге и даже на автобусных остановках, я чувствовал в их глазах глубоко проникающую в меня силу. Эта сила звала меня к себе, как мать зовет потерявшегося ребенка. Временами эти люди со спутанными волосами и длинными бородами, спускающимися на грудь, знакомились со мной, поили чаем и вместе курили. Иногда это была мариухана, называемая здесь «ганджа», или гашиш, «чарас», всегда смешанные с табаком и помещенные в расширяющююся кверху цилиндрическую глиняную трубку-«чилим».

Я научился называть этих аскетов садху или саньясинами. Закутанные в ткань цвета охры в знак своего самоотречения, они были похожи на богов, изображения которых я видел в храмах. Люди кланялись им до земли, прикасались к ногам и предлагали сладости, цветы и деньги. Однако, несмотря на все это, я чувствовал, что это маргиналы, гордящиеся своей независимостью от общества, отщепенцы, живущие по совершенно иным правилам. Я чувствовал свое родство с ними: также как и они, я вышел за рамки своего общества, и правила потеряли для меня какой-либо смысл. Мои цели отличались от тех, к которым стремился мой народ.

Обладание особым знанием наполняло сердца садху гордостью. Их глаза блестели, привлекая меня своим магнетизмом. Однако между нами все же была большая разница: они Знали, а я -нет. Казалось, что все они обладают каким-то секретом, и мне очень хотелось узнать его. У моего ума не было

категорий, к которым можно было бы отнести этих людей, больше принадлежавшим легендам, чем реальности.

Я узнал, что садху и саньясины живут в храмах, пещерах, крытых соломой хижинах и в ашрамах. Иногда они проводят всю жизнь, бродя по горам и джунглям. Они практикуют разные духовные практики и дисциплины, которые называются садхана (отсюда и пошло слово «садху») или йога. Садху, который провозглашал свое самоотречение от всего мирского, проходил какой-то мифический и ужасающий ритуал, после которого его начинали звать «саньясин», или «тот, кто отказался от всего».

Встреченные мною во всех уголках Индии садху поклонялись Шиве, великому индуистскому богу-аскету. Они стремились во всем подражать его образу жизни. Я начал замечать этого бога повсюду. На рисунках, постерах и статуях Шиву изображали как длинноволосого слегка женоподобного мужчину с тремя глазами и кожей цвета пепла. Вот он сидит на шкуре тигра, погруженный в глубокую медитацию. Два глаза подняты к небу, а третий закрыт. На шее бога устроилась кобра, а в волосах - месяц, из которого изливаются воды реки Ганг или Ганги, как ее называют местные жители. В одной руке Шива держит трезубец, с зубцов которого свисает двусторонний барабанчик Великий бог странствует на великом быке Нанди по всем трем мирам, раю, Земле и аду, в облике обнаженного аскета, погруженного в экстатическое блаженство. Он и есть «баба-основатель», самый первый баба, появившийся на Земле.

Поскольку медитативное состояние чистого осознания, проявляемое этим богом, считается основанием Вселенной, существовавшим еще до акта Творения, Шиве поклоняются как божественному фаллосу. В храмах, посвященных этому богу, стоят большие отполированные природой камни, имеющие форму яйца. Чаще всего такие камни, называющиеся «Шива-лингам», извлекают из реки Нармада, которая пересекает всю центральную Индию с востока на запад.

Я был заворожен историями о богах, йогинах, шаманах и мудрецах. Я услышал о садху, которые благодаря суровой аскезе приобретали не только сверхчеловеческие возможности, называемые «сиддхи», но и мудрость высших уровней осознанности. Каждый преданный мог рассказать историю о невероятных подвигах своего гуру-Там были рассказы о Шри Шри Шри Шивабалайогине, который пребывал в совершенной йогической самоуглубленности уже двадцать или тридцать лет, не открывая рта ни для еды, ни для разговора и делая один вдох в несколько минут. Этот йогин появлялся на публике раз в год во время церемонии поклонения Шиве, когда двери храма, в

котором он сидел в медитации, открывались настежь. Были рассказы о Бабаджи, записанные Йоганандой. Этому мудрецу было больше сотни лет, он мог появляться в нескольких местах одновременно и в мгновение ока перемещаться из одного места в другое. Были истории о йогинах, умеющих летать, путешествовать в соседние измерения, сидеть обнаженными на льду, переносить свое сознание в тела других, лечить больных и оживлять мертвых. Это были истории о людях, познавших Истину, и именно с такими людьми я хотел встретиться, хотел понять и пережить возможности, дарованные человеку миром Сверхъестественного.

Я хотел узнать границы собственных возможностей, познать самого себя и смысл своей жизни. Я хотел найти кого-то, кто знал ответы на мои вопросы и мог бы мне их открыть. Мне отчаянно хотелось узнать, какое место я занимаю в космическом порядке. Я был готов искать свою дхарму, свой верный путь, в долгих странствиях по Индии в поисках ключей и неожиданных решений.

Однако языковой барьер стал серьезным препятствием на моем пути. Да, английский был распространен по всей Индии. Для многих индусов он даже был родным языком. Зная английский, можно было без опаски путешествовать по всему полуострову Индостан, но садху на этом языке не говорили. Конечно, пробужденные или стремящиеся к пробуждению люди могут понять друг друга без слов. Но в мире Сверхъестественного, где метафора часто управляет реальностью, а эзотерические учения столь же точны, как и компьютерные программы, понимание языка мудрецов -насущная необходимость. Среди встреченных мною садху, йогинов и шаманов, следовавших традиции, ни один не говорил по-английски. Меня это не удивляло, но все же порядком расстраивало. Я начал учить хинди, но боялся, что на обучение уйдут годы и годы, прежде чем я смогу свободно поговорить с одним из адептов учения или последовать его совету.

Первые три месяца пребывания в Индии прошли очень быстро. Поскольку срок моей визы вскорости истекал, я решил отправиться в Дели, где можно было бы найти способ продлить ее, не покидая страны, либо поехать из Дели в Непал и продлить визу там. Ожидая поезда в Насике, северной окраине Бомбея, я познакомился с молодым садху. Мы быстро подружились и начали общаться, хотя мы оба не говорили на родном языке собеседника. Единственное, что у нас было общего, так это длинные волосы.

Постучав себя по груди и качнув длинными спутанными косичками, свисавшими до середины спины, парень сказал, что

он Нага-баба. «Нага» значит «нагой», и многие йогины имели право называться так, потому что пренебрегали одеждой. Для них это было символом отказа от обычного мира, включая отказы от правил поведения, ритуалов и книг. Мне представлялось, что в среде йогинов они были подобны настоящим гневным божествам.

Этому молодому баба, единственной одеждой которого была ткань цвета охры, обернутая вокруг бедер, было не больше девятнадцати лет. Персиковый пушок, произрастающий над верхней губой, пока еще тщетно пытался стать усами. Нага Баба ехал к своему гуру в Уджайн, один из наиболее священных древних городов Индии.

- Я - ничто, - сказал он, - Но мой гуру - все.

Услышав такие слова, я решил отложить поездку в Дели и поехать вместе с ним. Как же можно было упустить подобную возможность?

Сразу по приезду в город молодой баба отвел меня в простой храм Шивы, где он жил вместе со своим гуру и другими садху. Большая часть двора перед храмом пребывала в благословенной тени огромного дерева. Нага Баба подвел меня к своему учителю, и тут его самоуверенность сразу растаяла под насмешливым взглядом гуру. Молодой баба, коснувшись ног учителя и предложив ему маленькую коробочку конфет и монетку, быстро направился в сторону кухни, чтобы помочь с приготовлением овощей, а я остался сидеть, наслаждаясь обществом седовласого гуру, сильно похожего на изображения смеющегося Будды.

- Эй? Тут? Там? Куда пойдешь? - спросил меня старый баба на ломаном английском, помахав в воздухе рукой. Я понял, что он имеет в виду мои бесконечные метания по кругу. Если бы я не хотел так сильно оказаться «внутри», то не бегал бы туда-сюда подобно курице с отрубленной головой, не чувствовал бы себя чужаком и просто наслаждался бы экзотическим путешествием как духовный турист.

В моем представлении об Индии были двери и проходы, ни в один из которых я не мог попасть. Смогу ли я пробраться сквозь подобный лабиринт? Может быть. Но мне нужна подсказка. Словно для этого надо совершить прыжок в пустоту, как тогда в детстве, подумал я.

После захода солнца в храме началось вечернее богослужение. Два баба начали по очереди бить деревянными колотушками в медные гонги. Этот ритм казался сердцебиением самого времени. Старый баба взглянул на часы, несколько раз встряхнул их, посмотрел снова, а затем приложил к уху. Было совершенно ясно, что часы давно сломаны.

Два баба помоложе почтительно помогли седовласому гуру

встать и поддерживали его по дороге к храму. Поднявшись на несколько ступенек и пройдя сквозь старинную арку, мы оказались в «манн-дапу», зале встреч, где уже собрались остальные баба. Они звонили в тяжелые латунные колокола, свисавшие на длинных цепях с потолка напротив святая святых храма: внутреннего помещения, в котором хранился Шива-лингам. Дымок от сжигаемых благовоний и древесной смолы покрыл весь зал легким флером. Вытягивая шею, я пытался разглядеть детали церемонии: как священник поливает Шива-лингам водой, а затем украшает его цветами. Пришли еще несколько полных энтузиазма баба, и толпа стала плотнее. Священник начал мерно размахивать перед лингамом медной кадильницей, в которой горело целых пять фитилей, а пара барабанщиков сопровождала это действие громкими ударами в барабаны «долак».

Я стоял на цыпочках позади взволнованной толпы, глада, как священник, качающий головой в гипнотическом ритме, приносит огненное жертвоприношение богу Шиве. Я попытался пробраться вперед, но подобное желание было не только у меня, поэтому попытка не удалась. Пульсирующие звуки барабанов постепенно захватили меня, притягивая и отталкивая подобно океанской волне. Казалось, что сама кровь в венах стремится тоже следовать этому ритму. Я начал терять над собой контроль и попытался сопротивляться этому.

И тогда я задумался. Зачем бороться с этим? Пусть все идет так, как идет! На секунду мои глаза прикрылись, а затем тело само начало следовать рваному ритму музыки, гулу медных гонгов, звону колокольчиков, стуку барабанов. Я почувствовал, что танцую, открыл глаза и увидел, как толпа расступается передо мной. Я начал медленно двигаться вперед, с каждым шагом приподнимаясь над полом храма, пока не начал танцевать в воздухе. Вскоре я уже парил в горизонтальном положении, примерно в полутора метрах над землей. Я смог просунуть голову в маленькую арку и увидел святая святых храма, в которой пять маленьких божеств огня, Агни, танцевали для Шивы, изображенного в виде огромного яйца из отполированного природой черного камня. От него исходил такой жар, что я почувствовал, как начинаю потеть. Тут камень издал что-то, похожее на «Ом». Все громче и громче гудел камень, пока гул не поглотил все остальные звуки. Должно быть, это действительно была Мать всех Звуков.

Внезапно наступила тишина, и вдруг я понял, что ничто более не держит меня в воздухе, и что я больше не привязан к своему телу, и с ужасным грохотом упал на пол.

Хара харамахадев!

Хара хара махадев!

Снова и снова повторялась мантра.

Когда перед глазами перестал колыхаться туман, я увидел подбородок старого садху, державшего мою голову на коленях. Десять встревоженных лиц были обращены ко мне.

Хара хара махадев! -

продолжали мантрировать они, пока старый баба давал мне понюхать камфоры, чтобы привести в себя. Я попытался встать, но был еще слишком слаб.

- Что случилось? - спросил я.

- Шива любит тебя, - ответил старик с улыбкой.

Когда я наконец смог внятно думать, то услышал, что потерял сознание как раз в том самом месте, где и стоял в самом начале. Шум, возбуждение и усталость от дороги сказались на организме. Однако я не просто потерял сознание, а вышел из тела и пережил опыт измененного состояния сознания.

На следующее утро все произошедшее начало казаться полнейшей чепухой, и я захотел сразу же уехать в Дели. Умывшись из ведра, стоящего рядом с ручным насосом, я подошел к баба, чтобы попрощаться. Мы выпили чаю, а затем, когда я уже собрался уходить, он преподнес мне неожиданный и странный подарок - железнодорожный билет от Уджайна до Джайпура.

Молодой Нага-баба, с которым я вместе приехал, повесил на плечо мою сумку и проводил до станции. Записывая адрес ашрама в дневник, я наконец-то узнал его имя. Перелистывая страницы дневника, я наткнулся на записи Картуша. Прошло не так уж много времени с тех пор, как я сошел с корабля на индийскую землю, но на моих внутренних часах прошло по меньшей мере пару сотен лет.

Картуш сказал, что ашрам Хари Пури Баба находится в Раджастане, рядом с Джайпуром. Самое время встретиться с этим гуру.

ГЛАВА 3

Моя мечта об Индии окончательно оформилась в Раджастане, родине королей. Оставив позади розовые здания Джайпура, автобус отправился на север по Биканер Роуд, борясь за право на свободный проезд по дороге с караванами верблюдов, одинокими верблюдами и даже верблюдами, спящими посередине трассы. Впереди простиралась обширная пустынная местность, в которой не было иной растительности, кроме маленьких чахлых кустиков.

Я крепко держался за ржавый поручень сиденья впереди меня, пока автобус, тяжело преодолевая рытвины, ехал по сельской дороге в направлении Чомона. Фантастический ландшафт земли, проступающий сквозь легкий туман поднятой пыли, напоминал фильм "Арабские ночи" или даже "Лоуренса Аравийского". По обе стороны от дороги вздымались холмы Аравалли, кое-где мелькали прилепившиеся к склонам древние форты из красного камня, большей частью полуразрушенные. Бывшие когда-то мощными аванпостами, теперь форты стали памятниками благородным раджпутам*. Наконец-то я приехал туда, куда хотел, подумал я.

Картуш дал мне очень точные объяснения, как добраться до ашрама. Приехав в Чомон, я сел на еще более древний и разбитый автобус, направляющийся в деревню Самод. Дальше автобусы уже не ходили.

На скалистом холме, возвышающемся над деревней, располагался величественный дворец Равала Самодского. Он имел три этажа и был окружен стеной из красного камня. Позади остались проезжие дороги, электричество, телефоны и прочие приметы цивилизации. Начиналось путешествие пешком сквозь средневековую Индию с обваливающимися руинами, грязными деревеньками, редкими скалами, лачугами с соломенными крышами и маленькими каменными храмами.

В Раджастане цвета и их дерзкие сочетания дразнят чувства и достигают наивысшего уровня эстетики, чем где-либо еще в Индии. Простые деревенские женщины, увешанные серебряными украшениями, носят одежды ослепительного оранжевого, ярко синего, нежнейшего розового, страстного красного и полного жизни зеленого оттенка. Огромные тюрбаны мужчин красного, пурпурного или бордового цветов бывают одноцветными или в горошек и прикрывают от жаркого солнца их сухие темные лица, похожие оттенком на местную землю. Весело раскрашенные земляные домики и красные груды острого перца, разложенные у их стен на просушку, яркими пятнами выделяются на высохшей

бесплодной земле.

Тропинка, ведущая к деревне под названием Амлода, была полна нарядно одетыми селянами, идущими в одном направлении. Должно быть, сегодня какой-то праздник, подумал я, или фестиваль, или даже матч по крикету. Я прошел мимо "кхатрий", сооружений, похожих на куполообразные беседки с каменными колоннами, построенных в честь великих воинов и их верных жен, которые кончали жизнь самосожжением на погребальных кострах своих мужей. Чем ближе я подходил к Амлоде, тем гуще становилась толпа.

Небольшой оркестр, музыканты которого были облачены в потрепанную униформу а-ля Армия Спасения, обходил маленькую площадь кругами, играя слащавую маршевую музыку на трубах, тромбонах, кларнетах и маленьких барабанах, - так западное изобретение видоизменилось на индийской почве. Я спросил, где можно найти Хари Пури Баба, и получил совет идти на восток, туда, где собралась большая толпа.

Пробираясь сквозь столпотворение, я огибал музыкантов, танцоров, кукольников, показывающих представления с тряпичными куклами, фокусников и многих других, спрашивая время от времени, как мне найти Хари Пури Баба. Я получал туманные ответы, сопровождаемые кивками направо или налево. "Он где-то там..." Мне уже начало казаться, что никто не знает, где на самом деле можно найти этого человека. Наконец меня направили к жертвенной площадке со священным очагом, где двенадцать жрецов-браминов совершали "хаван", жертвоприношение огню. Дым клубами поднимался над огороженной площадкой, покрытой большой покатой крышей из бамбука и соломы. Один из священников поднял голову и радостно улыбнулся мне. Позже я узнал, что его зовут Пандит Шеш Нараян. Именно он посвящал в баба.

Несколько крестьян подошли ко мне, почтительно поклонились, коснувшись моих ног, и стали с почтением глядеть на меня. А я стоял и смотрел, как в огонь бросают семена сезама, сухую кокосовую мякоть, душистую камедь, а потом тонкой струйкой выливают туда топленое молоко. Гармония ритмичных ведических мантр наполнила мое сердце покоем. Два брамина повесили гирлянды календулы мне на шею. "Как гостеприимны эти люди!" - подумал я. Пандит Шеш Нараян поздоровался со мной и пригласил поприсут-вовать на жертвоприношении. Я поблагодарил его, но ответил отказом, объяснив, что ищу Хари Пури Баба. Пандит указал на холм, возвышающийся над противоположной стороной деревни.

- Гуру Джи, - сказал он. - Там.

Я взглянул на холм и был так ошеломлен увиденным, что начал тереть глаза, а потом и очки. Не знаю, как мне описать увиденное так, чтобы вы не подумали обо мне слишком плохо? Думаю, я все же должен рассказать вам об увиденном, ибо вид, расстилавшийся передо мною, был столь живым и ярким, что я и сейчас вижу его как наяву: из голой скалы, на которой не росло ни травинки, выступали мягкие обводы бедер огромной женщины, и единственной растительностью на холме были волосы ее лона. Я тщетно попытался прогнать мысль о том, что приехал для встречи с целомудренным отшельником, который на самом деле живет в самом сокровенном месте огромной каменной женщины...

Карабкаясь на холм по тропинке, вьющейся меж больших камней, я увидел, что лоно каменной женщины было на самом деле пышно разросшейся рощей манговых деревьев. Когда я наконец взобрался наверх, то увидел перед собою настоящий оазис. Бамбуковые ворота были украшены стеблями сахарного тростника, ветками банановогo дерева, сгибающимися под тяжестью плодов, зелеными кокосами, цветами ноготков, блестящей разноцветной фольгой и ярко-красной тканью. Пока я разглядывал это чудо, два крестьянина в тюрбанах успели пройти сквозь ворота ашрама.

Последовав за ними, я помахал рукой худому садху, восседающему на потрепанном одеяле у самого входа.

- Эй, ты! - крикнул он, вынув изо рта трубку чилима. На садху не было надето ничего, кроме набедренной повязки "линготи". - Эй! - снова выкрикнул он и преградил мне дорогу. Я постарался как можно лучше объяснить уважаемому, что хочу увидеть Свами Хари Пури Баба.

- Он ведь здесь, верно?

- Кто? - спросил садху зажав между пальцами ног спичечный коробок Чиркнув спичкой, он зажег чилим и выдохнул дым через нос.

Я раз за разом стал повторять ему имя Хари Пури Баба, пока наконец упрямец не согласился, что я пришел туда, куда нужно. Разговор продолжился при помощи языка жестов. Я слишком плохо владел хинди, а произношение баба оставляло желать лучшего из-за полного отсутствия зубов. Я сказал ему, что приехал из Америки, и, сложив руки перед грудью и кланяясь, выказал желание повидать Хари Пури Баба и засвидетельствовать ему свое почтение.

- Тик хайл, - сказал он, - Хорошо! - Но прежде, чем я успел пройти мимо, садху снова протянул руку ладонью вверх. - Билет! - потребовал он.

- Билет? - переспросил я. - Вы шутите?

- Ха! - воскликнул он, протягивая руку. -Билет!

- А! - наконец-то понял я и достал для него из сумки маленький шарик гашиша.

- Иди! - сказал садху.

Еще издалека я увидел прямую, полную достоинства фигуру, облаченную в одежды цвета охры. Баба сидел на большой деревянной платформе "тахт" и водил туда-сюда в воздухе руками, объясняя что-то нескольким обнаженным садху, сильно смахивающим на привидения из-за пепла, покрывающего их кожу. Волосы привидений, сплетенные в особые косички "джата", непокорной копной свисали вниз, напоминая плети баньянового дерева. Хари Пури Баба, напротив, был очень аккуратно причесан, редеющие черные волосы были завязаны в пучок на затылке, а редкая борода перехвачена шнурком чуть ниже подбородка. Хитрая улыбка пряталась под длинными усами, а на широком лбу три горизонтальных линии из сандаловой пасты горчичного цвета пересекались двумя красными точками "бинду". "Это знак мудрости", - подумал я.

Хари Пури Баба восседал на тигровой шкуре важно, как какой-нибудь генерал. Его хрупкое тело казалось большего размера, чем оно было на самом деле. Баба делил трон с садху, который был намного выше его, и которого, как я узнал позднее, звали Амар Пури Баба. Он выглядел не менее аккуратным и ухоженным, но старался казаться меньше размером из любви к своему "гуру-бхак", своему духовному брату. Двое этих людей были очень разными по характеру и внешнему виду, но бьшо в них обоих что-то такое, что делало их похожими на близнецов.

Как только я приблизился к платформе, Хари Пури Баба поднял обе руки, заставив свое шумное войско угомониться. Шесть призрачных лиц повернулись ко мне, и шесть ртов одновременно приоткрылись в изумлении. Они что, никогда не видели иностранца? Призраки оглядывали меня с головы до ног, и то же делал Хари Пури Баба. Амар Пури Баба не желал делать это столь явно и время от времени искоса бросал на меня полные подозрения вгляды. Хари Пури Баба наклонился вперед и ухватился за один из когтей тигриной шкуры.

- Бабаджи, вы Свами Х-х-х-а-р-р-р... - начал, запинаясь, я под пристальным взглядом восьми пар глаз.

- Конечно, это я, - перебил меня Баба на безупречном английском. - Ты пришел сюда, чтобы увидеться со мной, верно? Ну, так что тебе нужно?

Конечно же, я знал, что мне нужно, но вопрос застал меня врасплох. Среди собрания привидений послышалось бормотание

и какой-то невнятный шум. Один из призраков что-то проворчал в мою сторону. Другой поднялся и, приблизив покрытое пеплом лицо к моему, вопросительно поднял брови, явно пытаясь добиться ответа. Опустив глаза, я помимо своей воли заметил, что на пенис садху было надето серебряное кольцо. Амар Пури Баба нахмурился.

- Ты ведь не говоришь на хинди? - спросил Хари Пури Баба.

- Я пришел просить у вас даршан, - сказал я дрожащим голосом, с лицом, красным от стыда. Хари Пури молча смотрел на меня, дергая себя за бороду.

Происходило что-то непонятное, что никогда не случалось со мною прежде. Мне казалось, будто я попал на сцену и отчаянно пытаюсь не забыть свою реплику, словно снова стал ребенком и пытаюсь ответить перед доской домашнее задание, которое позабыл сделать. Эти люди были похожи на судей, внимательно изучающих все, что я говорил и делал. Всего несколько мгновений назад имя Хари Пури Бабы было всего лишь записью в моем дневнике. И вот лицо, тело, голос и, более всего, особое присутствие внезапно заявили свои права на это имя.

Я прикоснулся к его ногам так, как уже привык делать, встречая святых людей, но в этот раз какая-то тяжесть потянула мою голову вниз, пока лоб не коснулся ног Хари Пури Баба. Ласковое похлопывание по затылку заставило меня сделать это. Я не стал глядеть Баба в глаза и вместо этого сделал медленный шаг назад. Просветленные призраки покачали головами в знак одобрения.

А, есть же еще один баба, тот, который сидит рядом и хмурится! Я прикоснулся к правой ноге Амара Пури Баба. Хари Пури Баба пригласил меня сесть справа от него. Там сразу же появилась подстилка из холстины, на которую я и сел. Баба подходили к Хари Пури Баба один за другим, брали его ногу в свои руки и прикасались к ней лбом, а затем подкладывали ему под бедро бумажку в десять рупий и монетку в одну рупию. Хари Пури Баба заметил мое удивление и сказал:

- Это просто маленькое пари между мной и "бхутами", которое я выиграл. Неужели ты проделал такой длинный путь, только чтобы встретиться со старым безумцем? - спросил он, указывая на себя. - Или ты просто пришел набрать воды? - И тут Хари Пури Баба кивнул на "кунд", родник, который какие-то сказочные великаны обложили огромными валунами. Пять каменных ступенек вели к водоему, на поверхности которого то и дело появлялись пузыри. Каменные изображения богов и богинь со всех сторон окружали бурлящую воду. "Должно быть, это сам потерянный Источник Молодости", - подумал я.

- Отсюда исходит жизнь, - сказал Хари Пури Баба.

- Бабаджи, я приехал в Индию, чтобы найти учителя, - сказал я и заметил, что с веток манговых деревьев за мной неотступно наблюдает банда худощавых серебристых обезьян-лангуров.

- Кого? Учителя? Учителя бывают разные, -ответил Баба.

- Я хочу познать себя, - объяснил я.

- Нет проблем, это очень легко, - ответил Хари Пури Баба, - садись с прямой спиной и дыши. Именно так, вдыхай и выдыхай. И все. Тебе вовсе не надо было уезжать так далеко от Англии, чтобы узнать это! - засмеялся он. И остальные баба засмеялись тоже, словно понимали, над чем смеются.

- Далеко от Америки, не Англии, Бабаджи, -поправил я его.

- Америки, Германии, Франции, Малазии!.. Что еще ты хочешь узнать? - спросил он.

Я ничего не смог ему ответить.

- Хорошо, - сказал Хари Пури Баба. - Тогда я приглашаю тебя в священную рощу богини Амлоды!

Хотя никто из присутствующих, кроме Хари Пури Баба, не говорил по-английски, все напряженно слушали ответы на ураган вопросов, которыми засыпал меня Хари Пури Баба. Первый вопрос был самым обычным: "Откуда ты?". С одной стороны, это очень неопределенный вопрос, с другой - очень важный, поэтому обычно его всегда задают первым. За этим вопросом последовало множество. Хари Пури Баба хотел знать обо мне все. Пока я отвечал, он продолжал изучать меня. Его явно удивило, что я американец. "Я думал, ты будешь англичанином", -сказал он. Что, ради всего святого, он имел в виду? Как это, я буду англичанином? - терялся в догадках я. Ему показалось странным, что, не смотря на то, что я был родом из Америки, говорил на английском, а не "американском". Он сказал мне, что даже не знал о том, что сам умеет говорить "по-американски". Я удивился еще больше. Может, я что-то не понимаю?..

Хотя я никак не мог разобраться, что же происходит в этом странном месте, и почти не разбирал слова на хинди, я замечал загадочные вещи. Меня угощали чаем, надевали на шею приветственные гирлянды цветов, добродушно подшучивали, снова и снова повторяя слово "рампури", и, похоже, этим словом называли меня. Интересно, что оно значит? Всеобщее настроение становилось все более непринужденным и радостным, а я изо всех сил пытался понять шутки, которые, должно быть, рассказывал Хари Пури Баба, потому что толпа все время смеялась.

Я спросил его, что это за праздник в деревне. Хари Пури перевел мой вопрос всем остальным, и в ответ снова раздался

смех. Баба наклонил голову набок и спросил:

- Как? Ты не знаешь? Разве тебе никто не сказал?

Глубоко посаженные глаза и выдающийся нос Хари Пури Баба занимали большую часть его лица, губы же были наполовину скрыты усами. "У него было лицо мангуста и глаза лисы", - так Амар Пури Баба впоследствии отозвался о внешности Гуру Джи.

- Оглянись вокруг! А теперь посмотри вон туда, - сказал Хари Пури, указывая на огромную толпу внизу. - Ты видишь садху? Смотри, сколь ко браминов пришло. Многие добирались сюда из самого Уджайна, а некоторые - даже из еще более отдаленных мест. Они совершают "яджну", ведическое жертвоприношение огню. А теперь посмотри на публику, Рам Пури Джи. Сотни и сотни людей собрались здесь из-за великого события!

Разноцветные флаги и растяжки цвета охры были развешаны по всей деревне. Храм сверкал свежей побелкой. Повсюду были цветы: гирлянды "малас", букеты, цветочные лепестки и целые охапки цветов, которые держали в руках продавцы. Бродячие барды пели народные песни, но их едва было слышно из-за оркестра и громкоговорителей, которые с ужасающим скрипом передавали религиозные песни из индуистских фильмов. Вездесущие барабаны привносили в шум гипнотический ритм, напоминавший о первобытном прошлом человечества. Повсюду бродили продавцы трав, магических зелий и когтей животных. Высокопоставленные полицейские, одетые в накрахмаленные униформы, расхаживали тут и там, и повсюду мелькали раджастан-ские тюрбаны всех цветов и оттенков радуги.

- Зайдем внутрь, - сказал Хари Пури Баба, вставая. Он отвел меня в маленькую комнатку, сам сел на деревянную кровать, застеленную хлопковым матрацем, а меня заставил сесть на старый джутовый мешок у его ног. Один из баба принес кувшин с горячим молоком. Хари Пури Баба наполнил две чашки и протянул одну из них мне. Он достал с полки пестро раскрашенную коробку, вытащил оттуда три леденца и положил на тарелку передо мной.

- Это слишком много для меня, Бабаджи, -сказал я.

- Сьешь их все. Ты слишком тощий. Вижу, ты не слишком хорошо питался в последнее время, - сказал он, хмурясь и неожиданно выказывая материнскую заботу. - Со здоровьем нормально? Ты счастлив, доволен? Хорошо!

Я старался углядеть в поведении Хари Пури какие-то особые знаки. "То, что я вижу в его глазах, это мудрость? Может, просветление? - подумал я. - Не уверен. Он сидит словно статуя, с невероятно прямой спиной".

Я поглядел на его потрескавшиеся ступни, сплошь покрытые мозолями от долгих странствий, а потом быстро осмотрел комнату. На одной из стен почему-то висела старая заржавевшая сабля. Зачем тут оружие? Может, это символ знания?

- Зачем здесь эта сабля, Бабаджи? - спросил я.

- Чтобы отрубать головы британцам! - сказал он, подняв руку, и с жестокой властностью рубанул ею воздух. - Мы - простые баба, но даже такие простые баба могут быть опасными, - заметил Хари Пури, широко раскрыв глаза и потянув себя за ус. - Потому что не играем по правилам.

Я всегда думал, что смогу распознать реализовавшегося человека, воображал, что, как только такая встреча произойдет, я почувствую близость, будто встретил кого-то, кого знал в прошлой жизни, кого-то родного и близкого. Я думал, у такого человека должна быть длинная белая борода и цветок лотоса в руке...

- Мы можем потратить много времени на то, чтобы познакомиться, и в процесе узнавания будем проверять друг друга. Я буду проверять, станешь ли ты плодотворным учеником, а ты в своей неуклюжей манере будешь выяснять, являюсь ли я достаточно компетентным гуру. Так может быть, но я в этом не заинтересован, - сказал Хари Пури Баба.

Амар Пури Баба вошел в комнату и сел на кровать рядом с ним. Суровый баба внимательно осмотрел меня с ног до головы, а затем приклеился ко мне взглядом, следя за каждым моим движением.

- Видишь ли, - объяснил Хари Пури Баба, - я знаю, как ты получил вон ту шишку на голове.

Когда я в изумлении дотронулся до небольшого шрама, надежно скрытого волосами, Баба рассмеялся.

- Я не знаю тебя, но о твоей жизни знаю все, - сказал он. - Я читаю этот мир. В знаках сокрыта вся Вселенная, и по какой-то причине Бог научил меня понимать эти знаки. Конечно, ты хочешь знать, могу ли я научить тебя секретам души, "атма виды", показать тебе, кем ты на самом деле являешься. Ведь ты поэтому пришел? В нашей традиции есть условия, согласно которым человека можно назвать гуру. Первое условие таково, что, поскольку гуру обрел власть над смертью и реинкарнацией, он обладает силой вести остальных по тому же пути. Как ты узнаешь, где был я? Если человек находится в духовном поиске, стремясь познать Брахму, что на деле является познанием своего Истинного Я, между гуру и учеником устанавливается тесный союз. Цель этого союза - такая трансформация ученика, которая приведет к его самореализации и возможности самому стать гуру

Шастра - это единственный источник знаний об истинных вещах, лежащих за пределами чувственных восприятий. Что я имею в виду под словом "шастра"? Ты бы перевел это как "священное писание" или "текст", но я имею в виду совсем не тот текст, к которому ты привык. Это не написанный текст и не книга. Его не найдешь ни на страницах, ни на обложке. Конечно, можно напечатать мантры и звуки. Можно даже написать одну из версий рассказываемых историй, но их сила и власть содержатся между строк. На бумаге - это белое пространство, незатронутое чернилами. Напечатанное может восприниматься по-разному, ведь есть разные люди, духи и боги. Текст же - это традиция, проявляющаяся через того, кто ее хорошо знает.

Баба начали пробираться в комнату один за другим. Они касались ног Хари Пури Баба и садились на голую землю.

- Это я добился того, что они полностью разделись, - сказал Хари Пури Баба гордо.

Какой-то баба потянул за ремень сумки, висящей у меня на плече, пытаясь снять ее. Когда я в некотором раздражении обернулся к нему, Хари Пури Баба велел молодому человеку, которого он назвал Кедар Пури, вести себя прилично.

- Знание, ведущее к освобождению, может быть получено из источника, обладающего достаточным авторитетом. Таким источником является линия преемственности учителей. Традиция преемственности власти является эффективным способом передачи знаний так, чтобы время не исказило их. Невозможно достичь мудрости, не следуя гуру. Таким образом, путь становится целью. В нашей традиции гуру является хранителем ученика, жаждущего путешествовать по дальним пределам всех трех миров.

Хари Пури Баба начал казаться мне конечной целью всех моих мечтаний. Он был тем, кем смогу стать я, если буду упорным в продвижении по Пути Героев.

Но почему я не смог сам догадаться обо всем этом? Потому, наверное, что в каждом поколении множество ищущих мужчин и женщин тоже пытаются разобраться во всем сами, но мудрая Природа хранит язык и систему знаков, при помощи которых информация передается из поколения в поколение. Традиция позволяет человеку идти по пути, искать смысл жизни и осознавать самого себя в качестве части коллективной души, преодолевающей разрушительное воздействие времени. Если бы не было такого блага, как традиция, каждому ищущему приходилось бы начинать с самого начала и проживать бесчисленные жизни в попытках найти путь видения и понимания.

Конечно, вам все равно придется разбираться во всем самому. Все равно придется искать путь и идти по нему. Гуру может указать направление, помочь сделать первые шаги, учить, спасать из неприятностей, наконец, дать благословение. Но все равно идти вам придется своими собственными ногами.

Подождите... О чем это Хари Пури говорит? Не опасно ли это? Может, этот переменчивый человек, рациональный и иррациональный одновременно, представляющий опасность и защиту от нее, заботящийся обо мне, как мать или отец, просто завлекает мою душу в царство искушения?

- Ты действительно не знаешь, по какому поводу сегодняшний праздник? - спросил Хари Пури Баба мягким голосом. - Он в твою честь, - просто сказал он и широко улыбнулся. - Все празднуют по поводу твоего прибытия.

Хотя ни один из садху не понимал английского, казалось, что они все согласны с Хари Пури Баба, поскольку начали, как один, кивать головами.

Меня что, разыгрывают, облапошить решили, как это уже было пару раз на базаре? Я почувствовал дурноту, начала кружиться голова, и сильный запах благовоний не имел к этому никакого отношения.

- Я ждал именно тебя и знал, что ты придешь сегодня, - сказал Хари Пури. - Знаешь, что это значит: быть учеником, быть "чела"?" - Он не стал дожидаться моего ответа, - это значит, что у тебя есть проводник, защитник, тот, кто покажет тебе Путь и сделает все, что в его силах, чтобы увидеть, как ты доходишь до конца Пути, как это когда-то сделал он сам, чтобы ты смог показать этот Путь другим и уберег знания от исчезновения. Тебе понятны мои объяснения? Я кивнул.

- Есть еще одна вещь, - продолжил он, и его лицо посерьезнело. - Ты должен чем-то пожертвовать, должен предложить свою жизнь в обмен на получение знаний. Ты должен оставить мир, в котором родился, материальный мир, и перейти в мир духовный, мир йогинов и аскетов. Тебе придется оставить весь свой багаж позади, - сказал он и засмеялся. - Поэтому сейчас тебе нужно формально попросить меня об этом. Хочешь ли ты, чтобы я сделал тебя своим учеником?

- Ну... Вы столько мне рассказали, Бабаджи. Я все еще пытаюсь в этом разобраться. Дайте мне время подумать.

- Нет. Сейчас или никогда!

- Сейчас, - сказал я. Я всегда умел принимать мгновенные решения, даже такие важные, как это.

- Тогда сегодня я сделаю тебя своим чела, своим учеником.

Намах парвати пате хара хара махадев!

Приветствие Повелителю, мужу

Госпожи горы! Приветствие Шиве!

Обнаженные баба подтвердили решение Хари Пури Бабы восхвалением Великого Бога Шивы.

Пандит Шеш Нараян, брамин, который так широко улыбнулся мне в хавane, сел рядом и обнял меня за плечи, словно я был вернувшимся блудным сыном. Шеш Нараян был именно тем пандитом, который выполнял для каждого неофита, вступающего в ряды Джуна Акхары, то есть "Старого Ордена", "вирья хаван", ритуал инициации в саньясины. Сегодня он был главным во время выполнения ритуала "Шива-шакти яджны".

Я не смог понять ни слова из того, что пытался сказать мне пандит, даже часто повторяемого "рампури". Я обернулся к Гуру Джи, и тот перевел:

- Этот мудрейший человек только что сказал, что тебе повезло иметь такого гуру, как я. Хотя, может быть, очень не повезло. Бог знает.

Хари Пури Баба так ничего и не сказал, как переводится слово "рампури".

Сомнения начали одолевать меня.

- Не знаю, готов ли я, - запротестовал я. Ну почему все должно произойти так быстро? Может, мне лучше несколько дней подумать или повидать еще нескольких гуру, прежде чем принимать окончательное решение?

- Ты никогда не будешь готов к этому, - сказал Хари Пури Баба. - Это не то, к чему ты или кто-то другой будет когда-нибудь готов. - Он засмеялся, а я так и не понял, шутит ли он или говорит всерьез...

** Раджпуты, особая общность в сложной системе индийского кастового общества, переселились в провинцию Раджастхан в VII веке и сумели стать подлинными наследниками древнеиндийских кшатриев не только в искусстве государственного управления, но и во всех аспектах военного дела (Прим. пер.).*

ГЛАВА 4

Будь я мудрецом-риши, бардом-сута, каким-нибудь древним рассказчиком историй или даже просто не в меру усердным последователем, то сказал бы, что, когда Хари Пури Баба родился на свет, боги и богини стали усеивать землю лепестками райских цветов, у коров утроился надой молока, и на мгновение на всей Земле наступил мир. Но я этого не скажу и предоставлю вам одни голые факты. Хари Пури Баба был необычным ребенком. Он родился в семье браминов, которые были личными астрологами королей Ман-ди и жили в месте, которое сейчас называется штатом Химачал-Прадеш. Старая семья с древними традициями, в которой драгоценное знание о прошлом и будущем и о нахождении самого подходящего времени для важных начинаний передавалось от отца к сыну по меньшей мере со времен Риши Бригу, то есть в течение нескольких тысяч лет. Короли со всех сторон света, йогины, теологи и даже великие астрологи приходили к ним за консультацией и предсказаниями, и их совет всегда был безупречен.

Мать Хари Пури Баба упала в обморок, когда ее муж сообщил, что их первенец станет в будущем великим саньясином. Кем угодно, но только не саньясином. Женщина знала, что ее муж может противостоять определенным влияниям небес, и стала умолять его сделать хоть что-нибудь. Нельзя сказать, чтобы отец Хари Пури желал такого будущего для своего сына, но он с одного взгляда умел отличать баба от остальных людей.

Однажды, за день до приносящего несчастья лунного затмения, когда люди в страхе попрятались по домам, к отцу Хари Пури пришел за советом Сандхья Пури Баба, очень известный и великий сиддха, маг, обладающий огромными йогическими силами, недоступными обычному человеку. Этот день стал поворотным в жизни десятилетнего Хари Пури. Очарованный Сандхья Пури Баба, упрямый мальчишка решил всюду следовать за ним. Он не хотел становиться астрологом и говорить людям, что им нужно делать, а желал быть свободным как ветер, бродить тут и там, учиться и практиковать сиддхи также, как и Сандхья Пури Махарадж Слезы матери не остановили Хари Пури (но мать все-таки дала ему разрешение уйти и благословила его), и отец, находясь под впечатлением от Сандхья Пури Бабы, решил, что если его сыну суждено стать садху, пусть он, по крайней мере, будет учеником великого святого.

Ко времени своего десятилетия Хари Пури Баба уже обладал

знанием нескольких интеллектуль-ных и духовных традиций, описываемых на санскрите (включая астрологию), и считался чем-то вроде вундеркинда из-за знания языков и мантр.

Став учеником Сандхья Пури, он отправился бродить пешком по миру, побывал в Вшалаях, Кашмире, Пенджабе, Непале, Ярканде и Тибете. Сандхья Пури брал его с собой на даршан, встречи с другими сиддхами, живущими и практикующими в гималайских пещерах. Он оставил своего ученика там, высоко в горах, чтобы тот выполнил "севу", практику служения великим сиддхам.

Таков путь ученичества, "гуру шишья парам-пара": служи гуру, угождай ему, и, если повезет, он даст тебе свое благословение, "ашир-вад". Дай благословению взрасти, и тогда через какое-то время произойдет передача, благодаря которой ученик впитает опыт традиции и личность гуру. Если ты очень ему угодишь, то можешь просить выполнить свою просьбу так же, как давным-давно люди просили богов выполнять их мечты.

Прошли годы, Хари Пури Баба овладел некоторыми сиддхи. Я знал его в течение очень короткого промежутка времени и потому не могу судить о том, какими именно силами он обладал или не обладал, но о прекрасном знании иностранных языков могу смело свидетельствовать. Владение санскритом и современными индийскими языками, даже такими так тамильский, телегу и малаялам, было неудивительным. Английский, близкий к совершенству, тоже не был редкостью в Индии. Знание fyру европейских языков, таких как французский, итальянский и испанский, заставило меня поднять в изумлении брови, и по-настоящему я удивился, когда услышал, как Хари Пури Баба заговорил по-немецки, который он выучил со слуха меньше, чем за день. Но когда я увидел, как он разговаривает с воронами, у меня по-настоящему захватило дух. Он говорил на "ка блаше", языке ворон, птичьем, а не человеческом языке!

До сегодняшнего дня я так и не встретил ни одного другого Нага-саньясина из древнего ордена Джуна Акхары, который говорил бы по-английски. То, что Гуру владел моим родным языком, было настоящим подарком небес и смягчало резкое погружение в незнакомый мир хинди.

В 1959 Хари Пури Баба отправился в город Хо-шапур, штат Пенджаб, чтобы встретиться там с Бригу Шастри, великим астрологом, обладающим "Бригу Шастра", текстом тысячелетней давности, составленным его далеким предком по имени Риши Бригу. Также Бригу Шастри был единственным хранителем той части этого древнего текста, в которой содержались гороскопы всех людей, которые когда-либо переступят порог дома

хранителя. В этих гороскопах были описаны жизни людей на протяжении тысячи лет. Бригу Шастри мог найти гороскоп для любого, кто приходил к нему. Он просто отмечал точный момент, когда клиент переступал порог его скромного дома, делал необходимые расчеты, а затем начинал просматривать манускрипты, начертанные на пальмовых листах, в поисках гороскопа именно этого человека среди прочих, записанных без всякой хронологии. Хари Пури Баба пробыл с Шастри несколько недель, рассматривая эту и прошлые его жизни вместе с астрологом.

Бабаджи узнал, что у него будет всего три ученика. Один погибнет в пожаре, другой потеряет силы и в конце концов будет убит, а третий приедет из другой страны. Я несколько раз спрашивал у Хари Пури Баба, что же произойдет с иностранцем, но он так мне и не ответил. Он сказал только, что узнал у Шастри точное время, когда я десять лет спустя пересеку порог его ашрама в Амлода Кунд.

Обо всех этих подробностях я не имел ни малейшего понятия, когда сидел в окружении нагих йогинов, словно пришедших из далекого прошлого. Не знал я и о том, что уже являюсь частью истории о Хари Пури Баба. Все, что мне на тот момент было известно, это то, что меня вот-вот инициируют в Традицию Знания, что бы под этой самой традицией ни имелось в виду.

Увидев подходящего к ашраму парикмахера, я понял, что грядут неприятности. У всех баба были длинные волосы, намного более длинные, чем мои. Я решил, что не буду расставаться с собственной шевелюрой, пока не пойму, что Хари Пури Баба стоит доверия. Может, все эти баба просто разыгрывают меня?

- Я не могу это сделать, Свами Джи, - сказал я. - Я совсем не хочу обривать голову.

- Делай, что хочешь, - ответил Хари Пури Баба, сверкнув улыбкой. - Но как же иначе ты станешь похожим на ребенка, готового принять новое знание? Надо бы попросить парикмахера сбрить все твои волосы не только на голове и лице, но и ниже. А то как же иначе три мира узнают, что ты мой ученик, Рампури, если ты не следуешь традиции Пути?

Я спросил его, почему все продолжают называть меня каким-то "Рампури". В ответ он предположил, что я уже многое понял, включая и то, что мне было даровано новое имя. Я пробыл в Амлода Кунд всего полдня, а уже расстался со своим именем!

Всякий, кто хочет стать саньясином, получает новое имя, чтобы иметь возможность войти в новый мир. Вот так я узнал, что Хари Пури Баба назвал меня Рам Пури.

Он объяснил, почему дал мне именно это имя. В традиции

саньясинов Пури используется как фамилия или имя, передающееся от гуру к ученику. В пятом веке до нашей эры Ади Шанкара оформил неорганизованные до того группы аскетов, шаманов и йогинов в орден, который позднее станет известен как Орден Десяти Имен, и членов которого станут называть саньясинами. Одним из Десяти Имен было Пури, и с того времени оно стало переходить от учителя к ученику.

Рам (Рама) - это распространенное индийское имя, принадлежавшее когда-то одному из воплощений Вишну, принцу из Айодхьи, который спас свою принцессу от демона Раваны. Имя Рам было выбрано Хари Пури Бабой на основе астрологических вычислений, "Рампури" также значит характерный нож с выбрасываемым лезвием, который делают только в городе Рампур.

Считается, что Ади Шанкара, почитаемый многими как одно из воплощений Шивы, был одним из величайших мыслителей и реформаторов Индии. В возрасте восьми лет он совершил отречение от всего мирского, уже изучив к тому времени священные Веды. К двадцати годам он успел стать автором работ на философские и религиозные темы, многие из которых стали величайшими в своем роде, реформировал религию браминов, основал четыре самых влиятельных из образовательных центров Индии и сформировал Орден саньясинов. Помимо этого он дал людям путь самопознания, который и поныне практикуют по всему миру. Этот путь называется Адвайта Веданта. Ади Шанкара исчез из мира (в буквальном смысле) в возрасте двадцати восьми лет.

Несколько любопытных детей последовали за мной на окруженную с трех сторон скалами затененную площадку, где цирюльник собирался попрактиковать свое искусство на моем бедном черепе. Медленно шагая, я размышлял над сделанным выбором. Может, лучше сбежать? Интересно, сколько отсюда до дороги? Да и как сбежать?

Стоп! Я же не приговоренный, которого в цепях ведут на галеры, чтобы цепляться за малейшую надежду освобождения. Это всего лишь стрижка. "Оставь свои привязанности!" - сказал я себе.

Цирюльник протянул мне маленькое зеркало в проржавевшей раме, чтобы я смог наблюдать за процессом. Дети захихикали, когда при помощи опасной бритвы он начал сбривать мне бороду и скальп. Осторожно прикоснувшись к гладкому черепу, на котором осталась лишь небольшая прядь волос на затылке, я взглянул на улыбающегося парикмахера. "Гуру Джи", - объяснил он, слегка потянув за оставшиеся волосы.

Хари Пури Баба собрал четверых садху в комнате для пуджи. Там было темно, и поэтому, войдя, я некоторое время ничего не видел. Стены комнаты были увешаны выцветшими фотографиями, одним своим видом внушающими благоговение садху, и постерами с индуистскими богами и богинями. По полу были разбросаны соломенные коврики. Несколько благовонных палочек тлели на алтаре с божествами и маленькими Шива-лингамами. Амар Пури Баба положил напротив Хари Пури Баба сверток, состоящий из оранжевого "дхоти", плода кокоса, бусин из семян рудракши, нанизанных на священный шнурок дважды рожденного, а также две полоски белой ткани для лин-готи. Рагунатх Пури, высокий, серебробородый садху с длинными руками, жестом велел мне сесть напротив Хари Пури Баба.

Пандит Шеш Нараян вошел в комнату, неся при помощи железных щипцов раскаленную жаровню с углями.

Пандит, Хари Пури Баба и я сели треугольником, в центре которого стояла жаровня. Комната начала наполняться дымом.

Подняв глаза к небу, пандит начал петь мантры. Магические слоги непрерывным потоком изливались из его рта. Я понял, что Шеш Нараян взывает к великим силам Вселенной. После каждой фразы, ведической "слоки", он бросал на пылающие угли растертые в порошок благовония, одновременно произнося "сваха!" и посвящая подношения жене бога огня.

Я смотрел на поднимающийся от углей белый дым, в котором была сокрыта подносимая богам жертва священных слогов. Шеш Нараян капнул на мою правую руку святой водой, насыпал туда же риса, цветочных лепестков, снова капнул воды, все это время продолжая петь мантры. Закончив ритуал, он взял с алтаря большой медный сосуд "катори" и велел мне выпить из него. Плескавшаяся в сосуде жидкость странного зеленоватого цвета очень подозрительно пахла.

- Что это? - спросил я у Хари Пури Баба.

- Ничего особенного, - ответил он. - Это жидкость, которая позволит твоему телу избавиться от загрязнений, нектар, приятный природе.

- Что это? - повторил я.

- Пять продуктов, производимых коровой: молоко, творог, топленое масло, коровья моча и ее кал, - ответил на сей раз Хари Пури, говоря так спокойно, будто ничего особенного в употреблении напитка из подобных ингридиентов не было.

- Серьезно? И я должен выпить это? - изумился я, молясь, чтобы это было шуткой. Однако на вкус жидкость оказалась не такой ужасной, как я опасался. Я представил, что каждая моя клетка превращается в золото по мере того, как жидкость

проникает в тело. Выходя из комнаты, пан-дит обернулся и улыбнулся мне. Рагунатх Пури передал мне приготовленный сверток.

- Настало время просить меня о том, чтобы ты стал моим учеником, моим "шишья", - сказал Хари Пури Баба.

Я поднял сверток и положил его у ног Хари Пури с просьбой сделать меня его шишья.

В этот момент вмешался Рагунатх Пури. Я понял из его речи лишь слово "гуру".

- Я не его гуру! - закричал в ответ Хари Пури Баба по-английски.

- Разве нет? - поразился я.

Указав на алтарь, Хари Пури Баба объяснил мне, что становится мне не гуру, а "шакти гуру", гуру-свидетелем того, что я стал учеником главы йогинов, Гуру Даттатрейи, Того, Кто указывает Путь. Маленькая бронзовая иконка на алтаре изображала Даттатрейю полностью обнаженным, с тремя головами, принадлежавшими Браме, Вишну и Шиве.

- Его милостью ты входишь в мир учениче

ства и знания, - сказал Хари Пури Баба. - У его ног ты сидишь. Он твой гуру. Я лишь помощник Вот Он, сидит на алтаре и одновременно находится в нашем кругу, в нашей маленькой мандале, составленной из пяти саньясинов, идущих по Пути. Эти саньясины будут твоими пятью гуру. У меня есть много подарков для тебя, и первый - это твои пять гуру. Каждый из них преподнесет тебе свой подарок. Мой второй дар это гуру-мантра, слоги и звуки, которые привяжут тебя ко мне и через меня - к Пути, это основа и главное прибежище.

Хари Пури Баба потянул себя за бороду и нахмурился.

- Посвящаешь ли ты свою жизнь познанию Бога? Познанию собственного Истинного Я, "брахмавидье"? - спросил он.

Я начал колебаться, ведь это был мой первый серьезный обет в жизни. "Что, если я не прав? -спрашивал я самого себя. - Может, не стоит делать этого?" И вдруг я понял, что через эту ли инициацию и с помощью этого гуру, или любого другого, или вообще своими силами, но я всегда буду стремиться к Пути Знания. Такой обет, который я уже давно дал самому себе, был самым важным.

- Да, посвящаю, - ответил я.

- Может, ты лучше вернешься в свою деревню и оставишь традицию ученичества? - строго спросил меня Хари Пури Баба.

- Нет, - трижды ответил я на трижды заданный вопрос, потому что знал, что никогда не смогу вернуться к прежней жизни в Калифорнии.

Магнал Бхарти, один из пяти гуру, накинул оранжевый дхоти на мою голову. Я услышал, как несколько благословляющих капель упали на ткань, растягиваемую тремя гуру. Хари Пури Баба проник в мою оранжевую пещеру с ножом в руке.

- Не бойся, больно не будет, - прошептал он и наклонил мне голову, срезая довольно тупым ножом прядь волос.

Он обнял мою сверкающую побритую голову своими руками и повернул ее так, чтобы правая сторона оказалась прямо напротив его губ. Дыхание щекотало мне ухо.

- Теперь закрой глаза, сконцентрируйся и случай очень-очень внимательно, - прошептал он еще тише.

Время остановилось, наступила тишина, мир словно перестал существовать, и Вселенная совсем опустела. А затем налетел ветер, обжигающий ураган. Мое правое ухо взорвалось горячим пламенем, когда в него проник тяжелый шепот Хари Пури Баба. Звенящей гармонией, один за другим, без перерыва лились слоги, нанизанные на единую нить. Звучала гуру-мантра. Она прозвучала так быстро, что я не успел толком расслышать ее. Я был слишком плохо сконцентрирован. Это же самая важная мантра! Как я мог позволить своему уму блуждать в такой момент?

Затем Хари Пури Баба прошептал ее в мое левое ухо, снова в правое, и так далее, пока каждое ухо не услышало мантру три раза. После этого ткань была снята, и хор поприветствовал нас:

Намах парвати пате хара харамахадев!

Приветствие Шиве,

Повелителю Госпожи горы!

Меня послали к источнику, чтобы я быстро окунулся в продолжение ритуала, а затем вернулся в темную комнату для пуджи. Там меня заставили снять набедренную повязку, и я предстал перед пятью гуру совершенно обнаженным.

- Он совсем как мусульманин, похоже, тоже прошел обрезание! - пошутил лысеющий Мангал Бхарти, сделав режущее движение указательным пальцем, словно тот был скальпелем. Все засмеялись.

- Ты так смешно выглядишь! - сказал Хари Пури Баба, держась за бок, который заболел у него от сильного смеха. - Словно огромный ребенок! У тебя ничего нет ни в руках, ни на теле. Совсем ничего! Видишь? Нет больше багажа! Властью, данною мне всеми сумасшедшими этого мира я объявляю тебя очищенным от всех грехов!

Рамаватар Гири что-то проворчал, обращаясь к Хари Пури Баба и показывая ему две полоски белой ткани.

- Ах, да! - воскликнул Хари Пури Баба, - твой гуру Рамаватар

Гири желает преподнести тебе в дар эту набедренную повязку "линготи".

Рамаватар Гири обмотал одну полоску белой ткани вокруг моей талии, другую, сложенную согласно его указаниям вдвое, он обернул вокруг первой, прикрыл мои гениталии, а затем завязал на боку.

- Этот линготи будет побуждать твои жизненные энергии, твою прану, к движению вверх, что пробудит богиню Кундалини, спящую глубоко внутри тебя. Он сделает тебя сильным, способным выполнять обеты отречения, он прояснит и сделает более острым твой ум, будет устремлять твое внимание наверх, мимо пяти элементов, составляющих мир материальный, к миру духовному, - объяснил мне Хари Пури Баба.

Рагунатх Пури смешал в маленькой медной миске белый пепел, называемый вибхути, и воду так, что получилось что-то вроде пасты. Вибхути это не обычный пепел, но субстанция силы.

- Вибхути создан священным огнем "дхуни", который никогда не гаснет. Мы приносим дхуни свои жертвы и используем его как средство обоюдного обмена с силами природы. В этом пепле плод бесчисленных жертвоприношений, и иллюзия, несомненно, сожжена в нем дотла. Дуальность не может выдержать силы огня. Дар вибхути это твое материальное благополучие и твоя одежда. Это самое последнее лекарство. Он целителен, но помимо этого ты можешь создать при помощи него все, что угодно. Это очень важная вещь, - сказал Хари Пури Баба.

Рагунатх Пури нанес три горизонтальные линии пастой на мой лоб, а затем передал мне миску, чтобы я размазал оставшееся по всему лицу и телу.

Пока Рагунатх Пури пел мантру, Амар Пури Баба надел мне на шею длинные бусы из семян рудракши, нанизанные на священный шнурок.

- Мой брат, твой гуру, дал тебе рудракшу в подарок. Эти бусы, как ты сам можешь видеть, сделаны из семян дерева, дарующего силу ученичества. Это проявление завета между людьми и Великим Богом Шивой, завет о том, что Путь Знания будет передаваться через традицию ученичества. Самая жестокосердная манифестация Шивы, Рудра, спрятал свою слезу сострадания человечеству, и эта слеза стала деревом рудракша. Эти семена двигают прану вверх, бусы можно носить на любой части верхней половины туловища, чтобы сфокусировать там энергию, но бусы, которые дает тебе гуру, надо носить напротив сердца, там, где находится центр связи между тобой и гуру.

Мангал Бхарти преподнес свой подарок последним, обернув вокруг меня оранжевый дхоти так, что, согласно традиционной

манере санья-синов, руки стали наполовину прикрыты тканью.

- Последний подарок твоих пяти гуру это защита Матери Земли. Погляди на цвет ткани: это охра, цвет крови Земли, цвет ее почвы. Эта замечательная ткань очень длинна в знак того, что Земля своими руками обнимает тебя, пока ты идешь по Пути.

Амар Пури Баба вытащил из складок своего дхоти банкноту в сто рупий и монетку в одну рупию. Он вложил деньги мне в руки и подтолкнул в сторону Хари Пури Баба. Я собирался было просто отдать их гуру Джи, но Амар Пури Баба схватил меня за запястье, показывая, что я должен положить деньги под стопу учителя.

- Арех ва, бакча! - сказал Гуру Джи. - Это большая дакшина. Ну, ты из Лондона, или чего-то на него похожего, там ведь улицы мостят золотом, верно?

Не имело никакого значения, что я был более нищ, чем умирающий от голода индийский крестьянин, и деньгами меня снабдил Амар Пури Баба. В этот момент деньги перестали быть деньгами.

- Это священная плата учителю. Как вы это называете, гонорар, да? - сказал Хари Пури Баба, хихикая. Священные деньги, подумал я.

Амар Пури Баба сложил мои ладони вместе, словно для молитвы.

Ом намо нараян! Ом намо нараян!

Он сделал движение ланонями вверх, и я повторил вслед за ним:

Ом намо нараян!

- Это мантра, которую мы используем, чтобы приветствовать гуру и друг друга, - объяснил мне Гуру Джи. Затем мне показали, как делать почтительные поклоны, называемые "омкара-ми", которые было необходимо выполнять каждое утро и вечер перед всеми гуру. Присев на корточки, не отрывая ступней от земли, я прикоснулся большими пальцами рук к мизинцам ног и стал повторять:

Ом гуру джи! Ом девджи! Ом датджи! Ом свамиджи! Ом алакхджи! Ом намо нараян!

Каждый раз я что-то забывал, и каждый раз меня поправляли. Я выполнил это по пять раз для каждого гуру, наклоняясь вперед и прикасаясь лбом к большим пальцам в конце каждого цикла. Амар Пури Баба дал мне монетки в одну рупию для дакшины пяти гуру.

Мои гуру воззвали к Шиве, Повелителю Госпожи Горы:

Намах парвати пате хара хора махадев!

Рагунатх Пури Баба взял жертвенный кокос и внимательно осмотрел его. Орех был похож на голову маленького круглого

человечка с бородой. Кончить свою жизнь ему было суждено не от обыкновенного ножа: кокос бросили прямо на пол, и он разлетелся на две части, разливая священную жидкость. Разбитый на части, орех стал подношением богам, знаком инициации и обручения. Это было похоже на то, как на еврейских свадьбах разбивают бокалы.

В кокосе оказалось много молока.

- Хороший знак, - сказал Хари Пури Баба. - Ты будешь плодоносящим учеником, видишь, сколько молока вылилось!

Затем Рагунатх Пури выскреб мякоть кокоса и перемешал его с "гуром", натуральным коричневым сахаром, который получался от выпаривания сока сахарного тростника.

- Это вкус богини Лакшми, - сказал Хари Пури Баба. Он взял небольшой кусочек гура и положил его мне в рот. Я, ведомый наитием, сделал тоже самое. Рагунатх Пури несколько секунд смотрел на меня, а потом спросил:

- Гур сладкий или гуру сладкий? Я ответил:

- Гуру.

Он повторил вопрос еще два раза, и всякий раз я отвечал правильно. Он поднял поднос "тха-ли" над своей головой и трижды прокричал:

Махант хари пури бабаджи ка чела...

Рам пуриджи!

Совершив "пукар", сообщение всем трем мирам, что я стал учеником Хари Пури Баба и что мое новое имя - Рам Пури, Рагунатх Пури раздал смесь кокоса и гура присутствующим садху, а затем послал лакомство на подносе - тхали остальным садху, а также браминам, совершавшим хаван, жертвоприношение огню.

Таинство пяти гуру, "панч гуру санскар", было совершено, отношения между гуру-учителем и шишья-учеником установлены. Теперь, когда я стал его учеником, Хари Пури Баба пообещал, что сделает меня саньясином на приближающемся празднике Ардх Кумбха Мела, который состоится в Праяг Радже, штат Аллахабад, во время пребывания Сурья-солнца в доме Макара-крокодила, находящегося примерно в районе Водолея. До этого знаменательного события я буду учиться, учиться усердно и много.

После инициации я почувствовал себя совсем не так, как раньше. Мне казалось, что, пожелай я пройтись по воздуху, точно не упаду. А если куплю лотерейный билет, непременно выиграю. Отражение в зеркале, сверкающее свежепобритым черепом, внимательно посмотрело на меня. Голова казалась голой. Да, это уже не тот я, к которому я так привык В другого человека я не превратился, просто за спиной поубавилось багажа.

Я дал серьезный обет в присутствии святых людей. В тот вечер, перед тем как отправиться спать, я сел у окруженного богами источника, молясь о том, чтобы я оказался достоин собственных обещаний. Непокрытой голове было холодно, ничто не защищало ее от окружающих стихий.

Ом пурнамада пуриамидам

пурнат пурнамудасиате

пурнасья пурнамадайя

пурнамев авасисьяте

ом шанти гианти гианти!

То - целое, это целое.

Из целого целое проявлено.

Когда целое исходит из целого,

целое целым остается!

ГЛАВА 5

На следующий день мой сон был жестоко прерван задолго до рассвета. Дружный храп, подобный рокоту волн, разбивающихся о скалистый берег, наполнял темную комнату. Перед моими глазами медленно проявилось полное нетерпения лицо Амара Пури Баба.

- Пошли, - коротко сказал он.

Я попытался отыскать в полутьме свою одежду. На полу вповалку лежали спящие тела, а на одном из двух "чарпаев", кровати, представляющей собой деревянную раму с натянутой посередине сетью из конопляной веревки, виднелся кто-то, сильно напоминающий Хари Пури Баба, укрытый платком. Моей голове было холодно, начавшие отрастать волосы превратили ее в некое подобие наждачной бумаги. Значит, вчерашняя инициация мне не приснилась.

Куда? Бог ты мой, сейчас же еще середина ночи! Амар Пури Баба поспешно вывел меня из комнаты, пробормотав: "Яма-Нияма", но моя бедная сонная голова отказывалась понимать эту тарабарщину. Осознав мое непонимание, Амар Пури Баба произнес громче: "Яма". Мне же послышалось "юма", и я кисло подумал, что ему все происходящее, по-видимому, очень нравится. На самом деле Амар Пури говорил о первой части йоги, "яме", то есть дисциплине.

Вот так я приступил к ученичеству, так и не получив ни дня, чтобы поразмыслить над ним. Без двадцати минут четыре я уже почистил зубы палочкой с дерева ним, а затем был отправлен в кустики, чтобы облегчить кишечник

Раз, два, три, четыре, пять,

Вышел зайчик погулять...

Вот первая задача: дисциплинировать собственное тело. Однако я не имел ни малейшего понятия о том, как какать по приказу, и потому, несколько раз безуспешно потужившись, бросил это занятие и присоединился к Амару Пури Баба, ожидавшему меня у источника. Он заставил меня тщательно протереть руки пеплом вибхути, а затем смыть пепел водой, и так несколько раз. Считается, что пепел чист по природе, а мыло - загрязнено. Затем я стал наблюдать, как он, прыгнув в чашу источника быстро, но очень тщательно помылся. Меня же ожидало нечто совсем иное: Амар Пури Баба заставил меня присесть на корточки и стал методично, кувшинчик за кувшинчиком, выливать воду мне на затылок. Кажется, я стал не новопосвященным, а новобранцем, а Амар Пури Баба - мой

бравый сержант...

Мокрый, дрожащий от холода и одетый в одну лишь набедренную повязку "линготи", я последовал за Амаром Пури Баба, чтобы собрать цветов и украсить самыми красивыми из них лингам Шивы и статую обезьяньего бога Хану-мана. Оставшиеся цветы мы отнесли к священному огню "дхуни", чтобы два все еще неинициированных ученика Амара Пури Баба, Шами Сундар, смогли бы украсить ими очаг. Зарытому в углу дхуни полутораметровому трезубцу тоже досталось несколько цветков. Амар Пури Баба сел на корточки радом с огнем, взял правой рукой щепотку вибхути и неразборчиво пропел над ним какую-то мантру, а затем отправил пепел прямо в рот. Тем же, что осталось, он сделал точку в районе третьего глаза. Затем Амар Пури отошел на шаг, три раза прикоснулся перекрещенными руками земли и стал выполнять почтительные поклоны-омкары именно так, как меня учили вчера. Хари Пури Баба наказывал мне выполнять омкары дважды в день для всех гуру. Вот она, подсказка! Я поклонился очагу и стал делать то же, что и Амар Пури Баба. Дхуни - тоже гуру.

Дхуни - это лоно, рождающее вибхути; это личность, божество и сила! Дхуни - Мать Огня, а Ветер - его Отец. Это искра света, заставляющая тьму неведения развеяться, словно тьмы никогда и не было. Дхуни - священный огонь, который пылает ("дху") так же, как светит ("дхуп") Солнце. Этот огонь сжигает мир дотла, и из плодородного пепла, из получившегося угля рождается новый мир. Пепел вибхути лечит, служит, одевает и творит процветание. Амар Пури Баба показал мне, как покрыть вибхути мое все еще мокрое и замерзшее тело. Холод сразу же исчез.

Амар Пури Баба положил в очаг благовония, а затем разгреб золу при помощи специальных щипцов "чимпта", чтобы достать спящие в глубине угли. Потом он аккуратно положил поверх углей несколько высушенных коровьих лепешек, и через пару минут из очага начал подниматься дымок Дхуни проснулся.

Шам передал своему Гуру Джи ладан, а также пахучую смолу других деревьев, семена кунжута, топленое масло, и, наконец, немного молока. Все это Амар Пури Баба предложил в качестве подношения божеству огня. Оба молодых ученика стали подавать мне сигналы, показывая глазами на ноги Амара Пури Баба. Поняв, в чем дело, я поклонился и выполнил почтительные поклоны-омкары для гуру, даровавшего мне рудракшу.

Вытащив из-под соломенного коврика коробку, он достал оттуда немного ганджи, показав, как ее надо растирать, а затем добавил несколько капель воды, чтобы получилась смола.

Близился восход, джунгли вокруг нас постепенно просыпались, наполняясь шорохами и звуками. Я набил чилим Амара Пури Баба, пока тот тихо напевал мантры. Сладкий запах горящей коровьей лепешки смешался с дымом табака и ганджи, привлекая остальных садху, уже закончивших свою утреннюю практику. Они подходили к огню, обмениваясь приветствиями. Отовсюду звучало "Ом намо нараян". Скоро вся компания, за исключением Хари Пури Баба, была в сборе.

Когда первые из огненных жеребцов, влекущих колесницу Сурья-солнца, появились над горизонтом, я увидел, что от вчерашнего фестиваля не осталось и следа. Все люди разошлись, кто -по соседним деревушкам, кто - по городам, близлежащему Чомуну или более отдаленному Джайпуру. Брамины сели на ночной поезд до Уджайна. Уехали и трое из пяти моих гуру вместе со своими учениками, с трудом втиснувшись в джип "Виллис", принадлежащий одному из мирских последователей.

Хари Пури Баба встал поздно. Амар Пури Баба, который уже три с половиной часа был на ногах, насмешливо спросил у усевшегося рядом с ним свежего и ухоженного гуру-бхая:

- Хорошо ли выспался?

- Лучше, чем когда-либо, - ответил тот. Амар Пури Баба вглянул на меня, привлекая внимание к ногам Хари Пури Баба. Снова поклоны.

- Я путешествую по ночам, - объяснил мне Хари Пури Баба, когда я сел на корточки напротив него. Я прикоснулся к его ногам и начал пропевать:

Ом гуруджи, ом девджи, ом...

- Летаю по воздуху, словно авиапочта. - Он обернулся к Амару Пури Баба, а я продолжал совершать для него свои омкары. - Ты "тапасви", йогин, выполняющий строгие обеты, поэтому тебе нужно спать по три часа, а мне по ночам надо работать, гуру-бхай, - сказал он.

- Мне не нужен сон! - резко возразил Амар Пури Баба.

- Да, но ты верный последователь, - ответил Хари Пури Баба. Я продолжал выполнять омкары, прикасаясь лбом к его ступням. В один из моих поклонов Гуру Джи мягко похлопал меня по тому ? месту, где череп присоединяется к шее.

- А ты кто, арабский факир? - язвительно спросил у меня Амар Пури Баба, и все засмеялись.

Шутник и комедиант, Хари Пури Баба смеялся над самыми священными традициями и положениями "санатан дхармы", как сейчас часто называют индуизм. Он играл роль адвоката дьявола, постоянно бросая вызов собственной традиции. В любой другой религии его бы назвали богохульником, в своей собственной он

был искрен-о ним верующим.

- Запомни, Рам Пури, поступать надо так, как говорит гуру, а не так, как он сам делает, - сказал, нахмурившись, Амар Пури Баба, завершая тем самым очередной раунд спора с Хари Пури одной из своих редких побед. Хари Пури Баба, однако, нимало не расстроился, радуясь тому, что его гу-ру-бхай выиграл.

Гурубрахма гурувишну

гуру дево махешвара

гуру сакшат парабрахма

тасмай гири гураве намах!

Дхъяна мулам гурамурти

пуджамулам гуро падам

мантрамулам гуровакъям

мокшмулам гуро крипа!

Пропел Амар Пури Баба.

Гуру это Брахма, Вишну и Шива.

Гуру - это проявленное Высшее Знание.

Мои приветствия гуру.

Корень медитации - тело гуру.

Корень пуджи - ноги гуру.

Корень мантры -речь гуру,

Корень Освобождения -милосердие гуру.

Я был горд тем, что меня назначили приглядывать за дхуни Хари Пури Баба. Но это также значило, что моим домом стало место возле дхуни, я стал постоянным компаньоном священного очага: я ел и спал у дхуни, повторял свои мантры, поддерживая, согласно указаниям, такое состояние очага, чтобы от дхуни постоянно поднимался дым. Я раскладывал топливо, добавлял в случае необходимости новое и предлагал дхуни всю свою еду и питье, прежде чем приниматься за трапезу. Все время, не занятое другой работой, я просиживал у священного огня. Но сидел я не где придется, а в строго определенном месте: на северо-западе от дхуни, по правую руку от сиденья "асаны" Хари Пури Баба. Из одежды мне, как хранителю дхуни, полагалась лишь набедренная повязка и священный пепел вибхути. Ночью мне дозволялось укрываться только тонким оранжевым дхоти.

Дхуни переменчив, словно река. Каждый дхуни - это личность, подверженная перепадам настроения так же, как и люди. Пламень дхуни - это приемник и передатчик одновременно, потому что он подобен экрану, на котором показывают чернильные пятна в тесте Роршаха, и каждое из них что-то значит. Часто по ночам, когда я смотрел на огонь и не старался фокусировать взгляд, ко мне приходили видения. Вначале я видел трезубцы * и морские ракушки, огненные копья и лотосы, змей и быков, а потом однажды мне привиделся желтоглазый мужчина с большим животом верхом на баране. Хари Пури Баба объяснил, что мне посчастливилось получить даршан Агни, Бога Огня.

Постепенно я познакомился с дхуни поближе, узнал, что ему нравится и что нет, что заставляет его коптить и дымить, а что разжигает так сильно, что языки пламени с голубыми лепестками на концах начинают вздыматься высоко вверх. Я узнал, как готовить дхуни ко сну, зарывая в пепел толстую коровью лепешку так, чтобы угли не прогорели, узнал, как пробуждать огонь поутру все той же коровьей лепешкой, но на этот раз тонкой и разломанной на множество маленьких кусочков.

Дхуни, в свою очередь, тоже может проявлять преданность. Собака на незнакомцев лает, а дхуни направляет в их лица дым.

Куда бы ни сел но-вопришедший и куда бы ни дул ветер, дым всегда будет идти прямо человеку в лицо. Дхуни и его дым танцуют в нежных ветрах, их родных братьях, незаметных для глаз людей. Люди могут догадаться об их присутствии лишь по направлению дыма и языков огня. Неважно, какую власть имеет баба над своим дхуни, когда дело касается незнакомцев, огонь всегда остается настороже. Я вспоминаю нескольких друзей, которые навещали меня во время прошедших за эти годы Кумбха Мел, многим из них пришлось встретить жестокое обращение со стороны моих дхуни.

Однажды утром Амар Пури Баба заставил меня выучить наизусть строку из двадцати восьми слогов, которую я помню по сей день. Это Путь Йоги и ее полное описание. Это не мантра, но "сутра", эзотерический язык, передающий огромный объем знания всего в нескольких слогах. В этой Йога-сутре, данной миру Патанджали, святым риши и мастером Йоги, грамматики и сокращений, для которого удалить слог по своей значимости было все равно, что родить сына, насчитывается восемь одновременных шагов. За два тысячелетия до появления компьютеров и архивации данных были написаны слоги, составляющие целое учение.

Восемь ступеней Йога-сутры Патанджали это:

1. "Яма", то есть контроль.
2. "Нияма", предписания.
3. "Асана", правильная поза.
4. "Пранаяма", контроль за дыханием.
5. "Пратьяхара", то есть умение не отвлекаться на образы, воспринимаемые органами чувств.
6. "Дхарана", непоколебимость ума.
7. "Дхьяна", проникновение, медитация.
8. И, наконец, "самадхи", слияние вышеперечисленных семи в единство, называемое Йогой.

В тот же день я набрался смелости и попросил Хари Пури Баба дать мне "садхану", ежедневную йогическую практику.

- Сиди с прямой спиной и не позволяй уму блуждать, - сказал он. - Вот и вся практика. О прочем можешь спросить у Амара Пури Баба.

- Сначала ты нарушаешь все традиции и делаешь иностранца своим учеником, а теперь хочешь, чтобы я стал его Гуру Джи? - спросил сердито Амар Пури Баба.

- Ты уже его Гуру Джи, гуру-бхай, или забыл? Ведь ты дал ему рудракшу. Ну не затем же, чтобы скурить ее в чилиме? - спросил Хари Пури Баба удивленно подняв брови.

- Не напоминай мне, - ответил Амар Пури Баба.

Хари Пури Баба обернулся ко мне.

Чигптпа вритти ниродха!

Пропел он и перевел:

- Йога останавливает болтовню ума. Позаботься о маленьких вещах, потому что вначале надо отказываться от малого.

Он снял с шеи "рудракша малу", четки со ста восемью бусинами, и повесил их мне на шею.

- Я предлагаю тебе каждое утро после омовения практиковать "джапу", повторение гуру-мантры, пятьдесят одну малу в день, - сказал он и включил транзистор, чтобы послушать еле слышимые сквозь помехи новости радиостанции "Вся Индия".

Практика мне все же нашлась, но это была вовсе не ожидаемая мною йога-садхана. Я мыл тарелки и грязные горшки, стирал белье, резал овощи, помогал на кухне, подметал у дхуни и в других комнатах. Амар Пури Баба следил за тем, чтобы я не бездельничал. Дважды в неделю я сопровождал, его или какого-нибудь другого садху в Чомун за покупками. Мне едва хватало времени, чтобы выполнять по утрам практику гуру-мантры. Днем же я сидел на земле у дхуни, по правую руку от Хари Пури Баба, пока он общался с последователями и другими людьми.

Просиживая долгие часы рядом с дхуни, поздно ли вечером или в ранние часы рассвета, я представлял себя йогином. Вот я сижу, одетый в одну ЛИШЬ набедренную повязку, и пепел покрывает мою кожу. Моя спина выпрямлена, я обращен лицом к священному огню Шивы и считаю пропеваемые мантры при помощи бусин "руд-ракша малы". Я воображал, что нахожусь на самом верху Гималаев, на священной горе Шивы Кайлаш, и практикую отречение от всего мирского. После нужного количества повторений гуру-мантры я выполнял несколько йогических асан, которым научился еще в Соединенных Штатах. Я представлял, как Кундалини, таинственная сила, спящая в основании спины, поднимается и пробуждает все мои чакры. Я читал об этом еще до того, как уехал из дома. Я мечтал о древних индуистских книгах, не о Ведах и Упанишадах, но о древних тайных учениях. Я хотел узнать о прошлых жизнях и астральных путешествиях.

Я рассказал Хари Пури Баба о своих размышлениях, на что он ответил, что знает множество древних и тайных книг, но ни у одной из них нет страниц. Засмеявшись, он сказал:

- Мы учим все наизусть, сынок И потом, если бы даже у этих книг и были страницы, как бы ты их понял?

- Я выучу санскрит, - сказал я.

- Но даже тогда ты не узнаешь ничего, кроме слов, - ответил он мне.

- Но в словах есть смысл, - удивился я.
- Смысл - это звук, - ответил гуру.

В Амлода Кунд баба всегда приветствовали друг друга, произнося "ом намо нараян". Я спросил Хари Пури Баба, что это значит.

- А! - сказал Хари Пури Баба. - Что именно ты хочешь узнать: перевод, значение или силу этого приветствия? Это три разных вещи, знаешь ли. Сила состоит в шести слогах: "на", "ма", "на", "ра", "я", "на". Когда ты сможешь правильно воспроизвести звучание каждого из них, ты получишь силу приветствия. Не волнуйся, у тебя получится. Если же ты хочешь получить английские слова, тогда слушай. "На-ма" это твое имя, но что в этом имени? Как тебя узнают? Какая у тебя репутация? Поэтому "на-ма" это сила уважения, приветствие. "На-ра-я-на" это бог, который дал человеку его человеческую природу, бог, пребывающий в сердце человека также, как он восседает на огромном змее, плавающем в океане молока. Этот бог - Вишну.

- Но так как же правильно: "нама нараян" или "намо нараян"? Мне казалось, что вы говорили "намо", - спросил я.

- Есть слушание, как у ребенка, когда ты слышишь то, что тебе кажется, а есть слушание, когда слышен звук, точная вибрация, и тогда приходит нечто большее, чем простое восприятие. Поэтому "нама" на самом деле "намах" или даже "намас", но когда этот слог присоединяется к "нараян", он становится "на-мо". Звук должен изменяться при соединении с другим звуком, а вибрации - меняться при соединении с другими вибрациями, чтобы в мире сохранялся порядок, - объяснил Хари Пури Баба. - Тебе надо самому искать понимание этого, я же могу лишь указать путь. Это мой долг. А идти ты должен сам. Традицию нельзя найти в книгах. Конечно, можно купить книги Ади Шанкары, но даже если ты поймешь написанное на санскрите, то обнаружишь, что без традиционных комментариев, без интерпретации учителя, стоящего в линии преемственности знания, прочитанные слова не будут иметь никакого смысла. Сами по себе книги ничего не значат, неважно, древние они или современные.

Вдруг я почувствовал острую боль в левой ступне, потому что Амар Пури Баба ударил по ней железными щипцами. Я и не заметил, что встал так, что пальцы левой ноги стали указывать на дхуни. Дхуни надо уважать так же, как необходимо уважать людей, а это значит, что ни на дхуни, ни на людей нельзя указывать пальцами ни рук, ни ног. Амар Пури Баба показал, как надо прикасаться к земле и мочкам ушей, извиняясь за свои плохие манеры, а также объяснил, что для других людей видеть,

как кто-то непочтительно ведет себя, является плохим знаком.

- Ты Брама, - сказал мне Хари Пури Баба. -Кто такой Брама? Взгляни на дхуни, он тоже гуру. Видишь пылающий огонь? Брама - это большой огонь. Вселенная полна огня. Видишь бога дождя в этом огне? Дрова в дхуни символизируют время, прошедшие года. Вот еще один год сгорел. Дым, поднимающийся из дхуни, это облака. Когда из дхуни поднимаются языки пламени, это молния, а потрескивающие звуки - гром. Боги подносят огню нектар-"сому", и тогда идет дождь.

Понимаешь, этот мир - в сущности огонь, ничем не отличающийся от огня, горящего напротив тебя. Дрова - это земля. Дым - ночь, искры -звезды. Боги подносят дождь огню, и из этого жертвоприношения рождается пища.

Мужчина - тоже огонь. Очаг и дрова - это его открытый рот. Дым - его прана, дыхание жизни, языки пламени - его язык, его речь, а искорки пламени - его глаза. Боги подносят еду этому огню. Из этого жертвоприношения рождается семя.

И в женщине тоже есть огонь. Очаг и дрова это ее утроба. Дым - ее волосы, языки пламени - ее гениталии, тлеющие угли - это акт любви, а искры -наслаждение. Боги подносят семя этому священному огню. И тогда из него рождается человек

Человек проживает свою жизнь, и, когда он умирает, его тело отдают пламени. Все есть огонь, Великий Огонь, Брама, - заключил Хари Пури Баба.

С прошествием времени тот пыл, с которым я начал жизнь новопосвященного, постепенно угас. Исчезло ощущение новизны от ношения пепла вибхути вместо одежды, когда я заметил, какой сухой стала моя кожа. "Служение гуру" превратилось в рутину, которую я пытался избежать. Тщетно пытаясь отмыть жир с грязных горшков при помощи одного лишь пепла и холодной воды, я мечтал о жидкостях для мытья посуды. А душ? Я уже забыл, как это - мыться горячей водой.

Но эти мысли были всего лишь отвлечениями. На деле я хотел практиковать йогу, "настоящую" йогу, ведь за исключением мантр, практикуемых рано утром и поздно ночью, все остальные дни проходили, занятые одними и теми же делами, сидением у дхуни во время того, как Хари Пури Баба принимал людей, и мне было очень скучно. Неужели такова жизнь посвященного?

В моем воображаемом ашраме гуру сидел перед множеством учеников, обучая их разным духовным упражнениям, асанам и ритуальным песнопениям. Он вовремя исправлял ошибки и поддерживал учеников. Но в Амлода Кунд ничего подобного не происходило. Хари Пури Баба был прирожденным рассказчиком историй. Он часто садился у дхуни, спиной к шепчущему

транзистору, и рассказывал завороженной аудитории истории о великих садху и их учениях, о подвигах богов и героев, а также о том, почему последний премьер-министр потерял свое кресло. По мере того, как улучшалось мое знание хинди, росло уважение к его искусству рассказчика, но все же я считал, что он должен учить меня большему.

- А как же йогические асаны и подъем Кундалини, Гуру Джи? - спросил я Хари Пури Баба.

Он засмеялся.

- Ты хочешь, чтобы эта змея выела твой мозг и вылезла из головы наружу?

- Да, - упрямо ответил я. - Я хотел бы получить подобный опыт.

- Не волнуйся, он у тебя будет, - ответил он, наливая в катори теплого молока и созывая воронов. Три ворона сразу же слетели с веток вниз, приземлившись рядом с Хари Пури Баба, и погрузили клювы в молоко.

- Разве мне не надо выполнять йогические асаны? - спросил я.

- Это необязательно, - ответил учитель. -Хатха-йога это интересная вещь. Ты правильно считаешь, что, если правильно выполнять асаны, придут здоровье, сила и долголетие. Все это хорошо, верно? Но представь, что было бы, если бы вся китайская армия делала подобные асаны. Стали бы они тогда колебаться, стоит ли переходить границу с Индией и начинать войну? Хатха-йога сделала бы из них более эффективных убийц. Наша традиция делает упор на знания, и, поскольку ты можешь научиться видеть этот мир и собственное тело как иллюзию и понимать, как именно мы эту иллюзию создаем, тогда все средства будут способствовать укреплению твоего тела. Но как только ты привяжешься к своему телу, то попадешь в ловушку майи и все потеряешь. Как я уже говорил, если ты будешь держать все время спину прямо, у тебя все получится.

Хари Пури Баба подозвал Кедара Пури Баба. Хотя я уже провел достаточно времени в обществе этого довольно надменного молодого садху, но только сейчас понял, что Кедар Пури Баба был моим гуру-бхаем, учеником, тоже получающим мантры у Хари Пури Баба. Все молодые садху называли Хари Пури Баба гуру Джи и выполняли для него свои омкары дважды в день. Они не были его настоящими учениками, но почитали Хари Пури как своего гуру. Хари Пури Баба велел Кедару Пури Баба научить меня нескольким йо-гическим асанам, а также "пранаяме", контролю над дыханием.

- На твоем месте я бы сконцентрировался на пранаяме, -

посоветовал мне Хари Пури Баба.

Позднее он объяснил, что хатха-йога никогда не была частью традиции саньясинов-нага и принадлежала более поздней традиции Натов, садху, также называемых "рваными ушами" (потому что в их ушах проделываются дырки для больших черных серег).

И вот каждое утро Кедар Пури Баба и я искали пустую комнату, спрятанную от любопытных взглядов, чтобы заниматься асанами и праная-мой. Однако ничего особенного не происходило. Кедар Пури Баба, садху с самого детства, был невероятно гибок, и в его присутствии я чувствовал себя очень неуклюжим.

- Акхара никогда не примет тебя, Рам Пури, - выпалил он однажды утром. - Они не позволят, чтобы ты прошел "видья санскару", инициацию в саньясины.

Кедар Пури Баба мог быть очень неприятным и всегда знал, как сбить меня с толку. Еще он храпел так громко, как никто другой.

- Почему? - спросил я и почувствовал, что покраснел. - Разве не Гуру Джи это решает? Какое отношение ко всему этому имеет акхара?

- Ты чужак. Это запрещено, - сказал он.

- Но Гуру Джи сказал...

- Гуру Джи, Гуру Джи! Гуру Джи сказал... -передразнил меня Кедар Пури Баба. - Рам Пури, Гуру Джи говорит множество вещей, а ты не понимаешь из них ничего. Он бросает вызов акхаре. Он должен был наследовать трон, священное сиденье главы великого монастыря в Уджайне, когда умер его гуру. Но старшие садху решили, что он слишком молод и, скажем так, радикален. Это было неверное решение, но решает все равно акхара.

- Но какое значение имеет то, что я иностранец? Я такой же человек из плоти и крови, как и ты, и ты мой гуру-бхай, брат по гуру, разве не так? - спросил я. - Я думал, что мы выше всех этих глупых различий. Ведь тело - это иллюзия.

- Это имеет значение, Рам Пури. Каждый из пятидесяти тысяч нага-саньясинов Джуна Акха-ры имеет свое мнение, и тебе придется примириться со всеми ними. Наша акхара - это орден всех направлений нага-саньясинов, которые следуют традиции Даттатрейи.

- Мне кажется, что Гуру Джи не стал бы обещать мне инициацию на Кумбха Меле, если это невозможно, - сердито возразил я.

- Гуру Джи очень сильный, - сказал Кедар Пури Баба. - Посмотрим, что он сделает.

ГЛАВА 6

Поднявшись на холм вместе с Хари Пури Баба, я увидел, что в близлежащем храме Ханумана кипит активность. Вторник, Мангалвар, или день Марса, был днем недели, принадлежащим Хануману. В этот день не стоило начинать новое дело или отправляться в путешествие, но для медитации, подношений и благотворительности этот день был самым благоприятным.

Местные жители столпились в маленьком храме, пристроенном к склону горы. Они мазали сомкнутые губы огромной ярко-оранжевой статуи Ханумана леденцами на палочке. Статуя одной ногой стояла на земле, а другую приподняла в воздух, создавая впечатление, словно Хануман куда-то летит. Мускулистое тело и выражение лица обезьяньего бога заставили меня вспомнить о Супермене и о Кларке Кенте, скрывающемся под его маской. Он был скромен, но обладал огромной властью, несколько рассеян, но при этом предан службе человечеству.

Крестьяне помазали ноги статуи и более мелкие статуэтки Ханумана горчичным маслом, которым обычно обмазываются борцы, а затем посыпали его голову из маленьких бумажных пакетиков оранжевым порошком синдур. Затем порошок стали втирать в горчичное масло, пока не получился жирный слой оранжевого пигмента. Затем им же поставили точку на третьем глазе всех присутствующих. Храмовый пандит гордо улыбнулся, ставя точку бинду на моем лбу, а затем продолжил ритуальные действия для многочисленных почитателей Ханумана.

Я уже не в первый раз встречался с Хануманом, оранжевым обезьяньим богом с большими мускулами, ведь он один из самых популярных богов в Индии. В тот период своей жизни я считал обезьян глупыми, лишенными логики и разума, благодаря которым человек отличается от животного, то есть в общем и целом существами, находящимися намного ниже человека. Но Хануман - не царь обезьян, а обезьяний бог для людей, так мне тогда казалось. Раздираемый любопытством, я спрашивал себя, что же на самом деле символизирует этот бог.

- Видишь этих бедных крестьян? - спросил Гуру Джи. - Они приходят к Хануману, потому что он слушает всех и дарует свою помощь, благословение и магию любому, кто просит с чистым сердцем. Хануман помогает Господу Вишне найти и спасти Ситу, потому что он избавитель в безвыходных ситуациях.

Я наблюдал за тем, как люди пытаются протиснуться вперед, чтобы получить благословение Ханумана так, словно он был

живым человеком. Казалось, что в статуе есть больше от живого существа, чем от камня, из которого она была вырезана. Каждую неделю почитатели приходили сюда, чтобы встретиться с каменной обезьяной, и уходили, полные сил и решимости встречать жизненные испытания лицом к лицу.

Вовсе никакой он не символ, подумал я. Глядя на мягкое оранжевое лицо, крошки леденцов, налипшие на губы, и на сильное тело Ханумана, я почувствовал близость, личный контакт с ним. Хотел бы я поближе узнать эту "личность", но как, скажите, познакомиться с божеством?

- Ты должен понять, что Хануман - это Махавир, великий герой, который путешествует по всем Трем Мирам в поисках величайшего сокровища, в конце концов находит его в собственном сердце и приносит людям. Я расскажу тебе историю Ханумана, чтобы ты немного больше понял, что такое Путь.

- Итак, - продолжил гуру, - однажды Вайю, Бог Ветров, который повелевает звуком, дыханием и праной, отец Агни, Бога Огня, почувствовал, что его сердце переполняет любовь. Он стал бродить то тут, то там, иногда в виде легкого ветерка, иногда в образе урагана, а тем временем его страсть все росла. В один прекрасный день, когда Вайю набрасывал на зеленые отроги горы Мандара нежно-розовый туман, он увидел как одна апсара, небесная нимфа, проклятая ее господином, Брихаспати-Юпитером, воплотилась на земле в виде обезьянки. Эту обезьяну стали называть Анджана, она обладала способностью принимать любую зримую форму. Оставаясь в горах одна, Анджана превращалась в красавицу, равной которой не было среди смертных. Однако, несмотря на то, что у Анджаны был любящий муж-обезьяна, у нее не было детей.

Вайю был очарован. Будучи невидимым, он приблизился к красавице, обнял ее и оплодотворил. Анджана закричала от стыда, требуя сказать, кто надругался над ней. А Вайю прошептал апса-ре сначала в одно ухо, а затем во второе, что он не хотел причинить ей зла и что вошел в нее силою одной лишь мысли. Он сказал Анджане, что та родит сына, чьи силы не будут иметь границ.

Анджана родила Ханумана в близлежащей пещере, и его рождение избавило обезьянку от проклятия Брихаспати-Юпитера, поэтому она могла оставить физический мир и своего обезьяньего ребенка и вернуться в "девалок", мир богов, в своем теле апсары.

История, рассказанная Хари Пури Баба, смутила меня. Планеты, которые проклинают нимф, живущих в мире богов! Фаллос, рожденный одной лишь мыслью! Хари Пури Баба рассказывал эту историю так обычно, словно речь шла о его

соседях или кузене Чарли. Его близкое знакомство с богами превращало физический мир и мои проблемы во что-то несущественное. Я спросил Бабаджи, откуда он услышал эти истории.

- От моих гуру, - ответил Хари Пури Баба. -Эти истории и есть То, Что Помнят. Мне продолжать? - Я робко кивнул.

- Хануман родился ужасно голодным. Перед тем, как уйти, Анджана благословила свое дитя и велела ему есть фрукты такие же спелые, как восходящее светило, и указала при этом на Сурья-солнце. Когда мать ушла, Хануман осмотрел пещеру в поисках съестного, но ничего не нашел. Снаружи вставало солнце, ярко-оранжевое, как красный апельсин. Хануман не понял слов матери и решил, что завтрак ждет его на горизонте. Он прыгнул в небо и полетел со скоростью ветра, протянув руки к вожделенному фрукту, - тут Хари Пури Баба захихикал.

- Случилось так, что в этот день должно было состояться солнечное затмение. Сурья отважился отправиться на планету, которой владел жестокий демон Раху. Раху, который представляет из себя голову без тела, является причиной всех затмений.

Демон совсем уже было собрался проглотить Сурью-солнце, когда увидел маленького Ханумана, быстро летевшего по направлению к Солнцу. Это противоречило порядку вещей, и потому Раху сразу же позвал Индру, главу всех богов.

Раху показался Хануману еще больше и сочнее, чем Сурья, и потому маленькая обезьянка начала гоняться за ним, широко раскрыв глаза. Раху удалось ускользнуть от него, но тогда Хануман стал угрожать Айравате, слону величиной с гору, принадлежавшему самому Индре. Пытаясь остановить Ханумана, Индра выстрелил из "ваджры" божественным огнем и попал обезьянке в челюсть, отчего Хануман упал в беспамятстве на землю.

Тщетно Вайю пытался вернуть свое дитя в сознание. В конце концов Бог Ветра отправился вместе с телом Ханумана в подземный мир, Паталу. Когда Вайю покинул мир, Земля начала задыхаться, потому что не было ветра. Даже дыхание всех живых существ начало иссякать. Прана вернулась к своему господину, и миром стал править огонь. Поэтому все важные боги и богини спустились в Патала Локу с опущенными головами и почтительно сложенными на груди руками. Объединив силы, они оживили бессознательного детеныша обезьяны, у которого навсегда осталась распухшая от удара челюсть. "Хану" значит челюсть.

Боги и богини умоляли Вайю вернуться на Землю и благословили его сына, Ханумана, даровав ему все свои силы.

- Если у Ханумана есть силы всех богов и богинь, почему это не делает его Богом? - спросил я.

- Владеть силой и использовать ее, это две разные вещи, - ответил он. - А знание об иллюзорности силы - третья вещь. Я тоже владею всеми этими силами!

- Правда? - спросил я, гадая, о каком мире мы сейчас говорим: о мире сверхъестественного или о том мире, который можно пощупать руками?

- У тебя тоже есть эти силы. Они были дарованы каждому после того, как Хануман получил благословение. Каждый раз, когда Хануману передают этот дар, мы получаем силу вместе с ним, - сказал он.

- Разве это произошло несколько раз? -спросил я.

- Происходит, - ответил загадочно Хари Пури Баба, делая ударение на настоящем времени. -И помни, маленькая обезьянка, порожденная Ветром, была так сильна, что сразу после рождения чуть не съела Солнце, а после дара богов стала обладать еще большими силами. А Хануман ведь еще и озорник, как все дети. Его мать живет на другой планете, а отец постоянно летает то туда, то сюда, ослепленный гордостью за сына. Поэтому Хануман любит играть с силой. Особенно он любит дразнить риши, живущих в соседних джунглях. Обезьяний бог крадет и прячет их утварь для принесения ведических жертвоприношений, а потом смеется, глядя, как мудрецы ищут пропавшие вещи.

Однажды Хануман играл в ветвях дерева, растущего у ашрама риши по имени Трнабинду. Ему удалось поймать свирепого тигра и огромного слона и привязать их хвосты к столбам ворот ашрама. Когда Трнабинду вышел наружу для утренней практики, то был поражен, увидев пытающегося напасть на него тигра и недовольно трубящего слона. На секунду его сердце остановилось, а потом удивление переросло в праведный гнев, от которого небеса наполнились звуками грома. Никто не хочет почувствовать на себе гнев риши. Использовав йогические силы, Трнабинду узнал, что во всем виновен Хануман и вызвал его для наказания. Но у Ханумана так много божественных сил, что даже великий риши не может отнять их, и потому Трнабинду проклял его...

А теперь слушай внимательно, Рам Пури. Это очень важно. Проклятие риши заставляет Ханумана забыть о своей божественной силе, пока другая обезьяна не напоминает ему о ней, попросив о помощи в великом деле! Хануман больше не сможет быть самим собой, пока не приходит время послужить миру так, как только он может служить.

Я начал догадываться, что имеет в виду учитель, но что это за

великое дело? Спасение мира? Что здесь спасать? Мир - это иллюзия, несправедливость и фальшь. Именно это делает мир миром. Может, великое дело - это путь самого героя? Он помнит о том, кто он есть, и более не связан идеями о прошлом и будущем, он свидетель, который находит священное сокровище внутри самого себя и приносит его роду, спасая таким образом весь мир снова и снова, так?

- Все верно! - сказал Хари Пури Баба. - Время - это лишь иллюзорная сцена, на которой играют одни и те же повторяющиеся роли.

- Итак.. - продолжил искусное плетение рассказа учитель. - Рама отправился на поиски своей похищенной принцессы по имени Сита. Перед этим он помог Сугриву, королю обезьян, вернуть себе королевство, и взамен Сугрив приказал всем обезьянам в королевстве, в том числе и Хануману, помочь Раме найти похищенную возлюбленную. В каждую из сторон света отправилось одна экспедиция. Рама знал, что скорее всего Ситу унесли в южном направлении, поэтому он попросил Ханумана отправиться с экспедицией на юг.

Прежде чем Хануман отправился на поиски Ситы, Рама пригласил обезьяньего бога в пещеру, в которой сам принц и его брат Лакшман собирались ждать возвращения обезьян. Рама сказал Хануману, что знает о его происхождении, чем поверг того в изумление, ведь сам Хануман обо всем позабыл. Принц рассказал ему о своем доверии и братской любви.

Рама отдал Хануману кольцо с печаткой, объяснив, что между самим принцем и кольцом нет никакой разницы. Он попросил Ханумана показать кольцо Сите, как только тот найдет ее, чтобы Сита знала о том, что Хануман является настоящим посланником Рамы.

Пережив множество приключений, обезьяны вместе с Хануманом добрались до Южного моря, самой южной точки суши. Коршун рассказал им, что Сита томится пленницей на острове Ланка. Медведь Джамбаван, который был одним из гуру Ханумана, напомнил тому о его истинной, до того сокрытой природе, чтобы Хануман послужил помощником в великом деле. Пробудившись, обезьяний бог вырос сразу на сотню метров, прижал кольцо Рамы к груди и со всей силы оттолкнулся от земли, чтобы одним прыжком пересечь Южное море.

Однако случилось так, что по причине то ли рассеянности, то ли усталости, Хануман выронил кольцо, оно упало в океан и сразу же исчезло из вида. Зная, что судьба всего мира зависит от этого кольца, Хануман донырнул до самого дна, чтобы найти его. Обезьяний бог мог задерживать дыхание на неопределенно

долгий срок, неслучайно он был сыном Ветра, однако это не помогло ему найти кольцо. В конце концов Хануман отыскал пещеру, ведущую в мир, находящийся под дном моря. Там он нашел королевство, полное дворцов и храмов. Один из храмов, сверкавший подобно восходящему солнцу, привлек внимание Ханумана. Исследовав его запутанные туннели, обезьяний бог добрался наконец до потайной комнаты, в которой сидел баба и пел мантру с именем Рамы. К удивлению Ханумана баба обратился к нему по имени и пригласил побеседовать.

Когда Хануман попытался объяснить причину своего появления, баба прервал его, сказав, что знает о потерянном кольце. Удивленный Хануман попросил баба вернуть кольцо, чтобы он смог выполнить поручение Рамы. Садху указал на кучу колец и сказал: "Выбирай" - "Боюсь, вы не понимаете, - сказал Хануман. - Мне нужно то самое кольцо с печаткой, которое является самим Рамой и которое сразу же узнает Сита".

Баба рассмеялся. "Они все настоящие, - ответил он. - Каждое из них!" Хануман в удивлении поднял брови и почесал затылок. "Видишь ли, каждый раз, когда наступает эпоха Треты, Третья эпоха, рождается инкарнация Вишну, то есть Рама, и всякий раз ты становишься самым верным его слугой. И каждый раз, перелетая через Южное море, ты роняешь кольцо! Не спрашивай меня, почему так происходит, потому что я не знаю ответа, но это происходит! Поэтому все кольца принадлежат Раме, выбирай любое из них. Когда Сита увидит кольцо, она обрадуется. Ведь кто, как не Мать Мира узнает кольцо Рамы?"

Хануман выбрал кольцо, попрощался с баба, прикоснувшись к его ногам, и отправился на поверхность моря, чтобы продолжить путешествие, -на этом Хари Пури Баба прервал свой рассказ.

О, эти имена богов! Их сотни и сотни миллионов! Брама, Вишну, Шива, Хануман, Рама, Сита, Ин-дра, Вайю, Агни, Ганга, Джамуна, Сарасвати, Виш-наватх, Боленатх, Кедарнатх, Бхайрон, Махакал, Махакали... Как мне выучить все эти имена, эпитеты и описания каждого из них? Но помимо этих имен, есть еще имена риши, асуров, гандарв, апсар, якшей, йогинов, всех существующих вещей и порядок, в котором они следуют один за другим!

- Произноси имена! - велел Хари Пури Баба. - Одно произнесение имен богов несет благополучие земле и благословение говорящему. Не бормочи, но говори громко и с любовью. Призывай их. Пой, если можешь, пропеваи их истории так, чтобы они наполняли океан сказаний. Вот то, что сразу же притянет сюда божественную силу!

В этом году сезон дождей начался вовремя. Он превратил удушающую сухую жару, царившую в Раджастане, во влажную

парилку. Все шло своим чередом, Амар Пури Баба учил меня дисциплине, а Хари Пури Баба развлекал историями и объяснениями устройства Вселенной. Граница между мифологией и миром Сверхъестественного, в котором я сейчас жил, начала стираться, а затем исчезла навсегда. Обезьяний бог Хануман, трехголовый повелитель йогинов Даттатрейя и Шива, чье глубокое погружение в медитацию являлось основанием Сознания, сошли с пожелтевших книжных страниц и начали жить рядом с нами. Поняв, что язык является эпицентром этого нового мира, я начал еще усерднее учить хинди. Медленно, но верно я превращался в баба.

Непрерывный весенний дождь, а затем горячее летнее солнце нежно взращивали ростки ганджи, посаженные Амаром Пури Баба, пока те не достигли четырехметровой высоты. Пришло время собирать урожай, что привело сурового баба в радостное настроение, которое совсем не мешало ему по-прежнему исполнять роль моего надсмотрщика. Хари Пури Баба уверял меня, что все делается для моего блага, что дисциплина, то есть "яма-нияма", даст мне свободу "асаны", сидения в любом месте и рядом с любым человеком. А Амар Пури Баба добавлял, что дисциплина послужит и защитой тоже, потому что мне предстоит преодолеть много трудностей на пути.

Как только наступила осень, к нам вернулись вороны. "Кала кака" были повсюду. Хари Пури Баба притягивал этих птиц, они старались держаться поблизости и вели себя очень тихо. Баба кормил их прасадом, подношениями, которые они часто воровали, пока никто не видел. Хари Пури издавал какие-то странные звуки, обращаясь к ним, и, к моему удивлению, птицы ему отвечали. Я понял, что исходящие изо рта Хари Пури Баба звуки, похожие на шум пущенной с ускорением аудиозаписи, были на самом деле речью, понятной воронам.

- В их мире все движется быстрее, чем у нас, - сказал мне Хари Пури Баба. - Поэтому и язык у них тоже очень быстрый. Раньше многие баба знали язык птиц, теперь таких людей осталось немного.

- А почему именно вороны? - поинтересовался я.

- Ко мне, как и к Шиве, притягиваются существа-отщепенцы своего мира, - ответил Хари Пури Баба. - Вороны - хорошие союзники. Кроме того, их язык самый простой из птичьих языков, но об этом молчок!

Хинди давался мне с таким трудом, что одна мысль о том, чтобы учить языки нечеловеческие, приводила меня в ужас. Может, Хари Пури Баба специально разговаривал с птицами в моем присутствии, чтобы дело изучения хинди двигалось

быстрее? Помимо этого, мой учитель старался как можно меньше говорить со мной по-английски.

- Каждый раз, когда я говорю с тобой не на хинди, твой Путь удлиняется. Хинди - это язык традиции.

За исключением нескольких англоговорящих мирян, время от времени появлявшихся в храме, единственным собеседником, с которым я мог поговорить на родном языке, был Хари Пури Баба. Он все время повторял мне, что не сможет быть рядом со мной вечно, поскольку время его пребывания в этом теле ограничено. Гуру предупреждал меня, что, как только он перейдет в мир иной, "английский закончится".

- Дин-дон, королева Виктория давно умерла! Учи хинди и санскрит, "бака"! Без этих союзников тебе придется вернуться домой, и, если повезет, папочка пристроит тебя на какое-нибудь теплое местечко. Неужели ты думаешь, что тебе удастся предолеть испытания Кумбха Мелы и акхары, говоря по-английски?!

- Какие испытания? - встревожено спросил я.

- Их слишком много, чтобы перечислять по-одному, но можешь быть уверен, ты их получишь, - ответил мой учитель.

- Кедар Пури Баба говорит, что я никогда не смогу получить посвящение, - выпалил я.

- Кедар Пури Баба - дурак и болтун. Я говорил, что сделаю тебя баба, и собираюсь сдержать обещание. Акхара не сможет мне противостоять. Если ты герой, ничто не может остановить тебя.

- Помни: золото очищается огнем.

В Амлода Кунд полнолуние часто было поводом для большого праздника. И "картик пурнима", осенний праздник урожая, приходящийся на полнолуние, не был исключением. Местные крестьяне заполнили двор перед ашрамом и вознесли хвалу всем присутствующим йогинам-саньясинам, включая нескольких приглашенных, распевая религиозные песни всю ночь до самого восхода. Это вовсе не было похоже на церковный хор, скорее на пение первобытных племен.

Опьяненные конопляным дымом, люди раскачивались туда-сюда в трансе, отбивая ритм на примитивных барабанах. Гимны богам звучали в гармонии пятинотной гаммы, непривычной для неиндийского слуха.

Спать было невозможно, и около двух часов ночи я не спеша спустился к огромному баньяну, напоминавшему своими массивными ветвями, свисающими вниз, словно перепутанные косички "джата", какого-то древнего йогина. Серебро лунного света струилось меж широких листьев, слегка колышашихся от ветра. Раскрашенные оранжевым синдуром статуи богов, включая

Ханумана, стояли на платформе у подножия дерева и тоже слегка качались. Баньян почитали как божество, поэтому с его ветвей свисало множество красных ленточек, некоторые даже обвивали могучий ствол дерева. Подношения из цветов и дешевых украшений были разложены у его корней. Я зажег принесенные с собой благовонные палочки и пристроил их между камнями.

- Сколько же тебе лет, великий баньян? - спросил я у дерева вслух.

- Ага! Ты думаешь, что дерево это личность?

Я подпрыгнул от неожиданности и обернулся.

Усы Хари Пури Бабы расплылись в довольной улыбке.

- Ты совершенно прав.

Должно быть, он шел за мной с самого начала и стал свидетелем моего разговора с деревом. Смущенно улыбнувшись, я коснулся ног гуру.

- Баньяну больше тысячи лет. Только представь себе, чего он только не видел за такую долгую жизнь, как хорошо он знает каждый клочок здешней земли. Это дерево дарило прохладу в бесчиленные жаркие сезоны, служило укрытием от ливней, было домом животным, птицам, насекомым и местом утешения и умиротворения людей. Многие поколения приходили к нему просить благословения, помощи, рождения сыновей и получения знания тоже...

- Разве дух может жить в дереве, Бабаджи? -спросил я.

- Разве муравьи могут жить в муравейнике? Разве у людей есть душа? Думаю, ты можешь назвать нечто бестелесное, пребывающее во внешне неподвижном теле дерева, духом, - согласился он. - Это что-то, живущее дольше человеческого тела. Такие, как ты их называешь, духи нуждаются в людях, чтобы выполнять материальные задачи, а люди обращаются к духам в надежде получить нечто нематериальное, как, например, знания и благословения. Чем больше людей верят в духа, чем больше почестей воздают ему, тем больше он проявляется и говорит устами людей. Ты видел реку Гангу? Разве Ганга это вода? Конечно, люди видят тело богини как воду, но только потому, что мы привыкли воспринимать только грубые формы. Когда мы поем "бхаджаны", гимны, посвященные богам и богиням, мы, по сути, приглашаем их дух войти в нас, чтобы мы смогли познать их и, таким образом, получить знание. Ты искал дух Баба и нашел созвучие этому духу во мне. Почему? Потому что ты хочешь обладать знанием Баба, а потому тебе необходимо отдать ему свое тело. Ведь этот дух, подобно духу баньяна, соединен со всеми баба и йогинами прошлого, настоящего и будущего.

Несомненно, тот же самый дух проявил себя через Ади

Шанкару. Этот святой нашел такое хорошее выражение знания о Внутренней Природе, что по настоящее время никто не смог сделать это лучше него. Ади Шанкара написал великие тексты и комментарии к ним, основал четыре монастыря на севере, юге, востоке и западе Индии, нашел множество забытых могил и усыпальниц святых, много путешествовал, по пути вступая в религиозные дебаты и побеждая оппонентов своим полным огня авторитетом, возрождая тем самым вечную "санатан дхарму", то есть Путь. Посрамленные противники становились его учениками, число последователей Ади Шанкары росло с каждым днем.

Однако Ади Шанкаре предстояло преодолеть последнее испытание, прежде чем его Победу над всеми Четырьмя Направлениями провозгласили бы в трех мирах. Ему нужно было победить в споре с Мадана Мишрой. Говорили, что сами боги приходили послушать этого мудреца, и не раз слышали новое для себя. Мадана Мишру почитали, как самого образованного человека в Индии.

Когда Ади Шанкара прибыл на диспут, он согласился на условие проводить его, поднявшись на метр в воздух, так же, как менее удачливые предшественники Шанкары. Подобное условие было чем-то вроде отборочного тура. Жена Мишры, Бхарати, была назначена судьей, но она передала всю судейскую власть двум гирляндам ноготков. Победившим будет считаться тот, чья гирлянда в конце будет выглядеть такой же свежей, как и в начале.

После восемнадцати дней разгоряченных дебатов, проходивших в театре на открытом воздухе, на котором присутствовали все небесные обитатели, гирлянда, висящая у Мадана Мишры на шее, увяла и высохла, поэтому Бхарати пришлось провозгласить, что ее муж проиграл. Однако она отказалась объявить Ади Шанкару победителем, так как его победа была неполной. Поскольку Бхарати всегда была партнером своего мужа во всех делах, включая духовные поиски, Шанкаре придется победить и ее тоже.

Ади Шанкара неохотно согласился. В качестве последней темы дебатов Бхарати выбрала искусство любви, что было очень умно с ее стороны, так как Шанкара вел целомудренную жизнь и никогда не занимался сексом. Искусство любви всегда относилось к шестидесяти четырем традиционным областям знания. Бхарати попросила его объяснить разные формы выражения любви, природу любви физической, в каких центрах человеческого тела она находится, какой эффект оказывают фазы луны на занятия сексом, а также как может мужчина или женщина соблазнить

партнера. Наверно, в первый раз в своей жизни Ади Шанкаре пришлось признать, что он пока не готов ответить на вопросы. Он попросил тридцать дней на то, чтобы найти ответы на них. Поскольку просьба была разумной, Бхарати согласилась.

Шанкара знал, что, чтобы получить подобное знание, ему придется войти в тело другого человека, ведь любое знание пусто без переживания на опыте. Его ученики отправились на поиски подходящего кандидата и узнали о царе, который во время охоты пережил сердечный приступ и умер. Этот царь имел более сотни жен, такова была в то время традиция. Все они жили во дворце и еще не знали о постигшем их несчастье. Шанкара вместе с учениками нашел скрытую пещеру, в которой можно было бы выполнить церемонию "кайя-правеш" для переноса сознания в тело другого человека. Этой церемонии Шанкара научился еще в молодости. Он погрузился в глубокую медитацию и стал отключать телесные функции одну за другой, пока его тело не стало походить на труп. Два ученика остались охранять тело учителя, лежащее в пещере, пока тот отправился на поиски новых знаний. Шанкара объяснил ученикам, что его обет целибата останется ненарушенным, потому что только тело получает карму, а дух всего лишь служит свидетелем.

К великому удивлению и радости свиты, через некоторое время после того, как все сочли царя мертвым, он ожил. Должно быть, его величество просто потерял сознание, подумали министры по возвращению во дворец. Воскресший царь стал каждую ночь приходить к женам-царицам и окружать их такой нежностью и любовью, что те приняли его за бога любви. Конечно, тело царя помнило, что надо делать, но дух Шанкары поднял это знание на новую высоту. Шанкара учился новому искусству так быстро, что на третий день смог написать трактат о любви, который он посвятил царю.

Министры стали что-то подозревать. На полях уродился невиданный урожай, ветви деревьев прогибались под тяжестью плодов, у коров утроился надой молока, мир и процветание царили во всем царстве. Они поняли, что царь действительно умер и что какой-то баба вселился в его тело. Тогда переселение в чужое тело не было редкостью. Министры не хотели, чтобы йогин вернулся обратно в свое тело, оставив царство на растерзание нищете, поэтому они отправили воинов искать безжизненное тело аскета. Воины нашли тело Шанкары, но, к счастью, тридцатидневный срок пребывания Ади Шанкары в теле царя уже истек, и ему удалось перенаправить йогические силы "кайя-правеш" обратно и вернуться в собственное тело как раз в тот момент, когда воины собирались сжечь его. Ади Шанкара

совершил огромный прыжок с похоронного костра, когда языки пламени уже начали подниматься над ним, получив в итоге всего лишь один ожог на правой руке. Когда Шанкара с учениками вернулись в дом Мадана Мишры, Бхарати признала свое поражение прежде, чем было произнесено хоть слово. Звезды открыли ей результат дебатов заранее. Мадана Мишра отдал все свое богатство бедным и стал саньясином и учеником Ади Шанкары.

Настала пора отправляться в путь. До Кумбха Мелы оставалось еще несколько месяцев, но Хари Пури Баба почувствовал, что мне пора практиковать в пути все то, чему я научился за это время.

- К Кумбха Меле ты должен стать сильнее.

Встречайся с другими баба, заводи знакомства, используй мое имя, действуй. Отправляйся в странствия по святым местам. Не кури слишком много чилима, держи спину прямо, - наставлял он меня.

Я действительно нуждался в одиночестве, чтобы поразмыслить о прошедших месяцах, прежде чем принести обет на Кумбха Меле, обет окончательного отказа от мирского.

В день, когда я собирался покинуть Амлода Кунд, Хари Пури Баба позвал меня в свою комнату.

- У меня есть для тебя подарки, которые по надобятся в путешествии, - сказал он и дал мне сверкающий медный "камандал", кувшин для воды с очень широкой ручкой, который делают в Бхудже, штат Гуджарат. - Используй его всякий раз, когда будешь наливать воду. Потом ты наполнишь его амритой, нектаром бессмертия.

Затем он дал мне маленькую вязаную наплечную сумку с восемью углами и бесчисленным количеством кармашков. Внутри основного кармана находилась "мала", четки со 108 звеньями из семян рудракши.

- Это джоли, сумка желаний саньясина, в ее глубоких карманах есть все, что может тебе по надобиться. Может, тебе никогда не придется использовать ее, но если вдруг у тебя возникнет в чем-то нужда, ты сможешь найти это в ней. Практикуй гуру-мантру при помощи этих четок "мала", и, когда семена рудракши созреют благодаря твоей садхане, твоим выполненным обетам и жару твоих "тапас", настанет время отдать четки твоим ученикам. Ты должен подготовиться к своей жертве героя на Кумбха Меле, сынок. Шива любит тебя. Отправляйся в его город Каши-Варанаси. Ты должен придти туда, чтобы умереть.

ГЛАВА 7

Нет на свете города древнее, чем Каши Пур, который также называют Каши-Варанаси (там встречаются две реки, Варан и Аси), или Баранас. Немногие города мира смогут сравняться с этим по живописности. Город стоит на реке Ганге, богине, в течение многих лет наполнявшей плодотворностью то, что мы сейчас называем бессмертной северо-индийской культурой.

Массивные набережные спускаются к реке широкими платформами, на которых происходит вся духовная и религиозная жизнь Индии. Считают, что в этом месте Ганга так чиста, что может отмыть любой грех или дурную карму. Поэтому первый долг каждого пилигрима - совершить "ганга снан", священное омовение в Ганге.

Это город Шивы. Здесь люди называют его Каши Вишванатх, "Повелитель Вселенной". Шива обитает в этом святом городе в виде лингама, фаллоса, хранящегося в великом храме.

Богиня Аннапурна, Мать Земля, чье имя переводится как "Полная хлебных зерен", служит Шиве с таким вниманием и преданностью, что, очарованный этим служением, Повелитель Вселенной пребывает здесь всегда. Каши произрастает из бедер "Полной хлебных зерен", там, где Ганга внезапно поворачивает на север, прочь от океана, чтобы получить даршан у Шивы и узреть его в древнем доме на вершине горы Кайлаш, что в Тибете.

Шива не любит городов. Его неиспорченная природа нуждается в пустынных и бесплодных ландшафтах, но после женитьбы на Парвати, Госпоже Горы, он решил жить в Каши вместе со своей женой.

Присутствие подобного трио в одном месте: богинь Ганги и Аннапурны, прислуживающих Баба Вишванатху, в течение тысячелетий привлекало сюда баба, интеллектуалов, музыкантов, магов, бандитов и поэтов, ведь все они относятся к аутсайдерам, формирующим свиту Шивы, его "барал". С тех пор, как люди начали рассказывать истории, Каши стал не только духовным и религиозным центром, но и центром культуры, славящимся своими музыкантами, театром, философами, актерами, врачами, астрологами, алхимиками и садху.

Помимо этого, сюда всегда приезжают люди, готовящиеся к смерти. Каши находится в месте, называемом "тиртой", в котором, согласно священной географии, встречаются миры. Слово "тирта" образовано от глагольного корня "тр", который, подобно латинскому "транс", значит "пересекать". Тирта - трансцендентное место, в котором можно "переходить" из одного мира в другой.

Здесь, на физическом плане, наиболее полно проявляются законы Сверхъестественного мира. Здесь можно совершить прямой перелет из сансары к Освобождению. Но это под силу не всем, а только умершим. Почитатели Шивы говорят, что Великий Бог гарантирует это. Приезжайте сюда умирать! Но не забудьте деньги, чтобы заплатить за саван и дрова кремации.

День и ночь, двадцать четыре часа в сутки, горят двадцать четыре погребальных костра. Бревен, сложенных высокими штабелями, достаточно, чтобы построить город.

Рам нам сатья хай!

Громко произносят несущие тело умершего на плечах. Люди верят, что после смерти в Каши человеческая душа поднимается прямо в Рай, точно так же, как в штиль дым поднимается вверх. В любом другом месте ветер кармы, порожденный словами и деяниями, рассеивает душу подобно тому, как самый легкий бриз рассеивает дым. В других местах освобождение требует других методов. Таков завет Шивы с людьми.

Несмотря на то, что Шива пребывает в состоянии чистой осознанности, он тоже иногда сердится. Однажды Бог-Создатель, пятиголовый Брахма, будучи в плохом настроении, оскорбил встреченного им Шиву. Разозлившись, Шива породил гневное божество по имени Бхайрон, которое тут же отрубило заносчивую голову пя-тиголового Бога-Создателя. Хотя такой отпор поуменыпил пыл Брахмы, убив брамина, Бхайрон совершил ужасное преступление. В наказание отрубленная голова приросла к руке гневного божества, и с нею он долго бродил по трем мирам, используя череп как чашу для подаяния.

Однажды бродяга пришел в Каши и искупался в священных водах Ганги. Череп тут же упал с руки Бхайрона, потому что воды очистили его от совершенного греха. Шива поручил Бхаирону божественное управление Каши. Совершив один из величайших грехов, Бхайрон развил к ним аппетит, поэтому другое его имя - Пожиратель Грехов. Гневный бог пирует, поглощая грехи пилигримов, ищущих освобождения в Каши. Для того, чтобы найти самый большой, самый сочный из грехов, он записывает в летописи "акаши" все деяния приходящих в Каши. Когда люди умирают, он оказывается рядом с ними, чтобы изучить их поступки и поглотить грехи. Пережив этот короткий, но болезненный момент, кандидаты на получение Освобождения готовы услышать шепот Шивы, произносящий в их правое и левое ухо тарака-мантру, мантру перехода, после которой нет возврата.

Шива запретил Яме, Богу Смерти, входить в Каши, чтобы тот не смог унести оттуда души умерших. Почему же тогда не все индусы приезжают сюда умирать? Потому что Бхайрон не пускает

в город недостойных. Он полагается на службу двух своих самых преданных слуг: Сомнения и Неуверенности. Желая получить высшее Освобождение, нужно сперва миновать врата, охраняемые этими стражниками.

Я отправился вверх по течению, прочь от запаха горящей плоти и погребальных костров на набережной Маникаран, к тихой набережной, где в первый раз окунулся в Гангу. Я так хотел поверить, что теперь тоже очищен от всех грехов. "Почему бы и нет? - подумал я. - Ведь в Мире Сверхъестественного возможно все".

Я спросил садху, совершавшего омовение неподалеку от меня, где находится Джуна Акхара. Тот посмотрел на меня как на ненормального.

- Это набережная Варха Хануман, а вот Джуна Акхара! - сказал он, указывая на самое величественное здание, огромный монастырь, стоящий на берегу реки.

Значит, вот как выглядит сердце Ордена Нага Баба, нагих йогинов... Это место предназначено не для обучения, но для диспутов и разработки стратегии. Но, что самое главное, каждый Нага баба вне зависимости от ранга может получить в монастыре еду и спальное место бесплатно.

Молодой садху со свисающими до пояса спутанными косичками "джата" сбежал по массивным ступенькам набережной с грацией, достойной обезьяны, и сказал мне:

- Баба зовет тебя.

Я обернулся и увидел, как какой-то высокий садху приветственно машет мне рукой. Я пригляделся и узнал его: это был Бам Баба, с которым я познакомился в Амлода Кунд.

- Эй, ангрез! - послышался его громоподобный голос. Этот баба никогда не звал меня данным при инициации именем, признавая лишь вариант "ангреза", то есть англичанина.

Бам Баба, тоже принадлежавший к Ордену Нага Баба, прибыл в Каши на несколько недель раньше меня. Он сказал мне, что Хари Пури Баба заранее оповестил его о моем приезде.

- Правда? - спросил я недоверчиво.

- Духовная телеграмма, - ответил большой баба, подмигивая.

Бам Баба отказался жить в монастыре акхары. "Место Нагов - у дхуни", - сказал он. Для этого аскета любое пребывание под крышей было сродни тюремному заключению. Ему была нужна полная свобода. Я прожил вместе с ним несколько недель на берегу Ганги, неподалеку от монастыря. У нас была палатка, но она использовалась только днем как защита от палящих лучей Сурья-солнца.

Бам Баба был настоящим "тапасви", аскетом самого сурового толка, и многие приходили, чтобы получить его благословение. У него не было никакого имущества, о котором следовало бы заботиться, кроме того, что помещалось в его сумке. Он был "дигамбаром", что дословно переводится, как "одетый (лишь) в (четыре) стороны света".

У Бам Бабы никогда не было денег, но он ни в чем не нуждался. Казалось, что какие-то невидимые слуги постоянно заботятся обо всех его нуждах.

У Рам Натх Агори Баба тоже были такие слуги. Однажды он созвал всех местных баба на праздник "бхандара", который собирался устроить на набережной Дашашвамед, расположенной всего в километре от нашей стоянки вниз по течению. Хотя владельцы местных съестных лавок посмеялись над Рам Натх Агори, когда он объявил, что накормит гостей скромными запасами из нескольких горшочков, на праздник прибыли сотни и сотни баба.

Они сели лицом друг к другу двумя длинными рядами, называемыми "пангат". Напротив каждого из них стояла тарелка из сшитых вместе при помощи прутиков листьев. Садху накормили традиционным для "бхандары" обедом, состоящим из овощей, дала, пури, халвы, помимо этого каждому из них дали традиционную монетку в одну рупию в качестве дакшины. Все удивлялись, как Рам Натх Агори удалось накормить стольких людей всего из нескольких горшочков? Казалось, что у горшочков не было дна.

После того, как все наелись, Рам Натх Агори объявил, что его труд еще не закончен. Снова были расставлены сотни тарелок и снова на них была разложена еда, на этот раз без дакшины. Большая толпа собралась вокруг Баба, желая выказать ему свое почтение и коснуться его ног, но как только Рам Натх Агори начал лаять по-собачьи, все отпрянули в испуге. Услышав призывный лай, целая армия собак сбежалась со всего города, чтобы полакомиться прасадом.

Снова были расставлены сотни тарелок, на этот раз подле каждой из них лежала монетка в одну рупию.

- Дамы и господа! - объявил Рам Натх Агори. - Это угощение для моих друзей, духов и привидений! - В одно мгновение еда и деньги исчезли.

Однажды Дядюшка Бам Баба спросил:

- Неужели ты думаешь, что Гуру Джи дал тебе этот камандал лишь затем, чтобы использовать его в туалете?

Одной из основных функций моего медного кувшина была действительно именно эта. В традиционной Индии не признают

туалетную бумагу, считая ее нечистой, и используют вместо нее воду. Каждое утро мы садились в лодку, чтобы пересечь Гангу, а потом углублялись в кустики, которые, не сговариваясь, называли "джунглями", чтобы выполнить утренний туалет. Затем мы встречались на берегу реки, снова окунались и оттирали испачканные камандалы речным илом, пока они снова не начинали сиять. После этого мы снова наполняли их священной водой из Ганги. Камандал, как оружие у солдата, всегда должен быть готов к использованию и полон воды. Кто-то может попросить воды, а все, что исходит от баба, должно быть чистым..

- Для людей низких камандал - это просто кувшин для воды, - сказал Бам Баба. - Но в руках божественного целителя Дханвантари это сосуд для амриты.

Я хотел убедиться, что все правильно понял, и потому посмотрел слово в "Универсальном самоучителе хинди". Все верно, "амрита" действительно значит "амброзия".

- Амрита - не перебродивший сок, - продолжал Бам Баба, - но сам Нектар Бессмертия!

Именно поэтому ты возьмешь свой камандал на Кумбха Мелу. Ведь "кумбха" значит "кувшин", а камандал - это один из разновидностей "кумбхи". Ты должен наполнить его амритой.

- Как же я найду амриту? - спросил я.

- Ты пришел в Каши, чтобы встретиться со смертью, верно? - спросил он. - В Аллахабад ты отправишься на поиски "не-смерти".

Я не понимал, что Вам Баба имеет в виду, пока не вспомнил, как раскладывается слово "амрита". "Мрит" значит "смерть", а "амрита" - "не-смерть" или "смерти нет", потому что предлог "а" обозначает отрицание.

- Послушай, - начал рассказ Вам Баба. - Давным-давно, еще до начала времен, боги и демоны решили забыть про разногласия и объединенными усилиями спахтать Океан Молока, чтобы найти величайшее сокровище, Нектар Бессмертия. Зачем боги не сделали это в одиночку? - спросил он и сам же ответил на свой вопрос. - Потому что тогда они были слишком слабы и малы числом. Поэтому боги пригласили демонов в качестве парнеров в величайшем предприятии, которое когда-либо знала Вселенная.

- Жить вечно! - неожиданно громко воскликнул Вам Баба, и от силы звука земля словно прогнулась под его массивным телом. - Встретить смерть и победить ее, - добавил он тише. Три гулявших вдоль реки баба подбежали к дхуни, услышав его громоподобный рык Вам Баба велел им садиться и слушать и поставил на огонь чайник

- Боги и демоны договорились, что поделят пополам амриту и другие найденные в океане сокровища. Этот океан Вишну

увидел во сне, лежа на своей бесконечно длинной змее, и так был создан материальный мир. Боги и демоны перевернули вверх дном ось мира, гору Меру. Вишну превратился в свой аватар, Космическую Черепаху, плывущую по бездонным водам, чтобы стать основанием, в которое смогли бы упереть гору.

А бесконечная змея стала веревкой для пахтания. Боги и демоны стали на противоположных берегах и начали пахтать Океан, как крестьянин пахтает свежее молоко, чтобы получить масло.

После тысячи лет трудов на поверхность стали подниматься сокровища. Первой появилась Корова, Дарующая Желания, и ее тут же забрали боги. Затем появилась Морская Богиня, благоухающее Дерево, Исполняющее Желания, и небесные танцовщицы Апсары. Шива выловил Сома-луну и сразу же поместил ее в свою прическу, а также забрал росток конопли. Вишну получил рубин Каустабха и повесил его на грудь, как медаль.

Затем из глубин появилась Махалакшми, Мать-Земля, Богиня Процветания, сидя на блистающем лотосе и держа цветок водной лилии в руке. Четыре бессмертных слона, поддерживающих землю, наполнили золотые кувшины водой из Ганга и других священных рек и окропили богиню. Она сразу же побежала к своему возлюбленному, богу Вишну, и села у него на коленях. Тут демоны начали роптать на то, что бога забирают себе всю добычу.

Воды забурлили, и на поверхности появился Дханвантари, Повелитель Целительства, Трав и Долгой Жизни, держа в правой руке камандал. Все сразу же поняли, что в камандале содержится Он, Нектар Бессмертия, или амрита.

Демоны хитростью завладели камандалом и приготовились к битве с богами. Вишну, который никогда прежде не превращался в женщину, проявил себя как Мохини-Соблазнительница, роскошная небесная дива, чьей красотою были очарованы и боги, и демоны. Когда Мохини подмигнула демонам черным глазом, глубоким как сам Молочный Океан, и позволила своему верхнему одеянию упасть, обнажив божественные

золотистые груди, ими овладело желание. Красавица уговорила демонов позволить ей подержать кувшин с амритой. В конце концов, что такое бессмертие по сравнению с моментом близости с Мохини?

Богиня заставила богов и демонов сесть в два ряда, лицом друг к другу. Она собиралась распределить амриту между богами, а затем между демонами. Однако демон Раху был слишком нетерпелив, поэтому он изменил обличье и сел среди богов. Так ему удалось получить капельку Нектара.

Сома-луна и Сурья-солнце разгадали хитрость Раху и воззвали к Вишне. Разозленный глупым трюком, Вишну бросил в Раху божественный диск, называемый "сударшан чакрой", и отрубил уже ставшему бессмертным демону голову. Та улетела куда-то в небеса. И началась война.

Мохини доверила кувшин с амритой Джаянту, сыну Индры. Он превратился в стрелу и полетел в небо, преследуемый всеми демонами. Погоня длилась двенадцать человеческих лет, в течение которых Юпитер направлял и защищал Джаянта, Луна помогала ему не уронить кувшин или не пролить амриту, Солнце охраняло кувшин от повреждений, а Сатурн удерживал Джаянта от соблазна выпить всю амриту самому. Однако в спешке четыре капли амриты все же пролились на землю и упали в местах, которые сейчас называются Праягом (Аллахабадом), Хардваром, Уд-жайном и Наксиком.

Каждые двенадцать лет, когда Юпитер завершает круг вокруг Солнца, и когда Солнце, Луна и Юпитер располагаются на небосводе так же, как они располагались, когда были пролиты капли амриты, на Земле снова появляется Нектар Бессмертия, и в каждом из этих четырех городов начинается великое празднество Кумбха Мела.

"Мела" значит "ярмарка". Это величайшее религиозное собрание людей в мире, порожденное одной единственной каплей Нектара Бесмертия.

Я внимательно рассмотрел свой камандал. Ну, по крайней мере, я уже нашел свой Грааль, подумал я. Осталось только наполнить его нужной жидкостью.

- Есть деньги, это хорошо. Нету деньги - это нехорошо, - сказал мне из-за спины Сохан Гири, исчерпав за один раз весь свой запас английских слов. Я обернулся к нему. Этот баба был родом из Танакпура, что на границе с Непалом. Он носил пятнистую оранжево-зеленую армейскую плащ-палатку прямо на голое тело. Сев рядом со мной у дхуни, Сохан Гири продолжил разговор на хинди.

- Когда вы, белые люди, пришли сюда в первый раз, то были богатыми, сильными и важными. Вы были сахибами, правителями и даже вице-королями, - сказал он. - А что теперь? Только посмотри на себя. Ты просишь милостыни у нищих, не носишь обуви и спишь на набережной! Что это с тобой случилось? - И он скривил нос в притворном отвращении.

Я объяснил ему, что те "белые люди" пришли завоевывать и править, а "мы" пришли учиться.

- То есть, раньше вы приходили за нашей землей и богатствами, а теперь приходите за нашими знаниями! А что вы

дадите взамен? Или вы просто украдете их, а потом сбежите? - спросил он и засмеялся.

Как оказалось, Сохан Гири просто решил подшутить надо мной. Он не мог оставаться серьезным больше минуты.

- Забирайте, забирайте все, - сказал он. - Мы с радостью и любовью отдадим вам знание!

Хотя это была просто шутка, которая очень понравилась остальным сидящим у дхуни молодым садху, мне пришлось признать, что Сохан Гири прав. Я пришел и просто потому, что я белый мальчик, потому, что по слухам улицы "Ам-рики" мостят золотом (ну, или по крайней мере, позолоченными камнями), поставил себя в привилегированное положение, решив, что тайные знания, собиравшиеся в течение десяти тысяч лет, отдадут мне по первой же просьбе.

Покурив чилим, я отправился на набережную Маникаран, чтобы посмотреть, как сжигают мертвых. Острый запах горящей человеческой плоти... Люди, отправляющиеся в рай. Здесь переходная природа существования видна так четко, как никогда. На погребальных кострах все одинаково равны и одинаково бесправны, здесь нет споров, есть лишь бесконечное изменение. Кто осмелится противостоять Смерти, когда она приближается к тебе с косой в руке?

Мне нужно что-то сделать, подумал я. Пусть маленький шаг, но в нужном направлении. Совершить ритуал, пуджу... Я достал из сумки с желаниями маленький мешочек, в котором хранились все мои деньги, и сосчитал их девяносто две рупии и шестьдесят пять паисов. Мне нужно раздать деньги, продолжил я свое размышление. Отдать их все! Почему? Потому что это последняя нить, связывающая меня с обычным миром. Я больше не хочу быть отщепенцем, эксплуататором, грабителем, крадущим знания.

Самыми распространенными обетами среди садху являются посты, которые соблюдают не ради здоровья, но как доказательство преданности и отказа от мирского. В понедельник дают обеты Шиве, во вторник - Хануману. Помимо этого есть обеты оставаться на одном месте или в течение двенадцати лет держать поднятой одну руку, а также обеты молчания. Каждый человек имеет причины, по которым он берется выполнить тот или иной обет, и обычно он что-то просит у богов взамен.

Я тоже хотел помощи богов. Я был благодарен за то, что мне удалось найти Хари Пури Баба, и верил, что он поделится со мной древними знаниями. Однако я ничем не оплатил столь щедрый дар. Я чувствовал, что в ответ должен сделать какое-то подношение, дакшину. Но как же мне оплатить ее? Только ли на

физическом уровне, деньгами? Разве шести долларов и семидесяти пяти центов достаточно, чтобы оплатить такую дакшину? Даже если это мои последние деньги? Инш'алла! Как мало я знаю...

Я медленно побрел к набережной Дашашвамед. Нищие в изумлении смотрели на босого белого мальчика в оранжевой набедренной повязке, который точно сошел с ума, потому что раздавал банкноты в пять и десять рупий так, словно это были монетки по пять и десять паи-сов. Он что, не видит между ними разницы? Прокаженные и вдовы получили милостыни на пять или десять рупий больше в тот день, когда я выполнил свой обет. Последней подошла старая женщина с палочкой, звеня несколькими мелкими монетками в оловянной кружке. Извините, деньги закончились. Я стал рыться в сумке желаний в надежде, что не заметил какой-нибудь запрятанной банкноты, но нашел лишь свой паспорт. Но ведь паспорт это тоже привязанность, верно? Женщина уже ушла, поняв, что ничего от меня не получит. Слава богам, в моем незрелом разуме сохранилось хоть немного здравого смысла, поэтому я решил не выкидывать паспорт.

Вместо этого я решил принять еще один обет: не прикасаться к деньгам. На какой период? Кто знает? По меньшей мере, несколько месяцев, пока не закончится Кумбха. Пойду в Аллахабад пешком и буду есть только то, что мне будут предлагать. Я раздал все свои вещи, сохранив только самое необходимое: одеяло, камандал, сумку, дневник, немного конопли, "Бхагавад Гиту" издательства "Гита Пресс" и паспорт. Я зашел в воду по грудь, поднося свой обет отказа от мирского Шиве и Матери Ганге и прося их о помощи и поддержке. На следующий день еще до того, как взошло солнце, я покинул Каши.

ГЛАВА 8

Когда Сурья-солнце уже приблизилось к границам небесного дома Макара-Крокодила, находящегося примерно там же, где и созвездие Водолея, и занимающего, согласно западной астрологии, тридцать процентов эклиптики, когда Сома-луна уже вошла в дом Карката-Краба, а Брихаспати-Юпитер неспешно пересекал обиталище Вришака-Скор-пиона, я вступил на мост Джунси, чтобы войти в жертвенные земли Праяга. Небо стало картой сокровищ, которая указывала на время и место появления амриты.

Стоя на мосту, я увидел самое вдохновляющее зрелище в жизни: бесконечное количество людей, собирающихся на великую религиозную ярмарку Кумбха Мела в Аллахабаде-Праяге. Разноцветные муравьи расползались в разные стороны, наполняя палаточный городок, раскинувшийся на треугольнике сухой земли меж двух великих рек Северной Индии: Ганги и Джамуны. Верхом треугольника было слияние двух рек в невидимую реку Сарасвати. Мне сказали, что это самая древняя священная земля на Земле. Я спустился вниз в сопровождении по меньшей мере сотни тысяч пилигримов. От толкотни и разнообразия цветов моя голова кружилась. В воздухе повисла тонкая пыль, поднятая тысячами ног.

Моя первая Кумбха. Кубок Мира, чемпионат США по бейсболу или даже Марди Гра бледнели в сравнении с ней. Я видел собственными глазами один миллион человек одновременно. Они ходили, сидели на песке под навесами или в палатках, слушали религиозные прения, смотрели на баба, разглядывали дешевые украшения, что-то покупали, купались или просто пытались найти знакомых. Целый миллион, а ведь вечеринка еще не началась! Верующие и любопытные продолжали круглосуточно втекать в Мелу, подобно реке Ганге.

Солнце все еще бросало лучи на слияние рек, называемое "сангам", когда меня отнесло человеческим течением на широкую пыльную дорогу, вливающуюся в океан людей. Здесь, под древними небесами, раскинулась целая вселенная. Песчаные улицы, пересекающие мелу, формировались рядами торговцев, продающих все, что вы только можете себе представить. Там были лоточники, продающие горшки и сковородки, чудодейственные травы, волшебные камни и чудесные аппараты. Вокруг торговцев толпились легковерные зеваки. Желающие узнать свою судьбу обращались к хозяевам птиц, вытаскивающим бумажки с предсказаниями.

Большинство пилигримов прибыло сюда группами: семьями, целыми деревнями, группами, живущими по соседству, объединенными последователями того или иного религиозного авторитета, или даже бандами. Каждый нес на спине, плечах и голове внушительные тюки, в которых лежало все необходимое для еды и сна на несколько недель. Всюду, где бы я ни проходил, из-под нависающего на лоб тяжелого груза на меня смотрели любопытные глаза.

Зачем все они приехали сюда? Почему их так много?

Говорят, что встреча трех рек несет с собой такую мощь, что всякий человек, даже много грешивший и не имеющий духовных достижений, сможет получить Высшее Знание и Освобождение в течение этой физической жизни, если искупается там, где вода синего цвета смешивается с белой. Получить Освобождение можно в любое время, но во время Кумб Мелы сила "сангама" возрастает в сто тысяч восемь раз.

Этот сангам, представляющий собой достопримечательность священной географии Аллахабада-Праяга, также называется Тривени, или "Три, сплетенные в один". Он представлен в человеческом теле "аджна чакрой", или третьим глазом, колесом тонкой энергии, вращающемся между бровей. Этот двухлепестковый лотос, в котором "сурья нади", соответствующий реке Джамуне, горячий поток энергии, встречается с "чандра нади", соответствующий реке Ганге, холодным потоком энергии. Сливаясь, они встречаются с "сушумна нади", центральным каналом тонкой энергии, несущим "кундалини шакти", космическую энергию.

Пять чакр, или энергетических центров, находящихся под аджна-чакрой, имеют в себе природу пяти элементов материи, а сама Аджна имеет ментальную природу. Это командный центр, так как "аджна" означает "приказ". Это гуру и одновременно место инициации. В Аджне встречаются Шива и его супруга Шакти, проявленная в виде Кундалини. Здесь ментальная активность соединяется с порожденным ею Временем, и вместе они растворяются в Великой Пустоте. "Читтавритти ниродха", то есть остановка ума, вот как мудрец Патанджали называет йогу. В теле Аджна-чакра является тем местом, откуда начинается духовное путешествие. На Земле таким местом является сан-гам Аллахабада-Праяга.

Но верующие приходят сюда не только за этим, но еще за тем, чтобы увидеть баба и садху.

Полная Кумбза Мела еще не наступила, так как Брихаспати-Юпитер должен был преодолеть еще половину эклиптики до входа в дом Вриши-Быка. Жертвоприношения, совершаемые в

Аллахабаде-Праяге, имеют такую силу, что, когда Брихаспати-Юпитер находится в половине пути от дома Вриши-Быка, начинается Половинная или Ард Кумбха Мела, во всем соответствующая Великой или Маха Кумбха Меле и обладающая той же святостью. Когда Брихаспати-Юпитер достигает любой из двух небесных позиций, в Кумбха зовут гуру, то есть святых мужчин и женщин, а также обычных людей. Во все иные года в Аллахабаде-Праяге празднуют Маг Мелу, когда Сурья-солнце входит в дом Макара-Крокодила. Обычно это происходит 14 января. Это самое благоприятное время, чтобы приносить любые жертвоприношения в Праяге.

По меньшей мере половина людей, бродящих по песчаным улицам, чувствовали себя не менее потерянно, чем я. Целые деревни искали стоянку какого-то баба, о котором никто никогда не слышал. Слепые здесь служили поводырями слепых.

Когда мне удалось пробраться в центр людского водоворота, я увидел, что стоянки святых людей стали более продуманными. Колоссальные бамбуковые арки были задрапированы оранжевыми, красными и желтыми тканями, сквозь которые на землю падал солнечный свет, окрашивая ее в разноцветные пятна. Шипящие громкоговорители пытались перекричать друг друга и систему радиовещания администрации Мелы. Популярные религиозные песни, священные мантры, песнопения верующих, религиозные беседы и сообщения о потерянных людях сливались в единую какофонию, которая была звуковым сопровождением Кумбха Мелы. Я почувствовал себя каплей в океане, неотделимой от толпы и покорно следующей ее потоку.

Хотя я и считал количество индийских богов, у каждого из которых было до тысячи и восьми имен, устрашающим, и дрожал при одной мысли о том, что надо выучить их все, количество названий различных сект приводило меня в настоящий ступор. Среди них были Шайвы, Шакты, Бхайраги, Наги, Наты, Агори, Аугоры, Удаси, Рамнами. Помимо этого, Данда Свами, Кабир Панти и Нирмали. Среди них были настоящие и поддельные садху, а также йогины, святые, шаманы, целители, аферисты, тантрики, бхакты, маги, попрошайки и преступники. Были люди просветленные и не очень.

Стоянки семи акхар Ордена Нага стояли в линию на центральной улице: Маханирвани, Ни-ранджани, Джуна, Ананд и не столь многочисленные Агни, Атал и Авахан. У каждой из акхар были свои величественные ворота с одним из божеств, венчающим вход. Акхары располагались большими стоянками, похожими по организации на лагеря американских военных. В акхарах жили святые, факиры, шаманы, йогины и другие махатмы.

Некоторые акхары были огромными, как, например, Джуна Акхара, приютившая в самый разгар мелы более двадцати пяти тысяч садху, в других, подобных Атал Акхаре, проживало не более сотни.

Джуна Акхара находилась в самом эпицентре мелы и подавляла своим величием стоянки остальных акхар. На вершине ворот Джуна Акхары, обвешанных психоделическими гирляндами, восседал Трехголовый Даттатрейя. Тысячи жертвенных огней горели перед палатками, рождая всепроникающий туман.

Пожилой пилигрим спросил меня, верно ли, что мы стоим перед Джуна Акхарой. Я посмотрел на стяг, висящий поперек входа и медленно прочитал на санскрите:

ГУРУДАТТАТРЕЙЯ ВИДЖАЯТ

ШРИ ПАНЧДАШНАМДЖУНА АККАРА

Да, все верно. Надпись на стяге можно было перевести так

ДАТТАТРЕЙЯ ПРАВИТ!

ОБШИРНАЯ ДЖУНА АКХАРА ДЕСЯТИ ИМЕН

Тогда старый пилигрим спросил меня, знаю ли я, где находится Шанкар Баба. Я отрицательно покачал головой. Уж этого я точно не знал. Грубый голос позади меня сказал пилигриму, что разных Шанкаров Баба на свете хватает. Многие садху Джуна Акхары были известны своей резкостью и даже агрессивностью, и человек позади меня не был исключением. Пилигрим посмотрел на меня сквозь очки, похожие на донышки бутылок из-под "Кока-Колы", вдвое увеличивающие его глаза, и сказал: "Должно быть, это так, но этот Шанкар Баба может выполнить любое желание!"

Я вошел в акхару через огромные ворота вслед за тремя молодыми садху, которые несли на головах плотно свернутые валики постелей. Лагерь постепенно наполнялся людьми. Сотни одетых в оранжевое или вовсе неодетых новоприбывших продолжали входить в акхару. Большинство из них точно знало, куда идти. Маршировали с посохами в руках старшие садху, а за ними следовали группы учеников, несущих необходимые для месячной стоянки пожитки. Повсюду почтительно кланялись гуру и касались их ног, обнимались гуру-бхаи и просто старые друзья. Охрипшие садху выкрикивали имена новоприбывших и предлагали всем горячий чай. В акхаре горело более тысячи дхуни, в каждом из которых было зарыто в золу зубцами вверх несколько больших трезубцев "тришулов", оружия Шивы. Позади дхуни располагались палатки, а позади палаток - запутанные дорожки и проходы, ведущие на задворки акхары.

Я присоединился к толпе прибывающих баба, со всех сторон

окруженных тысячами пилигримов. Паломники каждый день наводняли акхару, они подходили к баба со сложенными ладонями, почтительно опущенными головами и глазами, полными восторга, любопытства и страха. Ведь то, что они видели, принадлежало другому миру, населенному древними шаманами и йогинами Индии. Спутанные волосы этих пугающих и притягательных садху переплетались с гирляндами ноготков и были убраны в высокие пучки, похожие на короны. Некоторые пилигримы кланялись баба в ноги, другие бросали монетки, следуя ритуалу паломничества, требующего вручения пожертвований. Деревенские женщины, держащие на руках маленьких детей, прикрывали им лицо, другие, у которых еще не было детей, просили у баба пепел, дарующий плодовитость. Всем просящим давали вибхути, рожденного в священных дхуни.

Некоторые пилигримы предпочитали наблюдать за происходящим на расстоянии. Большинство из них не делало разницы между мудрецами-риши из старинных рассказов и современными йогинами, чьих имен они даже не знали. Некоторые надеялись встретить могущественного покровителя среди шаманов, однако лишь немногие осмеливались приблизиться к ним. Другие же пришли ради встречи со своим баба, садху, живущим поблизости от их деревни или города, которого, быть может, они навещали в пещере или монастыре, а может, встретили в тиртхе, или просто познакомились с ним по пути.

- Эй, ты! - заорал какой-то баба.
- Это вы мне? - обернувшись, немного испуганно спросил я.

Баба подозвал меня взмахом руки, что было больше похоже не на приглашение, а на приказ.

- Иностранец, да? - спросили меня, как только я попытался сесть.
- Нет, не садись здесь, - прикрикнул на меня другой баба. - Садись вон туда!

Затем начался допрос. Зачем говорить так быстро и глотать окончания? Мне показалось, что два баба делают это нарочно. Когда я сказал им, что прибыл сюда на инициацию, они рассмеялись. По всей видимости, подумали, что я большой шутник Когда же я сказал им, что являюсь учеником Хари Пури Баба, старший садху протянул:

- Ну что же ты сразу не сказал? - Как будто они давали мне вставить хоть слово!

Баба сказал мне, что Хари Пури Баба остановился неподалеку, потому что эта "дава", то есть квартал, принадлежала "сола мархи", Шестнадцати Линиям Преемственности, то есть

Пури. Я вдруг понял, что несмотря на многие месяцы, проведенные в Амлода Кунд и странствиях, я все еще не готов к происходящему. Словно я действительно нахожусь в каком-то другом мире.

Тут я услышал, как кто-кто выкрикивает имя Рам Пури. Конечно, в таком людном месте помимо меня могло быть много людей с подобным именем, но голос показался мне знакомым. Я обернулся и увидел Кедара Пури Баба. Я был так счастлив увидеть знакомое лицо, как никогда прежде. Кедар Пури Баба притянул меня к себе и обнял.

- Идем. Гуру Джи ждет тебя, - сказал он.

Джуна Акхара была собранием линий преемственности, берущими начало от Гуру Даттатрейи. Они существовали еще до того, как Ади Шанкара совершил свою революционную реорганизацию в шестом веке до нашей эры. Встретив огромное количество семей и линий передачи учений аскетов, йогинов и шаманов, Шанкара создал инфраструктуру, способствующую обмену знаниями. Вначале он создал Десять Имен, а затем реорганизовал сам акхару. Поэтому сейчас на одной чаше весов находились Десять Имен, созданные Шанкарой, а на другой - акхара, основанная Даттатрейей еще в эпоху Треты много тысяч лет назад. Каждая акхара, принадлежавшая Десяти Именам, имела собственную линию преемственности, начинающуюся с гуру-основателя. Однако приведенные факты не в силах описать всю жизнь акхары, часто протекавшую за пределами фактов.

- Ого! Смотрите, кто пришел! - сказал Хари Пури Баба, когда я подошел к нему и выполнил почтительные поклоны-омкары. Хотя дхуни Амара Пури Баба и Хари Пури Баба стояли напротив друг друга сразу за палаткой Шри Маханта Арджу на Пури, главы Шестнадцати Линий Преемственности, Амар Пури Баба сидел, как всегда, у дхуни Хари Пури Баба, слева от своего гуру-бхая, деля с ним тигровую шкуру. Они, как обычно, были не разлучны и, как обычно, спорили. Хари Пури сидел с выпяченной вперед грудью, что было знаком, что сейчас он объясняет очень тонкий философский вопрос в надежде выиграть в споре.

Микрокосм двух дхуни отражал активность всей акхары, которая в свою очередь, служила проявлением бурлящей энергии мелы. Последователи из Раджастана стояли в очереди, чтобы выказать свое почтение и прикоснуться к ногам двух баба, гут же в огромных количествах производились и поглощались чай и чилим. Тут резали овощи, там складывали дрова, и все это делали обнаженные привидения, с которыми я познакомился еще в Амгсода Кунде. Я почувствовал, что очутился дома. Шум, суматоха и тонкая, забивавшаяся повсюду пыль изчезли из-за

одного только присутствия Хари Пури Баба.

Пока я рассказывал о своих приключениях в дороге, Хари Пури Баба разглядывал меня. Учитель стал мне намного дороже после того, как я многое повидал в пути и научился ценить его уникальные качества. Я чувствовал, что, сидя вместе с Хари Пури Баба, я нахожусь у источника или совсем рядом с ним. Он стал для меня авторитетом, которому мне было не стыдно поклониться.

- Узнал ли ты о том, кем являешься? - спросил он.

Я ответил, что скорее узнал о том, кем не являюсь. Я все еще не баба, но верю в то, что Гуру Джи сделает меня баба. Хари Пури засмеялся.

- Ты уверен, что действительно хочешь этого?

Будь осторожен! - предупредил он, а затем снова засмеялся. - Ведь если я превращу тебя в баба, потом будет очень трудно превратить тебя обратно.

Учитель сказал, что моя инициация Великого Отречения, "вирья хаван", произойдет в новолуние двумя неделями позже, и что это будет большая массовая церемония. Он велел мне готовиться к получению Дара Знания, "видья санскара", и узнать ко времени инициации кто же я все-таки есть.

Ладно, подумал я, всего две недели до просветления. Кажется, это Кришнамурти сказал, что просветление занимает меньше секунды, и в этот момент время не имеет над тобой никакой власти. Так что двух недель на подготовку хватит. Или же это все же займет целую жизнь? - задумался я. Хотя Адвайта, говорящая о недвойственности, все равно воспринимает время как иллюзию.

- Что такое эта инициация? - начал Хари Пури. - Это открытая дверь, приглашающая тебя в историю. - Я подумал, что учитель имеет в виду какой-то миф. "Не придуманную сказку, но историю, которая живет так же, как живут горы, небо, реки и деревья." История, которая не может содержаться в книге или быть собственностью одного человека. Ты уже знаешь о пахтании Океана, из которого появился потом Нектар Бессмертия, но сейчас происходит такое же пахтание, - сказал Хари Пури, выпрямляясь. - Что такое акхара? - спросил он. - Это машина для пахтания, которая тревожит души и вводит тем самым океан Кумбха Мелы в историю! Разве нет? Разве кумбха - не кувшин, в котором содержатся души всех, кто находится здесь? Разве он также не является сосудом с амритой? Те души, которые уже спахтали, покинули мир смертных. И если ты действительно собираешься получить инициацию, то нужно закончить все дела в этом мире, потому что через две недели ты зажжешь свой

собственный погребальный костер.

Ежедневное колесо жизни катилось так же, как и всегда, за исключением дней больших омовений, которые случились трижды за всю мелу. Следование дисциплине, которой меня научил Амар Пури, очень тогда пригодилось, потому что каждый день я вставал в 330 утра, чтобы к четырем часам уже сидеть у дхуни. Это самое священное время дня, и, честно говоря, в глубине сердца я гордился тем, что занимаюсь медитацией в столь ранее время и что первым подаю чай и чилим пытающимся согреться после омовения в реке.

Я будил Кедара Пури, спящего вместе со всеми на соломенном коврике в палатке Хари Пури Баба, и мы отправлялись совершать утренний туалет и омовение.

В этот час темноту усугублял невероятно плотный, стелящийся по земле туман. Месяц январь в районе Доаба, лежащего вокруг рек Ганга и Джамуны, был холодным. А на берегу Ганги было не только холодно, но и очень сыро, кисельный туман висел над водой до восьми или девяти часов утра. Завернутый в одеяло, под которым я тщетно пытался согреться всю предыдущую ночь, я присоединялся к Кедару Пури Баба, моющему руки под уличным краном. Затем мы шли к Ганге и тянули соломинки, чтобы выбрать, кто будет окунаться первым. Мы купались по очереди, потому что на берегу туман был особенно густым, и можно было легко потеряться и, что еще хуже, потерять одежду. Мы с Кедаром Пури Баба приглядывали друг за другом. Он был моим братом и союзником.

Вода была теплой, а воздух обжигающе холодным. Мой внутренний огонь начинал разгораться, потому что я получил даршан элемента воздуха, и, прикасаясь к коже, чувствовал оседающую на ней влажную изморозь. Как только я проходил в воде пять-десять шагов, как все вокруг погружалось в темное марево, в котором было просто невозможно что-то разглядеть. Омовение было даршаном элемента воды. Я перечислял имена всех семнадцати речных богинь и просил их присоединиться к Ганге и Джамуне для получения полного даршана:

О семнадцать речных богинь!
Пусть ваши полноводные потоки,
Вливающиеся в океан,
Сделают мир счастливым и процветающим!

Я умывал рот, три раза окунался, а потом подносил воду еще не взошедшему солнцу, Шива-лингаму, который я формировал пальцами, а затем всем четырем направлениям. Да будет мир процветать!

Жар разбуженных дхуни слегка отгонял туман, и приглушенный свет языков пламени был виден еще издалека. Четвертый элемент, огонь, был сокрыт в дхуни. Это свет, рассеивающий тьму, и тепло, изгоняющее дрожь. Я брал немного вибхути, пробовал его, а потом делал точку "тилак" на третьем глазу и проводил три линии на лбу.

Даршан пятого элемента, эфира, происходит при произнесении звуков. Я выполнил омкары для дхуни, повторяя мантру.

Один за другим из тумана материализовывались дрожащие от холода баба и тут же протягивали руки к огню, поглядывая на дхуни. Чилим сильно помогал делу, и сочувствие к каждому новоприбывшему выражалось в том, что набивалась новая трубка. Как только появлялись гуру, мы, ученики, начинали, толкаясь, пробираться вперед, чтобы коснуться их ног и выполнить омкары. Часто очередь к ногам пожилого или могущественного гуру могла быть в десять садху "в глубину". Каждое утро и вечер я старался прийти первым к каждому из моих пяти гуру, принимая во внимание, конечно, что утром им нужно некоторое время, чтобы одеться и быть готовым к даршану.

По стандартам акхары Хари Пури вставал довольно поздно. Среди учеников то и дело слышались шутки по поводу гуру и его любви к долгому сну. Я улыбался вместе с хихикающими садху, даже если не совсем понимал смысла шуток Баба не питали к Хари Пури враждебности, что было вполне возможным по отношению к нарушающему правила, но искренне любили за "лилу", театр, возникающий в рассказах Руру Джи. Как я узнал позднее, мало кто из баба догадывался, что по ночам душа Хари Пури отправляется в путешествия, часто покрывая огромные расстояния. Баба, продвинувшимся в садхане, дозволяются отклонения от общепринятых правил.

Хари Пури позаботился о том, чтобы я вовремя оплатил сборы за акхару, а также заплатил "мархи" за регистрацию, оплатил пожертвования, посвященное Гуру Даттатрейя, различные подношения и многое другое. Кедар Пури выказал желание сопровождать меня во время этого важного мероприятия.

Как бы ни был мне близок вечно юный Кедар Пури, я прекрасно понимал, что он "Риши Нарада", возмутитель спокойствия. Мой гуру-бхай никогда не хотел ничего плохого, скорее наоборот, но его способность ляпнуть что-нибудь не вовремя стала притчей во языцех. Его уши и губы были слишком большими, чтобы удержаться от слушания и распространения сплетен. Дело было не в том, что он говорил (правда, пару раз я слышал от него весьма подозрительные высказывания), а, скорее,

в том, когда он это говорил. Казалось, что Кедар Пури специально ищет моменты напряжения, чтобы бросить свою маленькую спичку в бочонок с порохом. В возрасте шести лет Кедар Пури стал садху и йогином, но несмотря на столь выдающийся факт этот баба был обузой, ношей, которую Хари Пури нарочно повесил мне на шею.

Но для выполнения такой важной миссии-"Гуру Джи не собирался посылать со мной Кедара Пури и попросил стать моим проводником Серебрянобородого Рагунатха Пури, одного из моих пяти гуру.

Долговязый Рагунатх Пури был заядлым путешественником, но при этом он не стремился увидеть какие-то достопримечательности. Его мир определялся не национальными границами, а племенами и культурами. Этого бродягу постоянно влекло в путь неистощимое любопыство и желание увидеть чудеса мира. Он давал увиденным странам и величественным городам следующие характеристики: "Там едят собак, котов и насекомых" или "В тех местах на деревьях растут фрукты с такими огромными шипами, что могут убить человека, если упадут ему на голову".

Как-то один иностранный турист подарил мне кухонные спички, которые можно было зажигать обо что угодно. Решив устроить небольшое шоу, я громко призвал Шиву и зажег спичку о собственный ноготь. В этот момент Рагунатх Пури оказался рядом со мной и потому внимательно наблюдал за представлением. А затем Баба прокомментировал: ничего особенного, он уже видел подобный трюк на базаре в Дамаске. В Дамаске? Ну да, он был в Мекке, Иерусалиме, Бейруте и даже добрался до Стамбула, находящегося далеко на западе, путешествовал по Тибету, Китаю и Индокитаю, дошел даже до Шанхая, находящемуся далеко на востоке, и все это пешком!

Мархи осторожно поприветствовали меня, но акхара была несколько враждебна. Рагунатх заворчал на секретаря акхары, сварливого старого баба, предложив тому делать все несколько быстрее. Ну вот, и здесь есть место противоречиям. Я начал понимать, что в акхаре не действует правило автоматического приема иностранцев, существующего в остальной Индии.

Я зарегистрировался, заплатил сборы и внес деньги на пожертвования. Хари Пури дал Рагунатху Пури необходимые для этого средства. Одиннадцать рупий тут, одиннадцать рупий там, еще пять рупий и снова одиннадцать. Потом 51 рупию, и еще 101. Каждый раз, когда выплачивалась какая-то сумма, "карбхари", баба, ответственный за сбор денег и за отчетность по деньгам, собственности и завещаниям, записывал в регистрационном

журнале: "Шри Рам Пури Джи, ангрез (то есть англичанин), ученик-шишья Шри Хари Пури Джи, Хануман Мандир, Амлода Кунд, Раджастан, на одиннадцатый день светлой половины Пауш луны в 5073-й год Кали Юга, дал 51 рупию Шестнадцати Линиям Передачи Учения Шри Панч Дашнам Джуна Акхары на нужды Гуру Даттатрейи". Такую запись делают для каждого подарка, выраженного в деньгах или других ценностях, подаренному любым человеком любому из институтов акхары. Я видел комнаты, от пола до потолка заполненные записями с тысяч Кумбха Мел. На языке Северной Индии "акхара" значит "место для борьбы". Мегастен, посол Александра Великого ко двору Чандрагупты Морьи в Пайлипутре, живший в четвертом веке до нашей эры назвал увиденных им садху "гимнософистами", обнаженными философами, которые в древней Греции имели обыкновение посещать гимназию*. Борьба, случавшаяся в акхаре Даснами Нагов, имела духовный, интеллектуальный и политический характер, а результаты ее могли носить для проигравшего плачевный характер. Каждая твоя идея, мысль или действие могли стать объектом для вызова, и даже самый незначительный баба имел право вызвать тебя на диспут.

- Против твоей инициации будут возражать многие, Рам Пури, - сказал Гуру Джи спустя не сколько дней после моего приезда.

Сангарш хоне се сона шуд хо джата хай!

Преодолевая трудности, золото становится чище!

- Именно оппозиция способствует рождению истории и вращает колесо-чакру санатан дхармы. Без противостояния тебе не о чем было бы потом рассказывать и становиться большим, чем ты есть.

- Я никогда не слышал о том, чтобы какой-нибудь иностранец получил санскар в акхаре, -продолжил он. - Шеш Нараян просмотрел все записи Уджайна за последние несколько сотен лет и ничего не нашел. Мы, садху, переживаем сейчас что-то вроде Смутного времени. Однако и остальные люди переживают их тоже. Многие из наших линий преемственности приняли к себе учеников не из касты браминов, но никогда еще среди них не было иностранцев или белых людей, англичан! Могут начать говорить, что тебе здесь нет места, что ты - плохое предзнаменование. Но ты действительно плохое предзнаменование.

- Тогда, наверное, мне не стоит ходить на инициацию, - сказал я Гуру Джи, сложив руки перед лицом. Мой голос был едва слышен, щеки покраснели, а коленки ощутимо тряслись.

- Эй! Послушай меня, - сказал он. - Это важно. Наши дни сочтены, мы постепенно начинаем принадлежать прошлому. Пандит Нехру подтвердил это в 1956 году, добившись утверждения закона, требующего у садху носить удостоверение личности. Мы-то знаем, кто из нас кто, кто мошенник, а кто настоящий садху, но Пандит Джи, защитник народа, заявил, что все мы будем мошенники, если не докажем обратного. Самой важной частью нашей дхармы являются взаимоотношения с обществом. Общество это "пуниш", человечество, а мы - "пракрити", Богиня Земля. Если баланс нарушается, нашей задачей является его восстановление, но сейчас это может потребовать слишком больших жертв и отречений, чем те, на которые мы способны. Вся наша практика, традиция и сила - для блага общества, а не для нас самих. Мы отреклись от всех благ. Мы делаем все возможное во всех Трех Мирах для наших последователей.

Поэтому доверие общества ни в коем случае нельзя потерять, но времена изменились. Англичане ушли, оставив позади свой образ жизни и своих слуг, которые пытаются сейчас сымитировать мир своих прежних господ. Некоторые садху верят, что люди будут нам меньше верить, если увидят в наших рядах белых людей.

И потом, есть те, кто верят, что все приезжающие с Запада очень богаты, а это вызывает зависть. Вспомни о том, что и боги, и демоны хотели обладать Камадхену, Коровой, Выполняющей Желания! - сказал Хари Пури и замолк.

А я-то считал, что йогины, мудрецы-риши и, конечно же, боги лишены таких обычных человеческих эмоций, как зависть, гнев, похоть и насилие. Но оказавшись здесь, в самом центре "Звездных Войн", я начал сомневаться в собственных убеждениях. Конечно, внешне в этих мнениях было что-то от следования Древним Правилам, но только на первый взгляд.

- Я немного понял, что вы хотели сказать мне, Гуру Джи, но не знаю, что с этим делать. Я просто хочу выполнить свой долг, каким бы он ни был, - выпалил я.

- А я просто рассказал тебе о том, что заметил, - Хари Пури бросил на меня сочувственный взгляд. - Выполняй свой долг, но делай это у дхуни. Не броди по акхаре. Ты можешь ходить на "арати", вечерние богослужения, и выполнять омкары, но о праздниках забудь.

На следующий же день, около десяти часов утра, Кедар Пури позвал меня, не говоря, куда именно он собирается. После того, что сказал мне Гуру Джи, я собирался провести целый день сидя у дхуни, но Кедар Пури упорно тянул меня куда-то, неотвязно

жужжа над ухом, как комар.

- Но Гуру Джи сказал... - начал я.
- А-а-а-а, Гуру Джи! - насмешливо сказал гуру-бхай.

Акхара представляет из себя круг, разделенный на четыре части согласно разделению на линии преемственности: Шестнадцать Линий Преемственности, занимающие северо-восточный угол справа от ворот, носят общее имя Пури (например, Рам Пури, Хари Пури, Амар Пури, и т.д.); Четыре Линии Преемственности занимают юго-восточный угол; садху с общим именем Гири, разделенные на Тринадцать Линий Преемственности и Четырнадцать Линий Преемственности, занимают соответственно юго-запад и северо-запад, то есть самые дальние части ак-хары. В центре акхары находится временный бамбуковый храм, в котором хранится икона с трехголовым Даттатрейей. Палатки и дхуни четырех лидеров Линий Преемственности окружают храм с четырех сторон. В этой центральной части акхары, называемой "мархи", также хранятся оружие и сейф.

Джуна Акхара - это "янтра", священное огражденное пространство, которое призывает божество Даттадрейю сесть на трон йогинов.

Мы прошли сквозь стоящие ровным строем дхуни, принадлежащие Шестнадцати Линиям Преемственности, миновали храм Даттатрейи и углубились на территорию Гири, направляясь к дхуни Мадху Гири Баба. Я никогда прежде не был на празднике бхандары, хотя Кедар Пури настаивал, что это вовсе не бхандара, а обычный завтрак Хотя гуру-бхай не присутствовал на моем разговоре с Хари Пури, мне показалось, что он слышал все от первого и до последнего слова. До меня начало медленно доходить, что в акхаре все знают обо всем. Слова "личный" и "секрет" получили новое для меня значение. Все секреты были известны каждому в семье, но в семье они и оставались. Вот одна из причин, почему в течение тысяч лет короли, генералы, торговцы и люди, стоящие вне закона, доверяли Нага-баба свои тайны. Кедар Пури хитро смотрел на меня, как подросток, подбивающий приятеля закурить свою первую сигарету.

Когда я заколебался, Кедар Пури взял меня за руку и стал протискиваться сквозь плотную толпу садху Скорее всего, этот кумбха будет последней для Мадху Гири Баба, который уже целое столетие был йогином. Раздавая благословения и "шактипат", прикасаясь к головам садху, подошедших выказать ему почтение, этот древний человек был похож на самого Шиву. Его глаза, темные и пронизывающие, чем-то похожие на глаза животного, пристально разглядывали толпу. Как только я увидел Мадху Гири

Баба, то почувствовал себя загипнотизированным одним его видом и молился, чтобы он не посмотрел в мою сторону. Я избегал его взгляда так же, как обычно избегают взгляда буйного посетителя в баре. Тем временем в толчее потерялся Кедар Пури, и я никак не мог разглядеть, куда же он делся.

Чей-то скрипучий голос позвал меня по имени. Конечно, в Джуне Акхара есть не один Рам Пури, но голос обращался явно ко мне и исходил от молодого похожего на непальца садху, сидящего рядом с Кедаром Пури и большой группой садху помладше.

Хотя Бир Гири Баба был похож на непальца или даже на тибетца, он родился в маленькой деревушке в штате Пенджаб. Высокие монгольские скулы и в особенности узкие глаза вводили собеседника в заблуждение относительно национальности баба. Бир Гири Баба слегка подтолкнул Кедара Пури локтем, чтобы тот освободил мне место, и я сел рядом. Затем молодой садху подозвал одного из учеников Мадху Гири и попросил того принести мне чай и сладкий "гулаб джамун". Он также настоял, чтобы мне дали дак-шину в пять рупий, объяснив, что я являюсь чела Хари Пури Баба.

- Дай ему свою "парчу", свой билет! - вмешался Кедар Пури. Бир Гири засмеялся и поменял парчу, полученную мною от Кедара Пури, на банкноту в пять рупий, которую он положил мне под колено.

Бир Гири Баба, ширококостный молодой человек со скрипучим голосом и манерами шамана какого-нибудь первобытного племени, был прирожденным лидером. Его всегда окружала группа молодых садху, которые курили много чилима и пели бхаджаны из индийских фильмов, подыгрывая себе на маленьком барабане. На арати Бир Гири Баба трубил в "нагпани", рог, покрытый кожей змеи. Старшие садху также одаривали его уважением, непомерно большим для того, кто был всего на два года старше меня. Позже Бир Гири Баба потолстел и стал похож на статую смеющегося Будды, но пока был все еще очень худым садху.

- Мы еще встретимся, - сказал он мне, сморщив лицо в улыбке.

Из того, что он говорил на хинди, я понимал буквально все, несмотря на то, что мои знания языка были все еще недостаточными. Речь Бир Гири Баба не блистала излишними эпитетами, все его зубы на месте, он не жевал жвачку "пан", не бормотал и не глотал слова. В его речи не было привычной элегантности, а грамматика следовала скорее правилам песни, а не речи. Бир Гири Баба любил рифму, ведь язык истории - это

песня.

Пусть я раньше не встречался с Бир Гири, но много раз видел людей, похожих на него своим сердцем: в центрах хиппи в Сан-Франциско, на амстердамской Дам Сквер, в парижской мансарде художника, в стамбульском отеле "Руль-хан" и кабульской гостинице "Бамьян". Ни их национальность, ни даже имена не имели никакого значения, но встречаясь с ними, каждый раз я чувствовал мгновенную близость. Бир Гири Баба оказал мне в акхаре такой радушный прием, какого не мог оказать даже мой собственный гуру. В присутствии Бир Гири я не чувствовал себя чужаком.

Почувствовав со стороны садху такое приятие и дружеские чувства, я, не раздумывая, согласился, когда на следующий день Кедар Пури предложил мне снова прогуляться. На этот раз мы пошли в стоянку Махамандалешвар в Джуна Акхаре. Эти садху не были Нагами, но Адвахута-ми, которые представляли Джуна Акхару во внешнем мире. Стоянка находилась вне территории акхары. Выйдя за ворота, мы увидели праздник бхандары, на котором присутствовали тысячи садху из Дхуна Акхары, уже в полном разгаре.

Под украшенным лентами и непременными ноготками навесом, то и дело колыхающимся под порывами ветра, сам Махамандалешвар говорил проповедь для своих приверженцев и всех желающих ее послушать. Одетые в оранжевое садху сидели лицом друг к другу в ровных рядах. Кедар Пури нашел нам местечко в самом конце ряда.

Вы когда-нибудь видели, как пара тысяч обнаженных людей обедают под навесом, устроенным на берегу реки? Каждого из них обслуживают лично, а потом еще и платят за то, что они пришли! Богатые последователи-миряне из Гуджарата приготовили угощение и спонсировали праздник, но только благодаря старшим садху акхары бхандара все-таки имела место.

Привести священный орден в подобный хаос - это лишь начало. Ведь обычно подобные пиршества длятся по нескольку часов. Тысячи тарелок "патала" из сшитых вместе листьев и глиняных чашек "кулардов" стоят перед тысячами садху. В медных котлах приготовлено достаточно еды, чтобы накормить их всех. Следуя традиции, перед началом трапезы садху поют:

Хара хара махадев ишамбху

Каши вишнаватх ганге!

Из кухонной палатки вышли пятьдесят молодых садху, неся в руках горшки с горячим и черпаки, чтобы накладывать еду. Богатый гуджаратский торговец средних лет поднялся на возвышение, чтобы произнести речь. По толпе пробежался

шепоток, выражавший всеобщее желание, чтобы речь была как можно более короткой.

Я заметил двоих старших баба, идущих в нашу сторону. Нет, они идут прямо к нам! На одном из баба было заметное издалека одеяние цвета крови, которое говорило о его принадлежности к тантрикам.

- Немедленно вставай и убирайся отсюда! - сказал баба в красном. На его лице была написана угроза.

"Должно быть, тут какая-то ошибка", - подумал я.

- Скажи им, - попросил я Кедара Пури. Тот попытался что-то пролепетать, но баба в красном не терпящим возражения тоном велел ему заткнуться.

- Тебе лучше уйти, Рам Пури, - сказал Кедар Пури, и прежде чем я смог хоть в чем-то разобраться, двое баба подхватили меня под руки и вывели наружу.

Я был слишком растерян и напуган, чтобы чувствовать гнев, но выражения лиц этих двух баба я никогда не забуду. Лишь когда в моих ушах зазвучал голос Хари Пури, я начал осознавать окружающее.

- Я дал тебе аджну, совет гуру, который является приказом для ученика, а ты наплевал на него! Ты думаешь, что я говорю что-то лишь затем, чтобы насладиться звуком собственного голоса? Ты, похоже, не веришь, что в моей голове есть хоть капля мудрости! - бушевал гуру.

- Рам Пури не виноват, Гуру Джи,- влез Кедар Пури. - Это я отвел его на праздник

Хари Пури Баба посмотрел на моего как всегда влезшего не вовремя расстроенного гуру-бхая и окончательно рассвирепел.

- Не его вина, да?! Спасибо, гуру! Какой еще чин ты, интересно, занимаешь в этой сети иллюзий?

Я скажу тебе: твой единственный чин - никудышный болван! Бездельник! Мошенник! От тебя одни неприятности! - вопил учитель, выпятив в гневе грудь. - А ты, Рам Пури? Что, этот идиот твой учитель? Поэтому ты следуешь его советам? А он отважится отправиться в Три Мира, чтобы спасти тебя? - И тут Хари Пури издевательски засмеялся.

Мне были необходимы правила и желательно в печатном виде. Тут все так запутано и сложно. Я нуждаюсь в порядке, в системе, которой все нет и нет. Единственное, что я могу сделать в такой ситуации, это стараться не отвлекаться и понять, что теперь я живу внутри какого-то древнего мифа.

** Слово "гимназия" имеет в своем корне слово "гимнос" (gymnos), означающее "обнаженный". Для выполнения физических упражнений греки имели обыкновение полностью обнажаться.*

Изредка греческие гимназии были общеобразовательными учреждениями, в которых занимались не только телом, но и умом (Прим. пер).

ГЛАВА 9

Ровно через две недели после прибытия в акхару мое ожидание закончилось. Настал день подведения итогов. Двадцать четыре садху из Алекиев, с ног до головы покрытые священным пеплом, громко объявили о приближающейся инициации в саньясины, называемой еще "вирья хаван", то есть Жертва Героя, или "видья санскар", то есть Дар Знания. Садху маршировали от одного дхуни к другому, громко выкрикивая одно из имен Шивы:

Алак! Алак! Алак!

Вокруг их талий были обвязаны длинные шерстяные веревки, на щиколотках висели колокольчики, звеневшие в такт каждому шагу. Баба шли, держа в руках похожие на черепа чашки, прося муку как подаяние.

Это имя Шивы значит "Тот, у Кого Нет Глаз". Шива слеп, его глаза не смотрят на мир, они закатились вверх во время медитации на Великую Пустоту. Посмотри наверх, услышал я голос внутри своей головы. Оставь все то, что внизу. Этот мир - иллюзия. Оставь привязанности к чувствам, воспринимающим его. Поднимись на горную вершину слепого Шивы!

Глаза Хари Пури Баба тоже закатились, когда он поднял мундштук чилима к небу и пропел Шиве дразнилку:

А-а-а-а-лак! Колдепалак!
Деко дунья ка джалак!
Эй, Ты, безглазый! Открой глаза!
И увидь сверкание этого мира!

Перед инициацией было традицией соблюдать пост. Не надо было полностью отказываться от еды, лишь воздерживаться от той, что выращивалась на полях, то есть от пшеницы и овощей. Хари Пури накормил меня завтраком, состоящим из йогурта и бананов, а затем дал подтверждающую бумагу, называющуюся "парча", и послал в храм Даттатрейя, наказав ожидать дальнейших инструкций.

В мархи с неистовством бил в барабан "долак" странствующий барабанщик с красными глазами, а ожидающие посвящения сидели и курили бесчисленные чилимы. Помимо неофитов, .тут были пожилые белобородые баба с морщинистыми лицами и подростки, у которых на подбородках все еще рос пух. В основном среди неофитов были выходцы из крестьян, но было также несколько горожан. Скоро между ними не останется никакой разницы.

Стояло холодное январское утро. Одетые в одни лишь набедренные повязки, мы сидели в ожидании на голой земле, волнуясь все больше и больше. Приставы в красной униформе, с длинными серебряными жезлами на плечах ходили туда-сюда, ожидая прихода остальных Нага-баба, собирающихся изучить тех, кто станет вскоре новыми саньясинами.

- Эй, Раху! - я почувствовал, как меня сильно пихнули деревянной палкой. Тут же стихли разговоры между учениками. Стукнувший меня баба спросил, кто мой гуру, используя жаргон акхары: "Прем пат каун хай?" ("Кто тот, кого ты любишь?"). Я был готов к этому вопросу и потому успешно на него ответил. Затем он попросил мою парчу, очень внимательно осмотрел ее, отдал обратно и ушел.

Молодой полицейский, которого я недавно видел у дхуни Рагунатха Пури, объявил, что нам нужно пройти в санган, чтобы подвергнуться "мундану", то есть обриванию головы. Там же мы должны будем выполнить подготовительные ритуалы. Все тут же поднялись, спеша занять в очереди первые места, ведь тогда их обреют все еще острыми бритвами. Мы шли по двое, держа за руку первого попавшегося партнера.

Чего я в тот момент не знал, так это того, что пока я сидел среди тысяч ожидающих инициации учеников, Бхайрон Пури привел к дхуни Хари Пури девяностолетнего Шри Махант Арджуна Пури и его ученика Капила Пури, а также несколько других садху. Старый тантрик Бхайрон Пури был вне себя. Он пожаловался собравшейся группе, что в свое время гуру Хари Пури, Сандхья Пури, принимал мусульман в качестве последователей в Дан Акхаре, самом священном из монастырей Нагов. Сам же Хари Пури пошел еще дальше, собираясь сделать саньясином иностранца, которому к тому же в детстве сделали обрезание.

Бхайрон Пури обладал луженой глоткой и мог перекричать любого. Хари Пури не мог сравниться с ним по количеству децибелов, однако ему все же удалось обратить внимание уважаемых баба на тот факт, что его гуру Сандхья Баба вернул обратно украденные мусульманами части Датт Акхары и что у Кешава Пуд Мультани Баба, "дада гуру" нашего мархи, тоже были ученики-мусульмане. Но в защиту инициации молодого иностранца Хари Пури не был готов дать мгновенного ответа.

- Разве вы можете помешать мне сделать мальчика саньясином? - спросил Хари Пури. - Я его гуру, я провел его инициацию Пятью Гуру и заплатил все сборы акхары. Чего же еще вам надо?

- Он не "готра", не индус! - взревел Бхайрон Пури, имея в

виду, что моя скромная персона не принадлежала ни к одному из кланов великой индийской кастовой системы. - Как дать ему "джану"?

Тантрик говорил о шнурке Дважды Рожденного, который носится через плечо. Этот шнурок дают еще до жертвоприношения, которое сделает нас браминами.

Бхайрон Пури удалился широкими шагами, оставив Хари Пури и Амара Пури сидеть вмесге со Шри Махант Арджуном Пури и Капилом Пури.

- Будь осторожен, брат, - сказал Капил Пури Хари Пури. - Бхайрону нужен лишь повод. Неважно, что ты говоришь, у него все равно на тебя зуб. Кто, как ты думаешь, сильнее всех высказывается против тебя в Совете Восьмерых? Кто виновен в том, что ты так и не стал пиром Датт Акхары? Кто поддерживает этого неудачника, нынешнего пира?

- Избавься от иностранца, от него не будет ничего, кроме неприятностей, - высказал хриплым голосом свое мнение Арджун Пури.

- Но тогда мы выставим Риши Бригу лжецом, - ответил Хари Пури. - И кто продолжит мою линию преемственности?

- Я дам тебе сто, нет, тысячу чела, - предложил Шри Махант.

- Неужели я уже лишен права самому выбирать себе учеников? - спросил Хари Пури.

Я же тем временем все еще шел вместе с остальными неофитами к месту слияния рек, подняв руки кверху и распевая хвалы Великому Богу Шиве:

Хара хара махадев!

Хара хара махадев!

Зрители бросали нам цветы и монетки, и эхом пели в ответ:

Хара хара махадев!

Священный пляж был очищен и освящен браминами при помощи окуривания ладаном и распеванием мантр. Конная полиция Уттар Прадеша успешно сдерживала любопытных на расстоянии.

На пляже я, к своему великому облегчению, увидел Пандита Шеш Нараяна, который пришел сюда вместе с двумя другими пандитами и с цирюльниками. Еще до инициации Хари Пури сказал мне, что Шеш Нараян должен провести основные ритуалы посвящения, но почему-то он опаздывал на мелу. Осматривая инициируемых, пандит встретился со мной глазами, широко улыбнулся и продолжил древний ритуал.

Мы пришли на самую древнюю жертвенную площадку на земле, имеющую аналогию в наших собственных телах. Таким священным местом был третий глаз, по достижению которого

становилось понятно, что мы не являемся телами и что пять элементов, из которых берут начало пять органов чувств, больше не будут служить нам источником беспокойства и привязывать нас к физическим телам. Мы собирались оставить подобную привязанность позади так же, как в свое время оставили родные дома ради странствий, приведших нас в итоге в сан-гам. Путь внутренних странствий ведет садху дальше, от третьего глаза к Великой Пустоте, а внешнее путешествие продолжается на север, от сангама к истоку Ганги.

Работа цирюльников была завершена. Лишенные волос головы превратили нас в детей, ждущих своего последнего рождения. Каждому из нас дали грубую глиняную чашку, чтобы мы наполнили ее Нектаром Бессмертия, и палку в качестве посоха для ходьбы и символа Дороги на Север. Когда солнце село за горизонт, мы вернулись обратно в акхару. Вокруг храма Даттатрейи оградили веревками священное пространство, в каждом углу которого горело по погребальному костру.

Это были наши похороны, ведь инициация в саньясины это последнее отречение, после которого навсегда заканчивается жизнь в обычном мире.

Я догадался, что ночь будет долгой, и потому постарался сесть поближе к огню. Каждому из нас раздали семена горчицы, кунжута и другие подношения огню. Бросая семена в огонь, я вдруг понял, что также всепоглощающий пламень знаний сжигает дотла окалину неведения.

Время шло, горящие дрова стреляли время от времени не хуже шутих, громкое песнопение сменилось молчаливой молитвой и тихими монотонными мантрами. Я закрыл глаза, повторяя про себя гуру-мантру, используя ее как лодку, способную добраться до Другого Берега. Ачарья, высший духовный авторитет акхары, стал обходить инициируемых, начав с самого дальнего угла мархи, и шептать мантры в их уши. Пандит Шеш Нараян выполнял в это время хаван. Внезапно двое баба схватили меня за руки, нарушив мою сосредоточенность.

- Что происходит? - спросил я. Они пробормотали какие-то объяснения, но я не понял ничего кроме слова "ангрез", иностранец.

Я попытался сопротивляться, звал своих новых гуру-бхаев, объяснял, что у меня есть парча, что моего гуру зовут Хари Пури Баба, что я живу в палатке сразу за палаткой Шри Маханта, но они ничего не желали слушать. Тогда я решил, что они меня просто не поняли из-за чудовищного акцента, но я ошибался.

Спустя какое-то время Бхайрон Пури вернулся к дхуни Хари Пури и вызвал моего гуру на дебаты в присутствии всей акхары.

Подобный спор был не интеллектуальным занятием, а, скорее, способом показать свою силу: силу голоса, силу тела и силу энергий. Тантрик желал созвать собрание сейчас же, не откладывая дела в долгий ящик.

- Ты хочешь устроить мне бой на потеху собравшейся публике? - спросил Хари Пури. - Чего ты добиваешься? А, я знаю чего: гади, трона, на который ты никогда не сядешь. Уджайн при надлежит не тебе, а тем великим, кто отказался от своего тела. Нет, пусть тебе буду противостоять не я, а сам Даттатрейя Махарадж!

Присутствующие при этих словах утверждали позже, что услышали звук взрыва, запахло жженой серой и появился желтый дым, столбом поднимающийся над Бхайроном Пури. Его глаза покраснели, с тела градом лил пот. Рагунатх Пури подошел к нему и пригласил присесть и выпыть чаю, но Бхайрон Пури толкнул миротворца так, что тот упал на землю. При виде этого Амар Пури и трое других баба вскочили на ноги. Хари Пури стал умолять их успокоиться.

- Ты немедленно вышвырнешь своего англичанина из санскара, или же я разделаюсь с тобой! - заорал большой садху.

- Я не выгоню Рам Пури из санскара! - сказал Хари Пури, и Бхайрон Пури вылетел вон, сопровождаемый двумя своими прихвостнями.

- Брат, ты сделал большую ошибку, - сказал Амар Пури. - Лучше было бы Рам Пури получить инициацию на следующем санскаре в Хардваре. В конце концов, что такое пара лет? - спросил он.

- Ты не понимаешь, - сказал Хари Пури. -Дело вовсе не в молодом иностранце. Браирон Пури искал способа напасть на меня с тех самых пор, как Гокарн Пури стал пиром. Я - легкая цель. Но пути назад нет, потому что я уже выполнил Бригу Тантру. Если я сейчас отзову Рам Пури, мы потеряем все.

- Тогда нам надо готовиться к битве, - сказал Амар Пури.

- Я не буду ничего делать, потому что не собираюсь сопротивляться, - ответил Хари Пури.

- Боюсь, ты не понимаешь, - сказал Амар Пури. - Бхайрон Пури вовсе не в игрушки с тобой играет. Он один из немногих живущих сейчас тантриков, которые знают, как убивать.

- Большинство из нас провело жизнь, практикуя обеты отречения от привязанностей и распространяя гармонию и мир, в то время как этот тантрик учился разрушать прану. И я должен преклоняться перед подобной силой? - спросил Хари Пури. - Нет, я буду жить так, как жил, и не собираюсь делать ничего сверх этого!

Амар Пури осознавал, что опасность была настоящей, поэтому созвал нескольких садху на совет. Он попросил двоих своих старых приверженцев, которые были купцами из Уджайна, сорваться с места в середине ночи, чтобы собрать все необходимое: золотые и серебряные блюда, кристаллы мускуса, кору березы, различные травы и другие магические предметы, необходимые для того, чтобы расстроить планы Бхайрона Баба. "Самхарини критья", одна из самых мощных критья-мантр из шестидесяти четырех, может использоваться для убийства. Амар Пури знал, что как только Бхайрон Баба пропоет эту мантру и бросит в дхуни жертвоприношения, для Хари Пури не останется никакой надежды.

- Если ты собираешься устроить какой-нибудь фокус-покус, на меня не рассчитывай! -прокричал Гуруджи из палатки.

Я же тем временем пытался затормозить, упираясь пятками в холодную глиняную землю, и стряхнуть с рук двух варваров, тащивших меня прочь от церемонии. Баба побольше загавкал на меня подобно собаке. Я чувствовал себя униженным и боялся, что меня побьют. В этот момент на сцене действия появились приставы, одетые в красное баба-полицейские, я закрыл глаза и снова начал повторять про себя гуру-мантру.

Вытолкнув меня за пределы освященного пространства, громилы внезапно отпустили мои руки. За оградой стояли Хари Пури, Амар Пури и Пандит Шеш Нараян. Амар Пури хорошенько пропесочил двух моих обидчиков, а затем отпустил их, попутно спугнув собравшихся вокруг зевак угрожающим размахиванием своего посоха.

Когда Хари Пури наказал мне не есть и не пить ничего из того, что мне будут предлагать, в моем горле застрял комок Я спросил, что случилось. Гуру заверил меня, что все просто чудесно и что я должен возвращаться обратно на собственные похороны. Он сказал мне, что Шеш Нараян скоро выполнит для меня последние обряды.

Новоинициированные сидели так плотно, что мне пришлось изрядно попотеть, прежде чем я добрался до прежнего места рядом с огнем. Я увидел, как Пандит Джи идет в мою сторону, а почти все сидят с закрытыми глазами. Над сидящими струился дым, словно созданный из тысяч душ Мира Обыкновенного, ожидающих открытия врат в Мир Сверхъестественного. А может, это был сам Шива, обратившийся в туман, чтобы раздать свои благословения.

Шива, Шива, Шива.

Горящий огонь поглотил из воздуха почти весь кислород. Что же я делаю? - вдруг подумал я. Это сумасшествие. Кто такой я,

который совершает это отречение? Кто такой я, который получит после отречения то, что называется даром? Тот ли это я, молодой искатель приключений из хорошей американской семьи? Я не тело и не ум, но разве эти мысли не мои? Может, они просто летят сквозь меня и мимо меня? Может, я просто привязан к мыслям и воспоминаниям и потому ассоциирую себя с ними? Мои воспоминания - это истории, рассказываемые в настоящем, что создавало иллюзию наличия прошлого.

Даже если я скажу, что отрекаюсь от привязанности к иллюзии прошлого и будущего, то все равно буду привязан к "себе". Я чувствую запах опаленных волос на икрах Я чувствую запах своего собственного пылающего тела. Время двигается очень медленно, а потом совсем останавливается. Я вижу, как вся жизнь проносится перед моими глазами, но не в прошлом, а в настоящем, и понимаю, что рассказываю историю о том, что происходит прямо сейчас. Я готов, думаю я. Я свидетель. Но еще я тот, кто пытается понять то, что сейчас происходит. Рациональный ум пытается понять то, свидетелем чего я являюсь. Он воспринимает импульсы, присваивает им категории, а потом задает порожденные культурой вопросы типа: "что это символизирует?" или даже "что все это, черт побери, значит?". Но все это не я. Я - кто-то другой, кто просто наблюдает, видит, смотрит...

Только начало светать, над землей появился туман. Я задрожал и попытался сесть еще ближе к огню, который сейчас был всего лишь жалким подобием того великолепного столба пламени, каким он был ночью. Пандит Шеш Нараян закончил обряды похорон. Теперь, в ритуальном смысле слова я был мертв. Мое тело, состоящее из пяти грубых элементов: земли, воды, огня, воздуха и пространства, превратилось в пепел, смешанный в великом погребальном костре с пеплом других инициируемых.

Неофиты открыли глаза, когда ачарья в сопровождении священного совета приблизился к нашему погребальному костру, чтобы прошептать в наши уши "Махавакью", ведическую мантру Высшего Утверждения. Звук, исходящий от этого садху, чье тело представляет Ади Шанкару на земном плане, прекращает цикл бесконечных рождений и смертей. Как только ты услышал эти звуки, возвращение становится невозможным. Они подобны тарака-мантре, которую сам Шива шепчет в уши умирающих в Каши. Они - лодка, достигающая Дальнего берега.

Над всеми членами священного совета башней возвышался Бхайрон Пури Баба. Я постарался избежать его ищущего взгляда, но это было невозможно. Наши глаза на секунду встретились, но и этого было вполне достаточно. Я понял, что все кончено, как

только увидел, что он идет в мою сторону, отпихивая инициирующихся со своего пути. Мое тело обмякло, и всякое желание сопротивляться исчезло. Я услышал, как кто-то зовет меня по имени и едва смог рассмотреть сквозь туман лицо Кедара Пури. Он стоял прямо за заграждением, делая мне знаки, чтобы я поднялся и ушел. Разве я могу? Я уже так близко. Я хочу получить мантру...

Бхайрон Пури приближался ко мне с неотвратимостью самой Смерти. За ним следовали его обычные прихвостни, прикрывшие лица капюшонами. Переговоров не будет. Я встал и, стараясь превратиться в невидимку, стал пробираться к Кедару Пури. Тот вытащил меня за руку наружу, сказав:

- Ну я же тебе говорил!

Грудь перехватило обручем и слезы закипели у меня на глазах. Я почувствовал себя маленьким и ничтожным. Я желал, чтобы Кедар Пури заткнулся, но тот и не думал этого делать. Как же я посмотрю в лицо Гуру Джи? Как я вообще смогу смотреть в лицо любому садху в акхаре? Я был унижен и хотел убежать куда-нибудь подальше.

Прикоснувшись к ногам своего гуру, я сел у дхуни, чтобы согреться, а Кедар Пури накинул мне одеяло на плечи.

- Ты выглядишь таким жалким, дитя! - сказал

Хари Пури и затрясся от смеха.

Я был так занят собственным горем, что не заметил, каким бледным было в этот момент лицо Хари Пури и какой согнутой была его всегда прямая спина. Смущенный смехом, я не заметил, что проблемы были не только у меня. Хари Пури послал Кедара Пури обратно к священному кругу, чтобы узнать, как далеко продвинулось посвящение. Когда гуру-бхай вернулся с известием, что инициация закончилась, мое сердце упало.

- Вы, два идиота, верно думаете, что акхара священна, - сказал Хари Пури и заглянул нам в глаза. Я напрасно попытался отвести свой взгляд в сторону. - Кедара Пури я еще могу понять, но ты, Рам Пури, неужели ты столь же невежественен? Акхара принадлежит земному! Пошли! - скомандовал мне Хари Пури.

Кедар Пури и Амар Пури помогли Гуру Джи встать. Только теперь я заметил, как слаб мой учитель. И все-таки, пошли куда? Мы медленно вернулись к уже опустевшему священному кругу.

Хари Пури сел спиной к алтарю Даттатрейи, а я сел лицом к Гуру Джи и божеству.

- Именем Ачарья Махамандалешвара Джуна Акхары! Именем всемирного гуру Ади Шанкары! Именем гуру йогинов, Гуру Даттатрейи! Да будет Махавакья получена моим учеником Рам Пури! - выкрикнул Хари Пури. А затем он сделал то же, что

делал во время моей инициации в ученики: взял мою голову в обе руки и прошептал священные звуки мантры Утверждния Пути в мои уши трижды.

Эти звуки надо слушать, а затем повторять как ведическую мантру.

А переводить? Не знаю, стоило ли это делать, но я не смог удержаться и перевел мантру для самого себя так:

Я БРАМИН!

- Ты свободен, Рам Пури, свободен как ветер, - сказал Хари Пури. - Я выполнил свой долг.

Дальше ты будешь справляться сам. Ты можешь делать все, что хочешь, и идти, куда вздумается. А теперь присоединяйся к остальным инициируемым. Они уже дошли до сангама. Омовение станет окончанием твоей инициации.

Я успел добежать до сангама прежде, чем началось омовение, и сразу же нырнул в воду. Я оставался под водой так долго, насколько хватило воздуха. Я был в утробе Матери Ганги и вот-вот собирался родиться. Я плыл в Молочном Океане в поисках целителя Дханвантари и его кувшина, полного Нектара Бессмертия. Нет, я уже был погружен в эту амриту, в эти околоплодные воды. Вынырнув из матери-воды, я, согласно наставлениям Пандита Шеша Нараяна, отсчитал семь шагов, с каждым шагом призывая Три Мира и Четыре Стороны Света быть свидетелями окончания моего санскара и символического рождения.

Новоинициированные плескались в воде и играли в ней, как играют дети, в первый раз очутившиеся в бассейне. Они окунали друг друга и ныряли сами. Вдруг с неба донесся гром, и мы в изумлении посмотрели на небо. Большое серое облако, похожее на лебедя, появилось у нас над головами и стало проливать то, что было похоже на дождь. Но все знали, что это необычный дождь. Невидимая река и Богиня Сарасвати проявила себя, благословив нас каплями Нектара Бессмертия.

Взволнованный, полный ликования и дрожащий от холода, я побежал в акхару, повторяя по пути новую мантру, чтобы сосредоточить свой ум. Желая разделить радость с учителем, я вбежал в его палатку, но она была пуста. Мне сказали, что Хари Пури внезапно заболел и уехал вместе с Амаром Пури на джипе домой в Раджастан.

ГЛАВА 10

Когда я вышел из автобуса, который привез меня из Дели в Джайпур, ко мне подошел маленький человек в большом раджастанском тюрбане и спросил, хочу ли я увидеть Баба Хари Пури. Я сказал, что конечно же хочу именно поэтому и ищу автобус до Чомуна. Но мужчина сказал мне, что Хари Пури в Амлода Кунд нет, он лежит в больнице "скорой помощи" здесь, в Джайпуре.

Когда я приехал в больницу и увидел Хари Пури, то подумал, что он умер. Мой гуру лежал без движения, с бледным лицом и закатившимися глазами. Но тут я заметил, что он дышит. Его вдохи и выдохи были медленными, размеренными и настолько неглубокими, что их едва можно было заметить. Приглушенное молчание окутывало его покрывалом, и это в переполненной туберкулезной палате больницы. Всего в нескольких метрах от него слышался непрерывный кашель, звуки отхаркиваемой мокроты, неизбежный в такой большой палате шум и гудки автомобилей на улице.

Я взглянул на Амара Пури, пытаясь понять по его лицу, как серьезно состояние моего гуру. Мое сердце упало, как только я увидел, как он расстроен. Хари Пури заболел еще во время мелы, поэтому пришлось срочно возвращаться в Амлода Кунд. К тому времени, когда они наконец добрались до ашрама, Хари Пури был уже без сознания. В тот момент в ашраме оказался один из последователей-мирян Хари Пури, доктор по профессии. Он сразу же отвез Бабаджи в больницу "скорой помощи", которая считалась лучшей в Джайпуре.

Я взял в изножий кровати планшет с историей болезни.

"Имя: Свами Хари Пури Джи. Сын Шри Сандхья Пури Джи. Возраст: неизвестен. Вид занятий: святой. Диагноз: удар". Далее я прочитал, что лечащим врачом назначен доктор Ратор, он делал обходы около десяти часов утра.

Амар Пури и Кальян Пури, самый младший из круга Хари Пури, остановились в Джайн Дхарма-сале, располагавшейся прямо напротив больницы. Они сняли комнату в переполненном пансионе и, по счастливому стечению обстоятельств, окна помещения выходили на маленькое патио, в котором вполне мог поместиться дхуни. В самой комнатушке стояло только две кровати и алтарь. Амар Пури предложил мне спать на полу, но рассудительный Кальян Пури заметил на это, что комната слишком мала, поэтому мне придется спать под чьей-нибудь кроватью, где и так хранятся припасы. В ответ на это я заявил, что

если и буду спать под чьей-то кроватью, это будет кровать Гуру Джи. Мое заявление произвело впечатление на баба. Собрав свои вещи, я переехал в больницу и в течение последующих трех месяцев спал под кроватью Хари Пури.

В том далеком 1971 году родственники пациента любой из подобных больниц должны были сами покупать лекарства в многочисленных аптеках, коих было в достатке возле каждой больницы. Они должны были найти кого-то, кто бы руководил ими. Семья должна была позаботиться о точном выполнении назначений врача и об уходе за пациентом двадцать четыре часа в сутки, за исключением коротких обходов врача.

Амар Пури не верил бесполезным молодым английским докторам, прописывающим, по его мнению, совершенно бесполезные английские лекарства. Не верил он ни бесстыдным медсестрам, ни самой больнице. Правда, он доверял "чо-кидару", сторожу, у которого всегда был припасен хороший кусочек ганджи, и с которым он каждый день проводил по часу, сидя в сторожке, куря чилим и рассказывая истории о великих баба. Бам Баба был бы рад помочь, но этот невероятный мир, называемый Ангрезистан, требовал специальных знаний, которых у него не было. Но ведь мой папа вроде английский доктор? Баба вздохнули с облегчением, когда я вызвался позаботиться о том, чтобы Хари Пури хорошо лечили.

Я встретился с доктором Ратором, молодым человеком, держащим себя так прямо, будто он проглотил палку. Доктор никак не мог поверить, что сын хирурга мог стремиться попасть в Индию вместо того, чтобы стать врачом и практиковать в какой-нибудь модной клинике в Лос-Анджелесе. Зачем я здесь, в туберкулезной больнице, зачем хожу босой и пытаюсь приглядывать за безнадежно больным стариком?

- Он никогда не придет в себя, но если это все же случится, это продлится недолго, так как в мозге разрушено слишком много нервных связей, - сказал мне доктор Ратор. Он пригласил меня к себе в дом, но я отказался. Тем не менее мы часто встречались, со временем я понял, что он является профессионалом в своей работе, которую по-настоящему любит, и стал испытывать к нему искреннюю симпатию.

Амар Пури пребывал в растерянности и гневе. Он не верил диагнозу Хари Пури и полагал, что английская медицина ничем не сможет ему помочь. Единственным лекарством для Бабаджи было отвращение проклятия, если уже не было слишком поздно. Амар Пури планировал свои контратаки в дворике Дхармасалы, построив специальный дхуни с огнем, принесенным из храма Кал Бхайрон. Я тоже был привлечен к этой деятельности.

Я вставал рано, принимал душ в подвале больницы и еще до восхода солнца приходил к дхуни Амара Пури. Выпив чай и выкурив чилим, Амар Пури начинал пуджу и яджну магические ритуалы, призванные вылечить Хари Пури Баба. Так продолжалось все утро, но в половине десятого я уже уходил, чтобы проверить, как там Бабаджи и встретиться с доктором Ратором.

Перед уходом я сказал Амару Пури, что мне нужны деньги, чтобы купить лекарства и капельницу для Бабаджи. Он нахмурился, но все же вы-I тащил из-под кровати чемодан, как оказалось, доверху набитый банкнотами. Сколько мне нужно? Тысяча? Десять тысяч? Я сказал Амару Пури, что мне нужна всего лишь сотня рупий и ее вполне хватит, чтобы купить все необходимое для Гуру Джи.

Амар Пури был серьезным баба с суровым и язвительным характером, а после смерти Хари Пури стал еще и раздражительным. Во многих вещах он был непревзойденным авторитетом. Говорили, что, будучи молодым садху, он провел много лет, практикуя аскезу в горах и оттачивая свое владение йогой. В какой-то момент он переехал в пещеру, находившуюся в холмах рядом с Амаркамаком там, где берет начало река Нармада. Теперь эта область называется Мадьхя Прадеш. В одно прекрасное утро какие-то люди наткнулись на его пещеру. Одна из пришедших женщин была очень больна и потому не смогла идти дальше. Ее муж думал, что она умирает, и поэтому пытался доставить ее к ближайшему врачу, который жил в тридцати пяти километрах от этого места. Он попросил Амара Пури разрешить им переночевать в его пещере. Амар Пури был не очень рад подобной компании, в особенности он не желал присутствия женщины, но он пожалел ее и потому ответил согласием.

Он прочитал мантру, достал при помощи больших стальных щипцов вибхути из дхуни и дал его больной женщине. Через десять минут к ней вернулись силы и исчезли все признаки болезни. Свидетели подобного чуда бросились к ногам Бабаджи, и всем им он раздал вибхути и благословения, а затем отослал прочь. "Слава Богам!" - пробормотал Амар Пури, когда они ушли, и вернулся к своей практике. Однако стоило людям услышать о баба, который мог совершать чудеса исцеления, как они стали приходить к нему за даршаном. Просители приносили подношения в виде фруктов, пшеницы и овощей, а Амар Пури давал им вибхути. Иногда он слушал пульс больного человека и затем давал тому собранные травы или пепел, "бхасму", приготовляемую из трав, металла и камней. Всего за год слава Амара Пури разнеслась далеко по всей Индии, равно как и

мифологические истории о его могуществе. Поскольку Амар Пури больше никогда не оставался один, он стал пребывать в отвлечениях и потому решил уйти.

Однако проснувшись в середине той ночи, когда он принял решение об уходе, он увидел пятерых вооруженных ножами мужчин, которые требовали у него золота. Они били Бабаджи, что-бы заставить его говорить. Но тому нечего было сказать, так как никакого золота не было и в помине. В одном из слухов об Амаре Пури говорилось о том, что он алхимик. Надо сказать, что частично это было правдой, но дальше в истории говорилось, что Амар Пури способен превратить железо в золото, и что он хранит сотворенное им золото прямо в своей пещере.

Однако грабителям не повезло, и они не нашли ничего желтого и сверкающего. Разозленные, они порезали бедного Амара Пури своими ножами, забрали вещи и бросили баба умирать. Придя в себя, Амар Пури подобрал свои выпавшие внутренности и, держа в руках собственный кишечник, прошагал тридцать шесть километров До города, держа собственный кишечник в руках. Местный врач запихнул вывалившиеся внутренности туда, где они и должны были находиться, и зашил раны. Все это происходило в антисанитарных условиях, без анестезии и антибиотиков. После операции Амара Пури поместили в близлежащий ашрам, где он и стал поправляться. История говорит, что в течение года на его теле не осталось ни одного шрама. А через два года все грабители умерли странной смерью.

Но на самом деле шрамы не исчезли. Просто они проявились не снаружи, а внутри. Амар Пури перестал смеяться. У него осталось чувство юмора, но глубокий грудной смех, которым он когда-то славился, исчез так же, как и морщинки от улыбок в уголках его глаз.

Мы поддерживали между собой очень формальные отношения. Я обращался к Амару Пури как к Гуру Джи, старался в его присутствии держать спину прямо и вообще строго придерживаться этикета садху. Я совершенно точно прикасался к его ногам намного чаще, чем это было нужно. Амар Пури часто распекал меня за то, что мои ноги вечно оказываются в непотребных местах, ругал за пятна на дхоти, то есть вел себя, как сержант новобранцев. Если я принимал омовение в четыре утра и начинал практиковать в полпятого, он говорил мне, чтобы я мылся на десять минут раньше. Для Амара Пури я был никто иной, как варвар.

Моей Библией стал "Универсальный самоучитель хинди", книга, которую имел любой мало-мальски серьезный иностранец

в Индии. Вначале я изучал ее, потом стал использовать в качестве справочника или просто читал в свободное время одну-другую страницу оттуда. Однажды я никак не мог найти завалившийся куда-то самоучитель. Я не имел ни малейшего понятия, куда я его засунул. Нельзя сказать, что у меня было много вещей. Куда же он делся? Словно какой-то невидимый дух забрал у меня книгу, считая, что мне она больше не нужна.

Загадка разрешилась несколько дней спустя. У странствующих садху нет столов, в ящики которого можно было бы складывать вещи и документы. Но все же есть необходимые вещи, которые не уместятся в сумку желаний, тогда их хранят под свернутым в рулон матрацом. У Амара Пури Баба в этом месте хранилась целая масса всяких полезностей, и именно там я и увидел свой самоучитель в тот момент, когда баба полез за заначкой ганджи.

Пытаясь понять происходящее, я наконец догадался, что Амар Пури был расстроен моим знанием хинди и потому решил сам учить английский. На следующий день я стянул книгу из-под матраца. Последующие несколько недель самоучитель то и дело перекочевывал из сумки обратно под матрац и снова в сумку. Амар Пури так и не выучил английского, но зато это происшествие стало основанием для настоящих и глубоких отношений между нами.

Но надо сказать, что Амару Пури все же удалось выучить одно английское слово, но не спрашивайте меня, где он его узнал. Однажды утром я решил разобрать вещи в сумке. Я сел напротив Амара Пури и просто вывалил все содержимое на пол. Баба вдруг наклонился к груде вещей и выудил маленький кусочек бумаги.

- ЛСД! - сказал он, гордый своим знанием английского. Я был поражен. У меня из головы совсем выскочило, что кто-то когда-то подарил мне пару блоков ЛСД- Амар Пури взглянул на меня, улыбнулся и спросил, может ли он его попробовать.

- Конечно, все мое - ваше, Гуру Джи, вы же знаете! - Я думал, что он шутит, но ошибался. Амар Пури Баба все-таки съел кусочек бумаги, пропитанный наркотиком.

Дальше он захотел узнать, что должно произойти. Я объяснил, что скорее всего он почувствует себя странно, будто сходит с ума, будет видеть и воспринимать вещи совсем иначе, чем обычно. Наверное, мне надо было серьезнее предупредить Амара Пури. Утро было в самом разгаре, пришло время идти в больницу для встречи с доктором Ратором. Я сказал Амару Пури, что скоро вернусь проверить, как у него дела, на что тот посоветовал мне не беспокоиться.

Погруженный в больничные заботы, я совсем забыл про Амара Пури и его кислотное путешествие. Так прошло несколько часов. Вдруг будто что-то ударило меня, я бросил все и со всех ног побежал в дхармасалу. Но мне не пришлось даже переходить улицу, потому что в самом ее центре, окруженный застрявшими в огромной пробке гудящими автомобилями, грузовиками, автобусами, скутерами, орущими велосипедистами и велорикшами, кружился на одном месте растерянный Амар Пури. Я схватил его за трясущуюся руку и отвел обратно в дхармасалу.

Через несколько дней после злосчастного кислотного путешествия Амар Пури сказал мне, что понимает теперь, почему я решил покинуть родину и приехать в Индию. Еще он разрешил мне участвовать в ритуале повторения священной мантры "махамритьюнджайя". "Высшая победа над смертью", вот как я перевел название мантры, которая является одновременно одним из имен Шивы. Амар Пури объяснил, что эта мантра и есть сам Шива, и что нет более мощной мантры для исцеления. Может, я захочу присоединиться к нему и провести сорокадневную практику "джапа", чтобы вернуть Хари Пури? Услышав подобное предложение Амара Пури, я возликовал. Ведь эта мантра была одним из тех сокровищ, которые я искал.

ГЛАВА 11

В следующий понедельник, день Шивы, который приходится на каждый день Луны, началось мое обучение мантре, призванной спасти Хари Пури. Я принял душ на полчаса раньше, как меня попросил Амар Пури, чтобы у нас было достаточно времени для пуджи, яджны, ритуалов и медитации, и, может быть, для чилима-другого перед тем, как мы приступим к "мантра дикше". "Дик-ша" - это маленькая инициация или "указание пути". Мы сели друг напротив друга. Амар Пури закрыл глаза и стал бормотать мантры, пока хватило дыхания, затем он сделал глубокий вздох и продолжил мантрирование. Наконец баба обхватил мою голову руками и прошептал-продул мантру в оба уха.

Затем Амар Пури улыбнулся и сказал мне, что мантра уже посажена внутри меня подобно семени. Теперь мне нужно взращивать ее, и первым шагом к этому было запоминание слогов. Баба медленно озвучивал слог за слогом, а я пытался их повторить. Улыбка Амара Пури поблекла, потому что я продолжал совершать одну ошибку за другой. Я хотел записать звуки, но он не позволил мне этого сделать. Мантру не запрещено записывать или даже публиковать, ибо она является целительным эликсиром для всего мира, но, насколько я понял, мантра не была "книжным" знанием, поэтому Амар Пури настаивал на устной передаче, и в конце концов, мне все же удалось воспроизвести звуки правильно.

Когда я спросил докора Ратора, что я могу сделать, чтобы помочь Хари Пури, тот в ответ сокрушенно покачал головой.

- Можешь массировать ему пальцы на руках и ногах, если хочешь хоть чем-нибудь заняться, -сказал врач.

Растирая пальцы своего гуру, я повторял про себя мантру, хотя и не знал, было ли это правильно. Высшие силы поймут, подумал я.

На следующее утро Амар Пури повторил ритуал и проговорил мне в уши дополнительные семена мантры. Он объяснил, что более частое повторение мантры полнее раскрывает ее. В мантре есть сжатые элементы, которые обладают свойством самораскрытия. Поэтому мантра не для перевода, а для использования. Неважно, что мантра означает, важно, что она делает. Наименее важным элементом является перевод, непонятный без контекста и погружения в историю. Очень важным элементом является произношение мантры, соединенное с визуализацией определенного ментального образа.

Ничего из этого я делать не умел. Нужно было глубже погрузиться в традицию звука, чтобы почувствовать нектар звука и познать вкус его плода.

В ночь Махашиваратри, священную ночь Шивы, которую празднуют раз в год через определенное количество дней после окончания Кумбха Мелы в Каши, Амар Пури взял меня в поездку по многочисленным шиваистским храмам в Джайпуре. За всю ночь мы съели невероятное количество бханга, съедобной конопли, выращенной в Амлода Кунд. С собой в поездку мы взяли листьев эгле и стручков дурмана для Шива-лингама, большую сумку, наполненную монетами для подаяний, и гашиш в качестве священного подношения многочисленным встреченным нами садху Мы вернулись в пансион, лишь когда взошло солнце.

Я как раз растирал Бабаджи ноги, пытаясь вдохнуть немного жизни в его тело, когда в больничную палату начали входить баба с почтительно склоненными головами и сложенными на груди руками. Первыми прибыли Серебробородый Рагунатх Пури Баба и долговязый Даршан Баба, во рту которого уцелел всего один зуб. Рагунатх Пури привез из Каши специальное аюрведиче-скоё средство, пепел "бхасму", приготовленное легендарным Трипурари Триведи. Я с безнадежностью посмотрел на лекарство, разложенное в десяток бумажных пакетиков. Дело было не в том, что средство прибыло слишком поздно, а в том, что я не мог придумать, как каждый день подмешивать его в капельницу.

После Рагунатха Пури и Даршана Баба прибыли Мангал Бхарти Баба с учениками, Капил Пури Баба, Каши Пури Баба, Рави Пури Баба и даже Лакшман Пури Баба. Туберкулезное отделение потихоньку превращалось в храм, ведь в нем появилось по меньшей мере пять могущественных и мудрых садху, к которым стали приходить пациенты больницы и их родственники, прося даршана и вибхути. Больничные повара стали нашими горячими приверженцами, и потому непрерывный поток горячего чая и разожженных чилимов был нам обеспечен. Думаю, что в курении чилима в туберкулезной палате не больше противоречия, чем в появлении средневековых садху в современном английском госпитале.

Новоприбывшие принесли новости о смерти Мадху Гири Баба, который покинул свое тело в предпоследний день мелы. Его привязали к деревянной раме так, чтобы и в смерти он сидел в той же йогической позе, что и при жизни. Огромная похоронная процессия понесла умершего баба от дхуни к сангаму Покрытый пеплом, осыпанный цветами ноготков, с малой в правой руке, Мадху Гири Баба торжественно проплывал мимо толп людей, бросающих ему цветы и монетки. Барабанщики загодя объявляли

о приближении похоронной процессии. На берегу санга-ма тело баба положили в конопляный мешок и утяжелили большими камнями. Лодочник выгреб лодку туда, где белые струи воды смешивались с голубыми, и именно там закончилось последнее путешествие Мадху Гири. Его тело погрузилось в воду в месте встречи Ганги и Джаму-ны в сопровождении прощальной мантры:

Ом намах парватипате
Хара хара маха-а-а дев!

Хотя несколько баба стали моими гуру, и со многими другими баба я встречался на Кумбха Меле, только время, проведенное в больнице, сделало нас ближе и позволило баба увидеть меня в выгодном свете. Теперь все садху воспринимали меня как чела Хари Пури, выполняющего свой долг, "севу", качество которой определяет отношения учителя и ученика даже больше, чем все преподаваемые учения. Инициации имеют значение, но именно сева скрепляет союз гуру-чела. Несмотря на все мои старания, прикладываемые мною в Амлода Кунд, я не мог служить гуру так же хорошо, как другие ученики. Теперь все было иначе.

Амар Пури и я продолжили утренние ритуалы, и на этот раз нам помогала целая группа йогинов. Хари Пури продолжал сопротивляться смерти. Через некоторое время трем садху пришлось уехать, осталось пятеро, число, необходимое для того, чтобы отнести тело умершего до места упокоения.

Ровно через сорок дней после того, как был начат ритуал Махамритьюнджайя мантры, Хари Пури открыл глаза. В этот момент я растирал ему руки. Гуру рассеянно взглянул на меня, словно пытался сфокусировать взгляд, затем его губы дрогнули в попытке что-то сказать. Хари Пури сделал еще одну попытку. Я услышал его тяжелый шепот, который помню по сей день:

- Я твой маленький мучачо.

Выражение лица учителя не изменилось, но я покраснел, грудь словно обручем перехватило, и широкая улыбка от уха до уха появилась на моем лице.

"Неужели и в такой ситуации ты способен шутить?" - подумал я.

Хари Пури снова попытался что-то сказать, и я наклонился к его губам.

- Я вернулся, - сказал он.

Новость о том, что Хари Пури пришел в себя, разошлась с невероятной скоростью. Несколько минут спустя Амар Пури и Рагунатх Пури уже стояли у изножья кровати Хари Пури. Но сил у Гуру Джи было очень мало, поэтому он больше ничего не

говорил, лишь лежал и рассматривал нас глазами, круглыми как у младенца, словно все еще не мог сфокусировать взгляд. Мне показалось, что он не осознает, где находится. Но я ошибался...

Пока Капил Пури Баба был в Джайпуре, я несколько раз становился свидетелем разговоров между ним и Амаром Пури, но их общение было слишком быстрым и эмоциональным, поэтому я понял немногое. То и дело в разговоре упоминалось имя Бхайрона Пури и очень часто в том же предложении встречалось слово "бахинчут", которое можно перевести как "сукин сын". Другим запомненным мною словом было "тант-рик", которое Капил Пури произносил с явным отвращением.

ГЛАВА 12

Раз мы с Амаром Пури стали друзьями, я решил расспросить его о разговоре с Капилом Пури Баба. Но Амар Пури постарался сменить тему разговора, притворился непонимающим, а затем и вовсе вышел из комнаты. Однако я был упрям, и наконец мне удалось заставить его рассказать мне, о чем говорят сейчас во всей Датт Акхаре. После смерти Сандхья Пури Махараджа в Шестнадцати Линиях Преемственности произошел раскол. Хари Пури Баба, лучший ученик Сандхья Пури, должен был стать наследником трона Датт Акхары и новым "пиром", как называли главу монастыря саньясинов. Услышав в первый раз слово "пир", я удивился, ведь оно было мусульманским титулом большого суфийского мастера, но не индуистского учителя.

Однако собравшийся вместе с последователями Датт Акхары Совет Восьмерых решил, что Хари Пури слишком молод для пира, а Гокарн Пури Баба нет, ведь он прожил в монастыре целых пятьдесять лет. Этому уважаемому баба было уже девяносто четыре года, он не мог жить вечно, поэтому Хари Пури мог подождать. Со времени выбора Гокарна Пури Баба пиром прошло уже восемнадцать лет, а престарелый баба был по-прежнему полон сил.

- Все, кто был в Датт Акхаре в то время, протестовали против подобного решения, но мы были слишком слабы, чтобы победить. Поэтому мы ушли и больше никогда не возвращались. Когда в Уджайне проходит Кумбха Мела, мы ставим палатки за пределами Датт Акхары! - объяснил Амар Пури.

Датт Акхара в Уджайне - это древний монастырь Джуна Акхары. "Джуна" значит "старый". До того, как акхару начали называть "Старой", она носила имя Датт Акхары, которое потом осталось за древним монастырем, а еще раньше Джуна Акхара называлась Бхайрон Акхарой в честь гневного проявления Шивы. Уджайн и Варанаси - два самых старых города мира, непрерывно населяемые людьми. Уджайну уже более тысячи лет. Барды поют о Гуру Даттрейя, который в эпоху Треты учил своих учеников на том самом месте, на котором сейчас стоит монастырь Датт Акхары, и здесь же поклонялся Махакалу Бхайро-ну Шива-лингаму поднося ему банг и крепкие напитки. Этот Шива-лингам по сей день считается одним из двенадцати "джотирлингов" или фаллосов света. Но к тому времени, когда Сандхья Пури Баба прибыл в когда-то великую Датт Акхару, от нее не осталось ничего, кроме площади с деревом удамбар со стоящими вокруг несколькими Шива-лингамами и рассохшейся деревянной

скамейкой.

Сандхья Пури шел в ногу с девятнадцатым веком, в котором родился. Но помимо этого он был сиддхом, помнящим все свои прошлые жизни и Датт Акхару, какой она была столетия назад. Прибыв на место, Сандхья Пури вначале не мог поверить, что не ошибся адресом. Справа от площади располагалось мусульманское кладбище, а слева - болото. Позади были джунгли, в которых водились тигры. Сама Датт Акхара кишела змеями, скорпионами и малярийными комарами.

Сандхья Пури удалось восстановить монастырь. Он расчистил джунгли, осушил болото, а потом попросил мусульманскую общину вернуть землю, занятую кладбищем. Но их ответом было: "Наши мертвые будут лежать здесь до скончания времен!"

Отцы города, среди которых были последователи Сандхья Пури Баба, попытались убедить мудреца оставить это безнадежное дело. Зачем возмущать общественность, разжигая религиозную рознь? Но в то время между индуистами и мусульманами и так не было крепкого мира. Сандхья Пури Баба не внял советам и довел дело до суда, но как мусульмане, так и индуисты лишь посмеялись над ним. Он дошел даже до английского сборщика налогов, который сперва вежливо попросил Сандхья Пури забыть о кладбище, а потом принялся преследовать, поскольку баба отказался изменить собтвенное решение.

У Сандхья Пури не было никаких прав на Датт Акхару, за исключением личных воспоминаний о прошлых жизнях. Однако он не отступался, заявив, что, хотя собственность и называют мусульманским кладбищем, этому нет никаких доказательств. Мусульмане запростестовали, говоря, что их бесчисленные отцы, матери, братья и сестры были похоронены там, и этому есть свидетели.

- Если это так, - продолжал настаивать Сандхья Пури, - тогда никто не будет возражать против того, чтобы исследовать захоронения. Разройте одну или две могилы. Если найденные там кости будут лежать навзничь, как в мусульманском "кабре", я больше не буду предъявлять никаких прав на это кладбище. Но если тела будут находиться в йогической сидячей позиции (так хоронят саньясинов), тогда земля должна быть передана обратно Датт Акхаре!

Мусульмане, судья и английский сахиб сочли сказанное столь невероятным, если не сказать смешным, что сразу же согласились на предложение баба, надеясь наконец отделаться от него.

Каково же было их удивление, когда в первых трех могилах, а

затем и в последующих, разрытых по указанию неугомонного сборщика налогов, нашли сидящие скелеты с четками в руках, у некоторых даже остались косички "джата". Это были захоронения йогинов. Шива-шакти.

После произошедшего несколько мусульманских старейшин стали горячими последователями Сандхья Пури Баба, что не противоречило их собственной религии, и с того времени их часто видели в акхаре. Другие мусульмане, проживающие в Уджайне, тоже стали его последователями, присвоив Сандхья Баба суфийский титул, которым обычно называют на урду главу суфийского ордена. Они называли его "пиром", что значит "отец". С тех пор всех Махантов Датт Акхары стали называть пирами.

Говорят, что во дворе кладбища стояла древняя дарга, похожая на маленький мавзолей. Никто не знал, кто был похоронен там. На мавзолее не было никаких надписей, и его называли просто даргой старого пира. Когда Сандхья Пури получил в свое владение землю кладбища, он нашел способ открыть даргу. Внутри не обнаружилось ничего, кроме маленького черного каменного трона с двумя лежащими на нем предметами, в которых с трудом можно было узнать пару маленьких деревянных сандалий с перемычкой между первым и вторым пальцами. Сандхья Пури Баба нашел магические сандалии "падуки".

Всего за ночь там, где раньше кишели змеи, появился величественный монастырь: залы и комнаты, отдельно стоящий храм, главное здание и коровник на тысячу коров. Датт Акхару снова омывал Океан Молока.

Тысячи садху наводнили Датт Акхару, и каждого из них ждало там не только удобное жилье, но и новые дхоти, одеяла, изготовленные в Бхуд-же медные камандалы, сто одна рупия в качестве дакшины и несколько больших "гото" самого лучшего кашмирского гашиша. Богатство появилось словно из ниоткуда. Хотя Сандхья Пури никогда не заглядывал в книги, у него был журнал бухгалтерского баланса, и в конце каждого дня в нем ставился ноль. Если он раздавал по тысяче галлонов молока бедным, надой молока удваивался.

Сандхья Пури Баба сидел обнаженным на шкуре оленя, куря старую трубку-чилим, и держал суд. Садху, домовладельцы, индуисты, мусульмане, попрошайки и короли приходили к нему со своими проблемами и мечтами. И каждый покидал Датт Акхару, что-то унося с собой. Некоторые получали что-то чудесное.

Люди спорили о том, откуда взялось богатство. Многие верили, что причиной была Мать Скота, которую также знали под

именем Коровы, Выполняющей Желания. Лишь некоторые знали, что это древние сандалии-падуки даровали Датт Акхаре процветание.

Были также и те, кто считал, что нельзя разбазаривать все деньги и часть их следует оставлять в сокровищнице для "великих дел". Поэтому, когда Сандхья Пури оставил свое тело, совет испугался, что Хари Пури будет поступать так же, как и его почивший гуру, и выбрал пиром Гокарна Пури, который был известным скрягой.

Но падуки исчезли...

- Бхайрон Пури был против кандидатуры твоего Гуру Джи с самого начала выборов нового пира, и с тех пор между ними двоими не было мира. Бхайрону Пури нужен трон Датт Акхары. Он плохой садху тантрик, - сказал Амар Пури.

Вовсе не все тантрики плохие. В противоположность тому, что сейчас называют Тантрой на западе, то есть практики, связанные с сексом и сексуальными энергиями, в традиционной Индии тантриком называют человека, занимающегося магией, в особенности черной ее разновидностью. Нельзя сказать, что большинство тантриков не стремятся к тому, что называется Освобождением или Просветлением. Дело в выборе пути. Тантра различает путь левой руки и путь правой руки. Бхайрон Пури Баба, так любящий красные одежды, следовал пути левой руки с великим усердием и искусством.

- Он отравил Хари Пури! - сказал Амар Пури.

ГЛАВА 13

И днем, и ночью я продолжал массировать пальцы лог и рук своего гуру, повторяя мантру, побеждающую смерть. Дыхание Хари Пури изменилось, стало глубже и в то же время несколько неравномернее в то время, пока он спал. Всякий раз, когда учитель просыпался, он казался все более осознающим окружающее.

- Твоя махамритьюнджайя мантра будет не полной, если ты не совершишь "ятру", то есть паломничество, - сказал Хари Пури неделю спустя после своего возвращения в сознание. - Может быть, Амарнат-Ятру.

Он имел в виду особо благоприятное паломничество к пещере, называемой Амарнат Гуфа, находящейся на высоте более четырех километров над уровнем моря в кашмирских Гималаях, там, где Шива передал учение о бессмертии своей супруге Парвати. Голос Хари Пури все еще дрожал.

- Ты думал, я не знаю, какую мантру ты использовал, пока я летал то тут, то там? Не должен был Амар Пури давать тебе эту мантру, еще слишком рано. Прежде тебе нужно узнать другие вещи, выучить другие мантры, две других мантры, которые я дам тебе.

Тело Хари Пури было по-прежнему неподвижным, а лицо оставалось безжизненной маской. Учитель стал настоящей говорящей головой. Как только Гуру Джи окреп, успокоилось дрожание его голоса, он начал всерьез заниматься со мной. Хари Пури рассказывал мне о великих йогинах, особо выделяя Шиву, Даттатрейю, Равана, Патанджали и Панини. Меня очень удивило его настойчивое повторение того, что эти йогины были также известны как самые великие индийские грамматисты.

- В человеческом теле есть ровно семьдесят два лаха и семьдесят две тысячи триста одиннадцать "нади", тонких каналов энергий*. Настоящим йогином считается тот, кто может сосчитать их все, - объяснял Хари Пури.

Уже к середине шестидесятых годов я проглотил все, что только издавалось на английском языке относительно нади, чакр, кундалини и ауры. Поэтому я сразу же вспомнил о книгах Ледбит-тера, принадлежавшего к сомнамбулическому Теософскому Обществу. Я знал, что нади содержат пять протекающих в теле пран, жизненных видов энергии: прану отвечающую за сжигание-дыхание-глотание, апану, отвечающую за выделительную систему, вьяну отвечающую за распределение-циркуляцию, удану - за реакцию-силу и саману - за планирование-

специализацию. Йоги знают, как контролировать потоки энергий в теле так, чтобы пересечения нади, называемые чакрами (они похожи на колеса со спицами, но обычно их изображают в виде лотосов), смогли открыться и позволили жизненным силам природы, представленным в виде змеиной богини Кундалини, подняться вверх и смешаться с ЧИСТОЙ осознанностью, удалив все неведение и реализовав бессмертие души. Но сейчас Хари Пури говорил вовсе не об этом.

- Как же вы считаете каналы нади?

- Сначала надо научиться распознавать канал и точно знать, где он находится. Затем надо суметь отличить один канал от другого, чтобы не сосчитать один и тот же канал дважды, - продолжил Хари Пури. - Карта сокровищ - это еще не сами сокровища, даже если карта настоящая. -Он искоса посмотрел на меня и слегка нахмурился. - Хотя большинство из них подделки. Эти карты отправляют человека к местам, отмеченным на земле, которые указывают, сколько шагов надо пройти оттуда сюда, куда повернуть потом и где, наконец, зарыто сокровище. Но карты не могут быть абсолютно точными, и если нарисовать картинку, в которой отсутствует одна из отмеченных точек, как точно бы ты ни следовал карте, все равно будешь двигаться от одного придуманного, нереального места к другому.

Мир же содержит в себе все вещи, и хотя они не известны людям, все они определенным образом отмечены и формируют такую цепь, которую нельзя нарушить. Я покажу тебе, как покрывать огромные расстояния, не делая ни одного движения! Даже лежа с закрытыми глазами и летая где-то вдалеке, когда я слышу твой голос в этом месте умирания, то знаю, что ты здесь и знаю даже, в каком именно месте ты сидишь. Звук твоего голоса отмечает твое присутствие. Звуки могут быть признаками как видимых, так и невидимых вещей. Разве гром вдалеке не является признаком приближающейся грозы? Разве пукание не признак того, что у человека плохое пищеварение, а также того, что в комнате скоро будет плохо пахнуть? Разве смех не признак удовольствия ребенка?

Каждый нади вибрирует на своей особой частоте, и, так как звук передается вибрацией, у каждого нади есть свой собственный звук. Пересчитывание это вовсе не упражнение по развитию воли. Когда ты считаешь пропеваемые мантры, используя сто восемь бусин рудракши на твоих четках, то связываешь одну мантру с другой мантрой, и вместе они соединяются сутрой в единую последовательность. Подобным образом связаны между собою и звуки, поэтому звук каждого из 7 272 311 нади связан как со следующим за ним звуком, так и со всеми остальными. Законы

грамматики описывают, но не предопределяют то, как звуки соединяются, чтобы сформировать мир. На земном шаре существует много языков, но есть один, великий, и я говорю сейчас не о санскрите, но о великой грамматике, отражающей творение, жизнь и разрушение Вселенной. Знающий подобную грамматику является йогином.

Затем гуру пропел слабым голосом:

Джнянамртам самарасам
Гаганопамохам

- Этой грамматике я тебя и учу. Времени осталось мало, поэтому я обучаю тебя сейчас словам Гуру Даттатрейя, ставшими моими словами. Когда-нибудь они станут принадлежать и тебе тоже.

Я - свод небес,
который, пребывая в совершенном покое,
и есть амрита, знание о бессмертии.

- В произносимых тобою звуках сокрыты знаки, которые отражены в этом "своде небес".

Йоги не различают разницу между вокальным сводом и сводом небес, поэтому они способны со здавать, поддерживать и разрушать Вселенную.

Имей в виду, что разрушение Вселенной это вовсе не акт насилия, сопровождающийся огнем и взрывами, а просто исчезновение паутины иллюзий.

В хатха-йоге тело принимает различные позы, называемые "асанами". Верно? Мы можем делать подобные асаны губами, используя дыхание и язык. В результате получатся звуки мантры. Яма-нияма-асана! - громко сказал учитель, и я про себя перевел сказанное, как "дисцилина, предписание и сидение". - Четвертым, конечно же, является пранаяма, которая учит тебя производить звук вместе с дыханием.

- Важно не то, что ты делаешь, но что ты говоришь, - прошептал Хари Пури. - Исходящее изо рта нельзя изменить или вернуть обратно. Твоим инструментом познания является язык, потому что его границы создают возможности мира.

- Как мне это практиковать? - спросил я. Сотни вопросов бурлили у меня в голове, но мой утомленный гуру уже погрузился в сон. Я почувствовал себя так, будто учитель только что доверил мне бесценную жемчужину, поэтому тихонько вышел из больницы и направился к дхармасале, чтобы доверить эти знания страницам дневника.

На следующий день я приготовил яблочное пюре, отжав очищенные от кожуры кусочки яблок сквозь ткань, но Хари Пури

сказал, что капельницы с глюкозой ему вполне хватает. Я настаивал на обратном и в конце концов заставил съесть его немного пюре. Я кормил Гуру Джи ложкой, вспоминая о том моменте во время моей инициации в ученики, когда мы кормили друг друга коричневым сахаром. Теперь он кормил мой ум, а я кормил его тело. После целого раунда переговоров Хари Пури согласился принять аюрведических средств Амара Пури, но он хотел знать каждый ингридиент и в каждом находил какой-нибудь недостаток.

- Неужели ты думаешь, что я хочу тебя отравить? - спрашивал его в этом случае Амар Пури. Новость о чудесном возвращении Хари Пури в сознание быстро распространилась, и его стали навещать последователи, садху, йогины, политики и даже члены королевской семьи. Туберкулезное отделение доктора Ратора было переполнено цветами больше, чем бомбейский цветочный рынок. Бледно-зеленые стены больницы стали фоном для ярких оранжевых, желтых и красных ноготков и роз.

- Раздайте розы тем, кто болен, - сказал Харри Пури. - И оставьте только желтые цветы!

В изножье кровати Хари Пури поставили скамейку для Амара Пури и прочих важных садху, посещавших гуру. Менестрели окружили кровать Хари Пури, звоня в колокольчики и распевая хвалы ему, Амару Пури и баба былых времен. Надо сказать, что хвалебные песни часто были подозрительно похожи на песни из популярных индийских кинофильмов. Последователи Хари Пури покрыли пол палаты коврами от стены до стены, густой дым от чилимов наполнял комнату и проникал в коридоры и на лестницы.

- Вы должны думать обо мне, как о бестелесном демоне! - сказал однажды Хари Пури доктору Ратору, который во время обхода тщетно пытался не замечать творившегося в палате беспредела. На щеках молодого врача заиграли желваки, а затем он постарался превратить нахмуренную гримасу в улыбку. Доктор Ратор был очень умным и добрым молодым человеком. Он мечтал превратить больницу в некую модель современной медицины, но проходил один день, за ним другой, а выполнение мечты все отдалялось.

- Это больница! - выговорил он наконец, заполнив очередную страницу в истории болезни Хари Пури. - А не... Не храм! - Бедный врач понимал, что полностью потерял контроль над ситуацией.

Толпы посетителей не оставляли нам много свободного времени, но два часа перед каждым восходом солнца были посвящены учению. Большего, наверно, мои мозги не смогли бы

выдержать. Гуру старался научить меня непознаваемому, и многое из сказанного влетало мне в одно ухо, а в другое тут же вылетало.

Мы удалялись в пещеру, сооруженную из оранжевого дхоти, и там Хари Пури учил меня основным асанам. Он прошептал в мои уши мантру, которая, по его утверждению, содержала в себе всю Вселенную:

Ом какхагагханга
Цацхаджаджхана
Татхададхана
Татхададхана
Папхабабхама
Яралаващашасаха!

- Но я уже это знаю, Гуру Джи! - обиженно запротестовал я. - Неужели? - удивился он. Понять не могу, неужели учитель снова шутит?

- Это индийский алфавит... - начал я, но Хари Пури перебил меня:

- Альфа, бета, гамма и а, бе, ве это совсем другое. Они всего лишь названия знаков, называемых "буквами", которые используются для письма. Эти знаки примерно представляют звуки, которые обозначают, но мы-то занимаемся асанами. Каждый слог точно описывает месторасположение позы. Мы двигаемся по дуге, начиная от звука "у-у-

Ух", который находится глубоко в груди до звука "у", который формируется губами. Или от звука "ка" в горле до звука "ма", производимого движением губ. Эта дуга отражает свод небес. Это и есть священная география.

Услышанное заставило меня понять, что звук действительно привязан к конкретному месту, и что практика мантр является не столько повторением формул, сколько йогой произношения.

Когда Хари Пури ощутил себя готовым провести мою инициацию в Махешвара сутру, в больницу пришел пандит и перед восходом солнца выполнил священный ритуал пуджи. Он повязал вокруг моего запястья и запястья Гуру Джи по красному шнурку.

Шива Натарадж, проявленный как Господин Танца, танцует под ритмичные удары собственного барабана. Танец не похож на ходьбу или бег, потому что, двигаясь в танце, ты никуда не приходишь, и в конце оказываешься там же, где был в начале. Шива никуда не идет и ничего не создает. Он не поддерживает ни в чем жизнь и ничего не разрушает. Разрушение Вселенной это всего лишь гибель иллюзии. Танец Шивы это чистое движение, игра сознания, но из звуков его барабана рождаются семена

языка, начинающиеся с пятислоговой мантры:

Ом наша шивайя!

Именно из этих слогов берет начало Махешвара сутра мантра Шивы. Все знание человечества проистекает из нее. Так сказал мне учитель, а потом прошептал мне священные слоги.

Из самого первого звука ребенка, пробного и несформированного "а", похожего на тот, который звучит в слове "раз", происходят все звуки его последующей жизни. Я снова стал ребенком, но теперь, вместо того, чтобы подражать маме, я произносил нечто несвязное, пытаясь разобраться с новым миром, где звук был еще и конкретным местом. Хари Пури провел меня сквозь дугу небес (или все же эта была моя вокальная дуга?), останавливаясь на всех станциях, изучая название каждой из них и слушая звук, исходящий из моего рта.

Я принес тетрадь, но гуру не разрешил ее использовать.

- Я просто хочу выучить и запомнить систему, - попытался объяснить я.

- Здесь нечего учить, - ответил он, - здесь даже не во что верить. Нужно лишь найти нужную точку в теле, проконтролировать дыхание и взаимодействие органов тела, и тогда все получится. То, что ты получил, само раскроет себя. Никакой системы в этом нет.

Мне пришлось расстаться с идеей о буквах и звуках, которые они представляют. В мире Сверхъестественного существовали только звуки слогов, которые были двойными так же, как и их названия. В этом мире не было места для ошибки, каждый слог нужно было произносить с максимальной точностью.

В те дни, когда у Хари Пури портилось настроение, он становился таким же кислым, как приносимые мне последователями-мирянами яблоки.

- Что? Ты думал, Риши Патанджали и Риши Панини сидели в каком-то английском университете, читали лекции и писали книги, которые публиковались за счет университета? Ты думал, что у них откуда ни возьмись появились какие-то идеи, по поводу которых они решили провести исследования? - спросил однажды меня гуру. - Ес

ли ты так действительно думаешь, тебе не удастся понять самого главного: эти люди не учились в университете, они были великими садху живущими подле своих дхуни. Они были окружены учениками, которые не записывали их высказывания, а беззаветно служили своим учителям. А те, в свою очередь, передавали ученикам то, что получили от собственных гуру. Не учения или какие-то инструкции, но собственную природу передавали они так, чтобы сама сущность гуру перешла к

ученику. Имея подобную основу, семена знания, которые ты называешь "учениями", наследовались от учителя к ученику, приносили плоды, а те, в свою очередь рождали новые семена. Такова традиция.

* * *

Вскоре после того, как Хари Пури пришел в себя, Капил Пури уехал из Джайпура. Он сел на поезд до Уджайна, чтобы в первый раз за восемнадцать лет, прошедших с тех пор, как Гокарна Пури Баба сделали пиром, посетить Датт Акхару Увиденное там поразило Капила Пури до глубины души. Рая для садху более не существовало. Датт Акхара потихоньку разрушалась, уходя в прошлое.

- Падуки исчезли, - сказал Гокарн Пури, оправдываясь перед Капилом Пури, не видевшим и следа прежнего процветания.

Хвала Шиве!
Источнику еды, воды и дыма,
исходящего из чилимов.
Избавляясь от сорняков и камней,
Ты не даешь скрягам покоя.

Вот это пропел Капил Пури в ответ, затем зажег чилим и выдохнул клуб темного дыма.

- Так же, как развеивается дым от моего чилима, развеется память о том, как ты правил ДаттАкхарой! Да найдешь ты падуки в своей следую щей жизни! Инш'Алла! - сказал он старику.

Случилось так, что в это время Бхайрон Пури Баба тоже был в монастыре. Он согласился с Капилом Пури в том, что Гокарн Пури совершенно некомпетентен как пир.

- Он скоро умрет, - сказал Бхайрон Пури. - Я вижу это. Думаю, что смогу сказать даже точный день его смерти.

Тогда Капил Пури поинтересовался, помогут ли Бхайрону Пури в этом убийстве его тантрические силы.

- Эй, старику уже больше сотни лет! Его не нужно убивать. За кого ты меня принимаешь? Мне нужно лишь твое благословение. Имея его, я восстановлю Датт Акхару и верну ей прежнюю славу, - ответил Бхайрон Пури.

- А как же падуки?" - поинтересовался Капил Пури.

- Ты сам знаешь, где они. Ищи их у Хари Пури, - ответил тантрик.

Дела в больнице совсем вышли из-под контроля. Покрытые пеплом обнаженные йогины спали на полу ночью и во время полуденной сиесты. Амар Пури сидел на стульчике в ногах у Хари Пури и раздавал всем желающим прасад и аюрведические средства, изготовляемые тут же в дхармасале. Даже туберкулезные пациенты, увидев магическое возвращение Хари

Пури к жизни, стали замещать антибиотики целительными травами Амара Пури. И после них больным становилось лучше! Для доктора Рато-ра это было даже более возмутительным фактом, чем превращение туберкулезного отделения в ашрам. Он чувствовал себя униженным, и я очень жалел его. Я обсудил происходящее с Хари Пури. Учитель ответил мне, что есть вещи, пока недоступные моему пониманию, и успокоил, сказав, что все меняется только к лучшему. Однако, по его мнению, мы уже стали злоупотреблять гостеприимством больницы. Настало время уезжать.

Арджун Сингх, огромный и невероятно добрый мужчина с густой гривой иссиня-черных волос, был последователем-мирянином Хари Пури. Он привез из Амлода Кунд джип, аккуратно поднял Хари Пури с кровати и легко отнес к машине, словно гуру весил не больше ребенка. Арджун Сингх был готов сделать для Баба все, что угодно. Когда-то этот огромный мужчина был разбойником с большой дороги, но Гуру Джи убедил его, что он недостаточно умен для того, чтобы стать гангстером или политиком, которым завидуют все бандиты.

Мы решили не отправляться в долгую дорогу до Амлода Кунд, а отвезти Хари Пури Баба в один из джайпурских ашрамов.

- Я хочу умереть в собственном ашраме, -сказал Хари Пури, но его никто не стал слушать. Приглашающая сторона обещала устроить нам царский прием, поэтому мы согласились.

Я так устал спать на твердом больничном полу под кроватью у Гуру Джи, что сейчас искренне наслаждался собственной койкой с ватным мат-рацом, дарующим мне спокойные пастельные сны. Шум от дороги и непрерывный кашель туберкулезной палаты остались в прошлом. У Гуру Джи теперь была большая деревянная платформа, располагавшаяся прямо за моей койкой. Когда у меня было немного свободного времени, я исследовал сады, святыни и даже мини-обсерваторию, которой по праву мог гордиться ашрам. Силы Хари Пури быстро прибывали, его голос снова обрел громкость и повелительные интонации, он даже мог отрицательно качать головой, когда кто-то пытался уговорить Гуру Джи принять очередные аюрведические средства. Однажды я увидел, как Хари Пури внимательно смотрит на свои пальцы, пытаясь пошевелить ими, и это ему удалось. Он даже мог сидеть, подпираемый подушками и валиками, но ноги по-прежнему не слушались его.

- Хотел бы я взять тебя в свои путешествия, - сказал он однажды, - в которые отправляюсь, пока все вы спите. Если бы я был правильным садху, то умер бы во время Кумбха Мелы. Это был самый подходящий момент, но Мадху Гири согласился

занять мое место. Я хотел немного повеселиться перед смертью, поэтому спокойно оставил свое тело в твоих заботливых руках, а сам попутешествовал по святым местам. Я был в Кашмире, Керале, Бенгале, Дварка Джи, везде, где я уже был до этого в физическом теле, а потом отправился дальше. Например, я никогда прежде не видел Золотой Ланки, - сказал он. - Я пожертвовал нога ми, чтобы вырастить крылья!

Другие пациенты больницы тоже парили над телами, но почти никогда не покидали палаты. Они врезались в стены, пытаясь найти выход, но это им не удавалось, и поэтому они умирали. Я же согрешил и потому тоже должен оставить это тело, - сказал Хари Пури. - Оно мне больше не нужно.

Услышав подобные слова, я очень расстроился.

- Вы в жизни своей никогда не грешили, Бабаджи, - запротестовал я, невольно придавая этому слову христианское значение греха и искупления.

- Много ли ты знаешь о грехе, дитя? - спросил гуру. - Ты еще слишком молод, чтобы это знать. Грехи - это звуки, производимые в течение всей жизни. Последующие действия - лишь следы, оставшиеся после произнесенных звуков. Покинув губы, произнесенный звук никогда не возвращается, но становится неотъемлемой частью гармонии или диссонанса мира. Грех это неверное произношение.

- Но вы окрепнете, и ваши ноги снова будут ходить. И мы вместе пешком дойдем до всех мест паломничества. Мы будем исследовать Вселенную, делать тайные смеси редких трав, рисовать карты небес и строить ашрамы! Вам еще есть чему научить меня, а я постараюсь стать совершенным учеником, - сказал я.

- Нет, это невозможно. Время вышло. Сигнал к отправлению поезда уже прозвучал, - ответил учитель. - Я хочу, чтобы завтра утром ты ушел. Ш-ш-ш! Я собираюсь умереть и не хочу, чтобы ты был рядом, когда это случится, поэтому ты должен уйти. Важно, чтобы ты запомнил меня таким, какой я сейчас.

Комната закрутилась у меня перед глазами, тошнота подкатила к горлу. Хари Пури говорил это совершенно серьезно. Это конец.

Я начал отрицательно мотать головой.

- Я не понимаю, что вы имеете в виду, - сказал я, но он ничего мне на это не ответил. - Если вы собираетесь умирать, Гуру Джи, я останусь и буду заботиться о вас.

- Ты уже завершил севу, свое бескорыстное служение. Теперь иди, твое время настало. У тебя есть более важные вещи, которые тебе надо сделать, - ответил учитель, и на его лице не отразилось

ни одной эмоции.

- Но я не хочу покидать вас! - запротестовал я

- Это последняя "аджна", последний приказ, который я даю тебе. Думаю, тебе следует послушаться. И потом, не волнуйся, я никогда не оставлю тебя, - сказал Хари Пури и попытался улыбнуться.

Пряча в глубине своего сердца отчаяние, я почтительно поклонился Хари Пури Баба, выполнил омкары, а затем прижался лицом к его ногам.

Больше я никогда не видел его на физическом плане.

** Лах эквивалентен ста тысячам, поэтому общее количество каналов нади равнялось 7 272 311 (Прим. автора).*

ГЛАВА 14

Хотя я никак не смог смириться с фактом, что Хари Пури Баба отослал меня, чтобы я не видел его умирания, я понимал, почему он хочет, чтобы я запомнил его полным сил. Я покидал Раджастан, размышляя обо всем этом. Гуру приказал мне уехать так внезапно, что я стал догадываться о близости его смерти. Я боялся, что на этом и закончится мое ученичество. Пустота и отчаяние завладели мной. Я слишком мало знал и разгадал слишком мало настоящих тайн. Я упустил свой шанс...

Я стал путешествовать по Индии, пересекая ее от края до края. Целый год мною владела страсть к перемене мест. Я посещал храмы и разных баба, пока не осел у дхуни Ганга Гири Баба, которого также звали Ганготри Баба. Он жил в Гималаях в районе Кумауна, рядом с непальской границей. Высокий, жилистый и очень худой, с собранными в пучок косичками, напоминающими корону, покрытый пеплом, своим внешним видом этот баба мог сам напугать любое привидение, вздумавшее явиться ему на месте захоронений. Ганготри Баба был тантриком и целителем. А еще он был немного сумасшедшим, но меня это нисколько не смущало.

Первые несколько ночей я проспал рядом с дхуни. Но когда выяснилось, что я намереваюсь пробыть вместе с ним еще какое-то время, Ганго-три Баба показал мне близлежащую пещеру, которая стала моим домом на последующие несколько месяцев.

Я проводил с Ганготри Баба каждое утро и вечер, но нас редко оставляли одних. Люди шли нескончаемой чередой, лишь некоторые из них для исцеления, большинство же просило помощи у невидимых сил. Одни хотели успеха, богатства, рождения сыновей, победы в начатом деле, или отмщения. Другие подозревали, что кто-то вмешивался в их жизни с плохими намерениями, будь это люди, призраки или боги.

Однажды какой-то человек приблизился к дхуни, но Ганготри Баба прогнал его, размахивая огромными железными щипцами и обещая всякие ужасы, если тот сделает еще шаг. Удивленный агрессивным поведением Баба, я спросил его, что это за человек. На что Ганготри Баба ответил, что это не человек, а призрак. Этот баба умел читать знаки так же, как и Хари Пури Баба.

Я был озадачен, когда услышал, что местные зовут Ганготри Баба Патриком Баба. Оказалось, что он родился в индийской семье, исповедующей христианство, и потому получил английское имя. Родители посылали его учиться в лучшие школы, а затем в медицинский институт. Патрик выучился на врача-

аллопата. В то время он был страстным любителем бокса и, имея внушительную комплекцию, часто отправлял своих противников в нокаут. Скорее всего, в последующем происшествии было виновато вовсе не увлечение боксом, а та сила, котороя дремала до времени в молодом человеке. Однажды на ринге будущий баба убил человека.

Хотя никто и не рассматривал произошедшее как преступление, он все равно оставил дом в Найнитале и свои медицинские занятия и стал месяцами (или даже годами) бродить по дорогам, пока не оказался на похоронной набережной реки Джамуны в Дели. Там он встретил обладающую огромной силой йогиню. Вначале она отправилась вместе с ним, как выразился Ганготри Баба, "авиапочтой" до Ассама, чтобы он получил там благословение Богини-Матери, Ка-макхья Деви, а затем в джунгли.

Новой семьей Ганготри Баба стали Нага-гуру и гуру-бхаи из Дхуна Акхары. Он выдержал очень долгий пост, его перепутанные волосы превратились тем временем в подобие веревок и стали свисать до земли. Он избавился от всей одежды и начал усердно изучать Аюрведу, гомеопатию и тантрические практики. С той же свирепостью, с которой в свое время Ганготри Баба убил человека, он начал защищать всех порожденных Богом существ.

Часто Ганготри Баба мог сказать диагноз человека, просто посмотрев в его глаза и на язык или проверив его пульс. Он мог выписать рецепт или же достать травы или лечебный пепел из своих многочисленных коробочек и баночек. Но иногда Баба начинал подозревать, что дело нечисто, и тогда посылал своих приятелей воронов в разведывательный полет над домом больного или одержимого.

Вороны любили Ганготри Баба так же сильно, как они любили Хари Пури. Оба баба могли разговаривать с ними и кормили их прасадом.

- Вороны распугивают всех остальных птиц, поэтому иногда я прошу их улететь куда-нибудь и побыть там какое-то время, - сказал Ганготри Баба. Но лишь он издавал особый пронзительный крик, птицы тут же прилетали и садились у дхуни, готовые помочь.

В одно прекрасное утро к нам подошел один человек, явно пребывавший в смятении. Он прикоснулся к ногам Баба и сел на расстоянии. Одежда мужчины была грязной, измятой и порванной, его волосы спутаны, а неопрятная борода была похожа на сорняки, разросшиеся на заброшенном поле.

- Иди к реке и постирай свою одежду! - отругал его Ганготри Баба. Мужчина так и поступил и появился через час, ухоженный и

чистый, но все такой же несчастный.

Человек объяснил Баба, что со времени смерти его отца на его семью обрушивается одно несчастье за другим. Уже несколько лет посаженное загнивает на корню, колодец пересох, а теперь и все его сыновья заболели. Баба велел крестьянину вернуться домой и ждать прилета воронов.

- А как они узнают, куда лететь? - спросил он.

- Вороны многое видят с высоты. Они наблюдают за активностью, - ответил Ганготри Баба. - Когда они подлетят к твоему дому, смотри за тем, что они будут делать и куда отправяться. Если они начнут клевать землю, разрой почву в этом месте и принеси мне то, что найдешь там.

Через несколько дней крестьянин вернулся обратно со свертком красной ткани.

- Эти вещи были зарыты по четырем сторонам дома, - рассказал он. Я пододвинулся поближе к Баба, чтобы увидеть найденное: там были спутанные человеческие волосы, человеческие ногти, изорванные куски ткани, поеденные белыми муравьями, палочки, что срывают с дерева ним, что бы чистить зубы, и пара монет в пять паисов.

Баба пропел мантры и сбрызнул водой заколдованные предметы, сказав:

- Земля полна сокрытых вещей. Огонь открывает в вещах свет и заставляет тьму исчезнуть.

Ганготри Баба стал раздувать угли до тех пор, пока они не разгорелись. Он сделал вокруг дхуни кольцо из порошка куркумы, украсил свой трезубец и щипцы плодами острого перца и корнями куркумы, все время пропевая мантры. Затем он заставил пламя взвиться вверх, бросив в него мирру и гхи. Мне пришлось откинуться назад, спасаясь от нестерпимого жара.

- На похоронный костер! - взревел тантрик, отправляя в небытие предметы, принесенные крестьянином. Тут Ганготри Баба выпрямился и стал ужасно походить на Махакала Бхайрона, гневное проявление Великого Бога Шивы. В лице тантрика было безумие.

Он медленно обошел священный огонь, пряча в огромной худой руке лимон. Тягучей походкой кота, преследующего добычу, он приблизился к трезубцу, воткнутому в северо-восточный угол дхуни. Тантрик был в трансе. Все потихонечку попятились назад. Этот баба был способен на все, что угодно. Ганготри Баба больше не видел людей. Он озирался вокруг, глядя расширенными, полными подозрения глазами, словно он желал спрятать в укромном месте какое-то сокровище. Удостоверившись, что он совершенно один, Баба быстро насадил

лимон на центральный зубец трезубца. Никто даже не дышал. Ганготри Баба вернулся на обычное место рядом с дхуни, вытащил немного гашиша из-под тигровой шкуры и бросил его крестьянину вместе с сигаретой.

- Сделай мне чилим, - сказал он, - и все твои проблемы закончатся.

- Когда ты проколол лимон, ты убил черного мага? - спросил я Ганготри Баба на следующий день.

- Конечно, нет! - ответил он. - Я просто отразил его маленькое колдовство обратно. Отразил иллюзию! - засмеялся он. - Но и иллюзии могут быть очень опасными.

Ганготри Баба не принимал платы, взамен прося верности и выполнения кое-каких услуг.

- Приходите время от времени за даршаном, - говорил он. - Пошлите мне письмо или

открытку. Никаких экстравагантных подарков не надо, может быть, что-то необходимое для дхуни.

Я спросил Баба, не может ли он дать мне что-нибудь от газов. Наверно, все дело было в неот-фильтрованной воде, которую я пил. В ответ он показал мне нарывы на ногах.

- Я не могу вылечить собственных фурункулов, - сказал он мне. - Если ты вылечишь меня, я вылечу тебя от метеоризма. Каждый раз, когда я кого-нибудь лечу, у меня появляются нарывы. Чем сильнее заболевание, тем дольше сходят язвы. Не знаю, чего ради я это терплю. Все ради неблагодарных идиотов, которые после исцеления идут и заболевают снова.

- То, что обычно называют аюрведой, ею не является, - сказал мне однажды Ганготри Баба во время разговора с образованным пандитом. -Этот мудрый брамин говорит мне, что израсходовал все возможные аюрведические средства в поисках лекарства для любимой жены. Он был у всех великих целителей, но безрезультатно, поэтому я его последняя надежда. - Баба засмеялся и обернулся к пандиту, чтобы продолжить разговор. - Вы не знаете самого главного об аюрведе, Пандит Джи, - сказал он. - Отправляйтесь домой. Встаньте у северной стены вашего дома и идите на север, пока не дойдете до первого мангового дерева. Неважно, сколько вы пройдете, десять метров или десять километров. Залезьте на дерево и сорвите три самых верхних листочка. Затем возвращайтесь домой и, сидя на пороге, положите три листочка в чилим и скурите их. Ваша жена вылечится.

Так и произошло, но болезнь, которая, скорее всего, была злокачественной опухолью, была столь сильна, что не только у Ганготри Баба, но и у меня тоже на ногах высыпали большие,

похожие на раковые нарывы. Пандит был в экстазе, он принес нам цветы, фрукты и сладостей из самой лучшей кондитерской в Найнатале, а также деньги в качестве дара. Баба принял подарки, но в весьма оскорбительных выражениях попросил пандита не беспокоить нас больше, позволив нам остаться в одиночестве со своими нарывами. Позже Баба сказал, что от подарков нарывы только становяться больше.

Баба часто вспоминал одного торговца, который пришел к нему подозревая, что его сглазили. Впечатленный результатами акта экзорцизма, проведенного Баба, торговец принес подарки и попросил благословения на успех в бизнесе. И он действительно стал процветать, переехал в Найниталь и стал богатым. Постепенно торговец забыл о Ганготри Баба.

- Тогда мне пришлось повернуть винтик налево, - говорил тантрик, и я ежился, слыша эти слова.

Мое решение покинуть Ганготри Баба не было спровоцировано этим рассказом, хотя я его запомнил. Что же он все-таки имел в виду? Баба сказал мне, что если я хочу получить от него тайные учения, то должен принять от него іуру-мантру. Но у меня уже была гуру-мантра, являющаяся центральной точкой моей практики и связью с моей линией преемственности и семьей. А Ганготри Баба был эксцентричным дядюшкой и выдающимся йогином, но не моим гуру. И потом, что он будет со мной делать, если я окажусь плохим чела?

* * *

Попрощавшись с Ганготри Баба, я отправился дальше, и тут мне очень повезло: на севере Алмо-ры я нашел маленький заброшенный храм неподалеку от старого имения Эппворт, которое в то время снимал мой старый друг, Донни М. Он ждал там Тимоти Лири, печально известного профессора Гарвардского университета, проповедовавшего молодежи Америки радость кайфа и кислотных путешествий. Лири совсем недавно сбежал из калифорнийской федеральной тюрьмы, воспользовавшись помощью "Черных Пантер", поспешил покинуть Соединенные Штаты и теперь медленно путешествовал в сторону Индии. Кто-то позвонил Донни и попросил его снять имение Эппворт, где, как я думаю, несколько лет назад Лири написал "Психоделический опыт", основанный на "Тибетской книге мертвых". Должно быть, Лири вспомнил об Алморе и захотел вернуться туда, желая покоя и времени для размышлений.

В первый раз Лири был со всем радушием приглашен в Индию махараджем Кашмира, духовным доктором Караном Сингхом. Доктор Сингх уже много лет интересовался веществами, изменяющими сознание, и даже переписывался с Олдосом

Хаксли, обсуждая эффекты, производимые мескалином. Хаксли отказался от поездки в Индию из-за своего плохого здоровья (он умер вскоре после этого), но вместо этого предложил прислать молодого гарвардского профессора, доктора Лири, который сможет привезти уважаемому махараджу мескалина или чего-то подобного. Продолжение принадлежит истории или, скорее, мифологии.

У моего маленького храма отсутствовали двери, поэтому я повесил при входе соломенный коврик, который опускался ночью или во время редких вылазок в окружающий мир, в основном в Эпворт. Я не имел никаких ценностей, но, если говорить о состоянии моих финансов, потеря горшков была бы трагедией. Помимо этого, у меня было три тома дневников и кувшин для амриты, который дал мне Хари Пури. Когда я куда-нибудь выходил, сумка желаний всегда висела у меня на плече. Единственной защитой от возможных воров было присутствие в храме, поэтому подобное состояние дел только добавило моему желанию медитировать еще большую силу. Так было, пока не произошло одно важное событие.

Алмора была в течение довольно долгого времени известна как центр, в который приезжали в духовных поисках иностранцы. Обычно такие люди жили в районе у великолепного склона горы. Среди них были англичанин Кришна Прем, немец Лама Анагарика Говинда, датчинин Сунья-та, француз Алан Даньелу, и многие другие. Мери Облиггер, американская последовательница секты квакеров из Пенсильвании, приехала сюда в 1956 году вместе со своим мужем, шведским экологом, работавшим для ООН. Мери стала всем заботливой матерью, готовила печенье и яблочные пироги для гостей, заглядывавших к ней на огонек. Я был одним из частых ее посетителей.

Она рассказала мне, что секретом ее энергичности и долголетия было питье собственной урины. Я был готов на что угодно, только чтобы иметь возможность снова спокойно сидеть на жесткой земле. Я последовал ее точным инструкциям и через неделю у меня не только исчезли нарывы на ногах, но и вернулись силы. Я продолжил лечиться подобным асоциальным образом еще сорок дней, что сделало меня еще большим затворником, чем раньше.

В тот день, когда я закончил лечение, мальчик, всегда приносивщий мне утром молоко, сказал, что в Эпворт приехал доктор со странными лекарствами, тут ребенок показал на голову. Я подумал, что это должно быть доктор Лири, и решил отправиться в Эпворт. Однако, это был не психоделический гуру, а его индийский двойник, доктор Бинду из Алморы.

Вдохновленный собственными галлюциногенными переживаниями во время предыдущего визита Лири, доктор Бинду начал исследовать возможности индийских растений, изменяющих сознание. Он копался в древних текстах, собрал большой гербарий и просиживал в своей лаборатории до рассвета. Таблетка, дарующая мгновенную нирвану, которую пытался создать доктор Бинду, не дала никакого значительного результата, но позволила нам всю ночь просидеть без сна, разговаривая. На рассвете я вернулся в храм.

Когда я не увидел на входе своего соломенного коврика, у меня внутри что-то екнуло. Я стал ругать себя за то, что ушел из храма на всю ночь. Подойдя ближе, я услышал внутри какие-то звуки. Воры все еще там, подумал я, поднял камень и ворвался внутрь.

- Ом намо нараян! - сказал Кедар Пури Баба, вставая с моего тонкого ватного матраца.

- Ух ты! - выдохнул я. Мы одновременно попытались поклониться друг другу и в результате обнялись.

- Как ты меня нашел? - спросил я, все еще не веря собственным глазам.

- Гуру Джи... - начал он, но я перебил его.

- Я знаю, почему ты здесь, - сказал я. - У тебя на лице все написано.

- У нас мало времени, Рампури, - сказал Кедар Пури. - Тебя было непросто найти. Праздник состоится всего через пару дней. А дорога предстоит длинная.

Под "праздником" мой гуру-бхай подразумевал традиционную бхандару, которую справляют на четырнадцатый день после смерти. Этот праздник сочетает в себе поминки и раздачу собственности умершего.

- У меня нет денег, - сказал я ему.

- Амар Пури дал мне денег, чтобы оплатить твой приезд, - сказал Кедар Пури, - может быть, даже что-то останется.

Я согласился, что выезжать надо немедленно.

- Надеюсь, мне хватит денег на дорогу обратно, - сказал я. - Я поеду всего на пару дней.

, Вот первая причина, из-за которой я так и не встретился с Тимом Лири в Алморе. Второй причиной было то, что еще до отъезда из Кабула на автобусе, который бы довез Лири до пакистанского Пешавара, агенты ФБР арестовали его в отеле и вернули в тюрьму отсиживать срок.

- А правда, Рам Пури бхай, что улицы в Амрике мостят золотом и все живут в огромных дворцах? - спросил Кедар Пури. - И что все едят с золотых тарелок и пьют из серебряных кувшинов,

украшенных драгоценностями? Давай отправимся туда после поминок Гуру Джи.

ГЛАВА 15

- Я могу поддерживать твою жизнь вечно, - сказал Амар Пури Баба Хари Пури Баба в Джайпуре, предлагая тому переехать в храм Ханумана в Си-лоде, штат Мадхья Прадеш. Но Хари Пури хотел покинуть тело в Амлода Кунде.

- Я больше ничего не хочу и не нуждаюсь больше в этом теле, - ответил Хари Пури.

- Зато мы нуждаемся в тебе, - сказал Амар Пури. - Как же мы сможем снова водрузить паду-ки на священный трон Датт Акхары, если там не будет тебя? Разве Силода не совсем рядом с Уд-жайном? Я вылечу тебя в Силоде, а оттуда мы вернемся в Датт Акхару.

- Зачем мне выздоравливать? Это тело закончило свою работу, - сказал Хари Пури. - Я возьму себе другое, если вы так во мне нуждаетесь,-но почему бы просто не дать мне сейчас уйти?

Все присутствующие прикоснулись к мочкам ушей, а потом сложили руки перед лицом.

- Пожалуйста, не говорите так, Гуру Джи, -сказал один из последователей.

- Хорошо, я отправлюсь в Силоду умирать, и вы сможете поставить там мою статую, - Хари Пури всегда был известен тем, что мог разрешать споры при помощи компромисса. - Но я хочу увидеть эту статую завершенной.

- Но так никто не делает, - стал упрашивать Гуру Джи Амар Пури, а Хари Пури продолжал настаивать, что статую надо вырезать из мрамора еще при его жизни.

Хари Пури заключил непростую сделку.

Амар Пури отвез моего учителя в Силоду на джипе, которым управлял Арджун Сингх. Было пыльно, дороги были разбитыми, а у джипа не было подвесок.

Все это Кедар Пури рассказал мне во время долгого путешествия до Силоды на бесконечной череде сменяющих друг друга автобусов. В день, когда в Джайпуре была закончена статуя Хари Пури, Гуру Джи умер в Силоде. По всей Северной Индии было разослано известие о смерти учителя, большей частью "телеграфом джунглей" или "духовными телеграммами".

Последние тридцать километров были самыми изматывающими. Мы ехали на разбитом автобусе по не менее разбитой дороге, а потом покрыли остаток пути на телеге, запряженной быками. К тому времени, когда мы приехали, было уже около девяти вечера, и темнота укрыла ашрам толстым шерстяным одеялом. Один из последователей поприветствовал

нас, размахивая керосиновой лампой, которая была в состоянии освещать дорогу всего на несколько метров вперед. Кедар Пури взял меня под руку и отвел к дху-ни, где сидел в медитации Амар Пури Баба.

Откуда-то из темноты послышались приветствия:

Ом намо нараян!

Я почувствовал, как мое сердце переполняют эмоции, и на глаза навернулись слезы. Почему-то я до сих пор не мог поверить, что Хари Пури покинул свое тело.

Амар Пури Баба попытался улыбнуться, когда я выполнил омкары и положил дакшину ему под ногу. Я прижался лбом к его ногам и почувствовал легкое постукивающее прикосновение к тому месту, где шея соединяется с головой. Затем ко мне подошел Кедар Пури и отвел к могиле, оставив там меня одного.

Сперва я ничего не видел и потому на ощупь стал пробираться вперед, пока не ощутил, что впереди поднимается могильный холмик. Я выполнил свои омкары, а затем положил руки на могилу, словно это были ноги Хари Пури. Повторяя гуру-мантру я представлял, как благословения учителя поднимаются из-под земли. Хари Пури похоронили сидящим в самадхи и держащим четки с бусинами рудракши в правой руке.

В душном воздухе стрекотали сверчки. У меня было чувство, что приближается необычно сильная для этого времени года гроза.

- И что теперь, Гуру Джи? - спросил я вслух.

Раздался резкий удар грома, сопровождающийся ярким свет последовавшей за ним молнии, но вовсе не они заставили меня вскочить на ноги. Неверный свет молнии вдруг высветил передо мной призрак нахмурившегося Хари Пури, сидящего на троне. Я отпрыгнул в сторону, и резкая боль пронзила все тело, когда я ударился копчиком об острый угол незаконченной кирпичной стены вокруг могилы. Мои ноги подогнулись, и я со стоном упал на землю.

Один из последователей Амара Пури приблизился к могиле, держа лампу над головой. Он повесил светильник на ветку и удалился. Призрак Хари Пури Баба продолжал оставаться на месте, но я уже понял, что это всего лишь мраморный памятник

Я велел себе успокоиться. Ветер раскачивал лампу, в ее мигающем свете статуя Хари Пури как будто бы несколько раз моргнула, повернула голову и изменила выражение лица. Я видел гнев, счастье, сарказм, любовь и небесное блаженство перетекающими одно в другое.

- Меня заточили в этой статуе, дитя, - вздохнул Гуру Джи где-то внутри меня. - Думаешь, эта штука хоть немного похожа на

меня? - спросил он. - Освободи меня, - потребовал он. Но все это, конечно, было не более, чем моим собственным воображением.

Я внимательно посмотрел на статую. Теперь выражение ее лица было холодным, а во взгляде, устремленном на меня, не было счастья.

- Может, мне надо сделать так, чтобы на вашу могилу поставили другую статую? - спросил я.

- Для начала было бы неплохо сделать хотя бы это, - согласилась статуя.

Подошедший Кедар Пури Баба вывел меня из задумчивости и отвел обратно к Амару Пури Баба. Должно было приехать еще много садху поэтому гуру-бхай потащил меня к большому навесу и предложил найти место для сна, пока еще было где спать. Я и не думал, что поминки учителя окажутся таким большим событием.

- Ты должен остаться здесь, в месте самадхи нашего гуру, по меньшей мере два года, пока не начнется следующая Кумбха Мела в Хардваре, -сказал Кедар Пури.

- Я буду делать то, что сочту нужным, - внезапно разозлился я.

- Но это твой долг, Рампури, - удивился он.

- Ты болтаешь чепуху, - услышал я собственный раздраженный голос. - Кто ты такой? Мой гуру? Мой гуру умер.

Кедар Пури отступил на шаг, ошеломленный моей вспышкой гнева не меньше меня самого. Что со мной происходит? Я хотел было извиниться, но гордыня не позволила мне этого сделать. Кто дал ему право вмешиваться в мои мысли? Я стоял и разговаривал со своим умершим гуру, и тут вмешался Кедар Пури.

- Рампури, я просто хотел указать тебе верный путь...

А вот это совсем неверные слова.

- Почему ты нарушаешь покой моего ума, мое блаженство! Никчемный дурак! От тебя одни неприятности! - прорычал я заплетающимся языком. Кедар Пури ушел, а мое настроение испортилось еще больше. Я чувствовал себя, как статуя Хари Пури: замерзшим и сердитым.

На следующий день со всей Северной Индии стали прибывать знаменитости Джуна Акхары, но Амар Пури отказался покидать дхуни и ни с кем не разговаривал. Меня он тоже игнорировал, пока я не дал ему большой шарик гашиша, привезенный из Альморы. Это моментально вызвало на его лице улыбку. Амар Пури разрезал шарик, понюхал его, а затем бросил кусочек Кедару Пури, чтобы тот приготовил чилим.

- Теперь, когда Хари Пури покинул нас, не осталось никакого авторитета. Все они борются друг с другом ради власти.

А что такое власть? Есть только дхарма, - сказал Амар Пури Баба. - Если бы я мог сделать это сейчас, я бы поклонился своему гуру-

бхаю. Сандхья Пури Баба сделал Хари Пури саньясином, но я сделал его Нага йогином, обнаженным саньясином. Я выполнил этот ритуал! С этого момента я не буду кланяться ни одному земному существу, каким бы авторитетом тот не обладал.

Амар Пури снова попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло.

- Что ты будешь делать теперь, когда твоего гуру больше нет? - спросил он.

- Разве вы не мой гуру тоже? - спросил я его, но в ответ суровый баба повернулся ко мне спиной. Я почувствовал, что он не воспринимает меня всерьез.

Вдруг Амар Пури замер, как кошка, которая увидела рядом с собой воробья, а потом медленно повернул голову в сторону идущего к нему Бхайрона Пури, как всегда одетого в красное. Через некоторое время тантрик ушел, изрыгая вполголоса проклятия, потому что Амар Пури не пожелал заметить его присутствия.

Как только Бхайрон Пури удалился, изо рта Амара Пури послышался странный звук, похожий на шипение ядовитой змеи.

- Почему он здесь? - спросил он. - Неужели хочет убедиться, что Хари Пури действительно умер, и полюбоваться на его могилу?

После того, как трубка чилима обошла всех присутствующих, настало время уходить. Кедар Пури сделал мне знак оставить Баба одного, но я проигнорировал его. Амар Пури Баба повернулся ко мне и подергал себя за усы.

- А что ты тут делаешь? - спросил он.

Я знал, что Хари Пури Баба поругался с Бхайроном Пури из-за моей инициации, и что поэтому Бхайрон Пури угрожал моему учителю. В ту минуту, когда я стал саньясином, с Хари Пури случился удар, и он потерял сознание. Я никогда не думал о своем участии в этих событиях и потому сейчас пытался понять, не винит ли меня Амар Пури в смерти Гуру Джи. Может, я действительно виноват?

- Вы и Хари Пури Баба были для меня как два тела, объединенных одной душой, - сказал я Амару Пури. -Позвольте остаться и служить вам так же, как я служил Гуру Джи, - услышал я свои собственные слова, автоматически отменяя свои планы возвращения в Альмору. "Неужели я совсем сошел с ума? - подумал я. - Нет, мой долг - остаться здесь, рядом с Амаром Пури".

- Мне еще столькому надо научиться, - сказал я.

- Чему я могу научить тебя? - спросил баба. -

Ты едва говоришь на хинди, и у тебя очень странный способ мышления. Я не думаю, что мне удастся заставить тебя понять хоть что-нибудь.

Если бы ты был индусом, дела бы обстояли совсем по-другому.

Мне была понятна его точка зрения. Но как тогда чужаку стать своим?..

- Падуки должны быть возвращены законному владельцу, - заявил Бхайрон Пури.

Большинство из сказанного было для меня полной абракадаброй, но эти слова я понял прекрасно. Сидя на самом краю большого круга садху, я тихо пробормотал, что падуки принадлежат Гуру Даттатрейя. Кедар Пури Баба толкнул меня под ребра. Бхайрон Пури замолчал, наклонил голову набок и посмотрел в мою сторону.

- Что сказал англичанин? - спросил он.

- Он всего лишь разговаривал сам с собой по-английски, - ответил Кедар Пури. - Наверняка опять сказал какую-нибудь глупость.

- Я хочу знать, что он сказал, - настаивал Бхайрон Пури. ,

Кедар Пури попытался заставить меня уйти, но мои ноги словно приросли к земле.

- Скажи мне, англичанин! - заорал Бхайрон Пури.

Сложив руки перед лицом, я закрыл глаза и притворился невидимым, слыша, как Капил Пури высказывает соображение, что не стоит так кипятиться по поводу иностранца, который все равно ничего не знает. И если Бхайрону Пури надо найти собеседника, он перед ним.

- Может, у англичанина есть какая-то важная информация!

Жар, охвативший мое лицо, перешел на тело, я весь начал гореть. "Ну почему он не использует свои тантрические силы, чтобы найти падуки?" -подумал я.

- Да, он сильный тантрик, - сказал позднее Капил Пури Баба, один из самых близких гуру-братьев Хари Пури, - но и Аджун Пури Баба силен, и я тоже! После Кумбха Мелы Бхайрон Баба попросил о встрече с Бабаджи, главой всех Пури в Джуна Акхаре. Бабаджи согласился при условии, чтоони будут сидеть в воздухе в полуметре над землей. Я был свидетелем их дебатов, но из уважения к Бабаджи сидел ниже, чем он. Ты же знаешь, он мой гуру. В этот раз Бхайрон Баба начал с того, что время - это последняя иллюзия, и как только он сказал это, все стали смеяться над тем, что он утверждает очевидное. Бхайрон Баба выбежал из комнаты, ругаясь и обещая отомстить. Он верит, что

Хари Пури Баба взял падуки и что ты знаешь, где тот их спрятал, - сказал Капил Пури.

- Я даже не знаю, как они выглядят, - ответил я, надеясь, что баба расскажет мне что-нибудь про них.

- Падуки это символ ученичества и знания, и потому представляют самого Даттатрейю. Падуки - это его деревянные сандалии, соединяющие Гуру с землей так же, как знание соединяется с ученичеством и дух с материей. Мы прикасаемся к ногам наших гуру, потому что они соединены с землей. Это звено в цепи, место, где встречаются два мира, перекресток. Поэтому каждый раз, когда Даттатрейя воплощается в физическом теле, а он делает это время от времени, он оставляет падуки как свою подпись. Эти падуки были принесены в Уджайн из Мультана, города, который сейчас находится в Пакистане, Кешавом Пури Баба, его еще зовут Мультани Баба. Именно нашей семье была доверена Датт Акхара и древнее знание, хранящееся в могилах великих йогинов.

Пока Капил Пури Баба продолжал рассказывать истории о Мультани Баба и других великих садху этой Линии Преемственности, я все больше и больше очаровывался этим йогином, очень похожим на бригадного генерала, особенно когда он тянул себя за усы. Капил Пури знал целый океан историй, поэтому, когда он пригласил меня поехать с ним в Каши, я с радостью согласился.

- Тебе нужно учить санскрит, - сказал баба. -Я найду тебе в Каши самых лучших пандитов. Ты будешь жить со мной в акхаре, и я сделаю из тебя настоящего садху.

- Бабаджи, а как выглядят падуки, вдруг я когда-нибудь их найду?

- Они очень древние, дерево состарилось и стало похоже на соты, а размером они подходят только для ребенка, - сказал Капил Пури.

На следующий день я смешался с огромной толпой, ждавшей у ворот ашрама, когда из Уджай-на прибудет джип со стодвенадцатилетним Токарном Пури Баба, или Пуриджи, как его называли. Старого садху осторожно вынесли из машины, а затем, поддерживаемый баба с двух сторон, он сам медленно подошел к могильному холму, в котором был захоронен Хари Пури.

Президент Джуна Акхары сел на огромный стул, установленный напротив могилы, справа и слева от него сели Шри Махант Арджун Пури и Бхайрон Пури. Стул Амара Пури остался пустым, потому что тот отказался покидать дхуни. Отсутствие Амара Пури стало моральной дилеммой, ведь Гокарн Пури был его гуру. Как же может просветленная душа,

погруженная в дхарму, не поприветствовать собственного гуру? Рагу-натх Пури Баба и другие старшие братья пошли уговаривать упрямого баба.

- Я не буду присутствовать, если Бхайрон Пури будет там, - отвечал Амар Пури Баба.

- Ты можешь опозорить человека, если посчитаешь нужным, но не место силы, - сказал один из баба. Как я узнал позднее, искусство дхармы включает в себя знание о том, как и когда искать компромисса, как интерпретировать знаки, а затем совершать соотвествующие обстоятельствам действия.

Амар Пури потянулся, словно кот, а затем мелкими и медленными шажками отправился к Го-карну Пури Баба. Море сидящих баба разделилось. Амар Пури положил одиннадцать рупий под ногу своего престарелого учителя, сложил руки перед грудью, выполнил омкары, а затем вернулся обратно к дхуни. Он выказал уважение і и оплатил свой религиозный долг, но не прикоснулся к ногам пира. Капл Пури Баба сел на стул Амара Пури вместо него.

Я попытался избежать взгляда пира, чувствуя себя, как Джек, который взобрался на бобовый стебель и прячется теперь в углу великаньего замка. Пир мог считать, что я хочу "украсть золото", но я даже не подозревал, где спрятано сокровище и не имел ни малейшего желания присвоить это сокровище себе.

После традиционного пира все мы собрались вокруг дхуни, где были розданы последние деньги, принадлежавшие Хари Пури. Этим занялся Капил Пури Баба, потому что было похоже, что Амар Пури совсем заблудился в мыслях. Я сидел по правую руку от Амара Пури, пока один великий йогин за другим выказывали свое почтение жизни и достижениям Хари Пури Баба. В какой-то момент Амар Пури нарушил молчание.

- Вы снова и снова используете слово "йогин", - сказал он толпе. - Но что это слово значит? Кто такой "йогин"? - Амар Пури заглянул в глаза людей. - Йогин - тот, кто не имеет собственнических интересов. Хари Пури Баба был таким человеком.

Кедар Пури сел рядом со мной. Мне было очень жаль, что я так плохо обращался с ним в последнее время. Я знал, что он любит меня, как брат, и вспомнил, что обещал Хари Пури в последний раз, когда видел учителя живым, присматривать за Кедаром Пури, потому что за ним всегда был нужен глаз да глаз. "Он первоклассный мошенник", -сказал когда-то о нем Хари Пури Баба.

- Ты мошенник! Где остальные деньги? - услышал я собственные слова, когда Кедара Пури Баба отдал мне тысячу

рупий. Мне было неловко обвинять гуру-бхая в воровстве, не имея на то никаких доказательств. Но, как оказалось, Кедара Пури уже не раз ловили за руку, когда он запускал ее в копилку. Он вытащил еще около пятисот рупий из сумки желаний и предложил мне.

- Оставь их себе, - сказал я. - У меня достаточно денег.

Конечно, он мошенник, подумал я. Но при этом мошенник с добрым сердцем.

Как только окончилась бхандара, садху положили сложенные постели себе на плечи и отправились в дорогу. Я собрался с духом и пошел сказать Амару Пури, что отправляюсь в Каши вместе с Капилом Пури, где тот будет давать мне учения и где я буду учить санскрит.

- Делай то, что считаешь нужным, - сказал Амар Пури. - Но как ты можешь начать новое дело во вторник? Как ты сможешь хоть чему-то научиться, если Хануман внутри тебя притесняется сейчас Мангалом-Марсом?

Я не совсем понял, что он имеет в виду, но знал, что вторник, день Марса, считался плохим днем для новых начинаний.

- И почему ты не считаешься с Брихаспати-Юпитером, Гуру Богов, чья звезда Пунарвасу отражена на твоем лице? - сказал Амар Пури, разглядывая линии моего лба и форму носа. - Разве ты не знаешь, как читать знаки? Кроме того, дитя, - добавил он мягко, - ты напоминаешь мне о Харри Пури Баба, а мне так не хватает его. Останься со мной ненадолго, и я покажу тебе пару вещей.

Я пошел к джипу, в котором меня ждал Капил Пури Баба, и объяснил ему, что мне надо остаться в ашраме. Капил Пури засмеялся.

- Мальчик, это место - настоящие задворки, - сказал он. - Я приглашаю тебя в Каши,центр Вселенной.

Я объяснил, что сейчас мой долг - остаться с Амаром Пури, и пообещал присоединиться к баба в Каши немного позже. Капил Пури открыл дверь джипа и взял мою голову в свои руки.

- Помни, что падуки принадлежали Мультани Баба, - прошептал он мне. - Когда Сандхья Пури Баба нашел их, Мультани Баба вошел в его тело. Он запретил Сандхья Пури отдавать их Гокарну Пури, поэтому когда Сандхья Пури оставил свое тело, Гокарн Пури получил священный трон Датт Акхары, но не падуки.

ГЛАВА 16

В становлении баба содержание властвует над формой. Если человек становится баба быстро, содержание не успевает должным образом проявиться, поэтому некоторое время приходится довольствоваться формой. Когда я начал учиться у Амара Пури, то был еще очень зеленым несмотря на то, что все задатки баба у меня уже были.

Я очень старался походить на настоящего баба, поэтому всегда обращал внимание на то, как сижу, какое положение занимают мои руки и ноги, как я принимаю прасад или чилим, как пью воду или чай, как прихожу и как ухожу. Очень часто мое внимание было сосредоточено на том, как меня воспринимают окружающие. Но движения, голос и способ мышления часто выдавали меня. Я часто наблюдал за другими и пытался точно копировать их поведение, но никогда не был уверен, что все делаю правильно. Я беспокоился о том, хорошо ли пепел покрывает мое тело, находится ли "синдхур тика" точно на третьем глазу и правильно ли я надел дхоти. Сколько уважения я должен выказывать, кому и как? Баба помладше всегда следили за мной, задавая каверзные вопросы и стараясь вывести на чистую воду. С одной стороны, я прощался с прежними привязанностями и со своим старым "я", менялись объекты моего внимания и восприятие мира. С другой стороны, я всего лишь создавал нового героя для старой пьесы, способного удовлетворить взыскательную публику.

Меня инициировали в ученики, я прислуживал гуру, выполнял омкары и практиковал гуру-мантру. Меня посвятили в саньясины, и я научился жить лишь с немногими привязанностями к миру материальному. Я мог медитировать долгими часами, принимать холодные ванны зимой, поститься, сидеть часами, днями и даже неделями, ничего не делая, научился выживать без денег. Я узнал основные правила социума, манеры и этикет общества баба. За исключением слишком светлой кожи, я полностью выглядел, как баба, и потому последователи и простые люди подходили, чтобы прикоснуться к моим ногам.

Я практиковал, медитировал. Я визуализировал, то есть представлял, мое Истинное Я, мою внутреннюю сущность в виде сияющего света, чистой пустоты или чистого сознания (чем бы это ни было). Я говорил слово "кундалини" и представлял богиню в виде змеи и, закрыв глаза в медитации, видел путь, который она проделывала внутри, поднимаясь от неведения к знанию,

раскрывая лепестки лотосоподобных чакр. И, наконец, я представлял богиню и себя вместе с ней, соединяющимися с высшей осознанностью в тысячелепестковом золотом лотосе, цветущем на макушке моей головы. Вот что я воображал, и переживания были очень приятными.

Но глубоко внутри, а может быть, и не очень глубоко, я знал, что на самом деле ничего не знаю. Я чувствовал себя почетным членом эзотерического общества, но кровь все же плотнее воды, и потому я не мог перестать быть иностранцем и все еше мерил этот новый мир старыми мерками.

Иногда мой хинди был безупречным или даже элегантным, иногда совершенно невнятным и с ужасным акцентом. Иногда я очень авторитетно разговаривал с восхищенными последователями, высказывая идеи, которые появлялись, словно бы из ниоткуда. Когда подобное случалось, мне казалось, что говорю совсем не я, и это меня очень удивляло. Но тогда я вспоминал о том, как ребенок учится языку. Он повторяет за родителями и старшими детьми и к тому времени, когда он идет в школу, ребенок уже способен ясно выражаться. Слова исходят из уст других людей, служа их намерениям, а мы затем приспосабливаем эти же слова для выражения собственных нужд. Подобным способом я начал впитывать слова, выражения и знания моих учителей.

По неизвестным мне причинам Амар Пури Баба на время позабыл о моей неспособности учиться и начал давать мне учения. Я хотел, чтобы он учил меня Книге Мира, которую так хорошо читал мой почивший гуру. Вначале мне казалось, что проблема в языке. Английский язык базируется на действии, а тот язык, которому меня учили, основывается на наименовании. Все, что относилось к наименованию, казалось мне ужасающим: заучивание, таблицы, символы, знаки.

Вскоре мы обнаружили, что стоящая перед нами задача была действительно огромной, потому что я был совершенно безграмотным и должен был заглядывать в газету, чтобы узнать день недели и дату, и на часы, чтобы узнать время. Небо, отражающее каждую деталь времени, было для меня полнейшей загадкой, буквами, которые я совершенно не умел читать.

Еще больше усложняло дело то, что Амар Пури не учил меня организованно, к чему я привык. Не было занятий или специально выделенного времени, посвященного обучению. Учение было нераздельно со всем, что происходило рядом с дхуни. Граница между небесным и земным стала прозрачной. В такие мгновения мне казалось, что Амар Пури действительно раскрывает Книгу Миров, я вдруг начинаю видеть, что небо и

звезды не так уж далеки от земли, чьи растения и минералы непрерывно насыщали человеческое тело, а затем изливались обратно в виде речи. Я не видел границы, за которой заканчивалась аюрведа и начиналась йога, или где представление о науке плавно перетекало в магию. Все сливалось в единое целое, в котором составляющие теряли собственную индивидуальность.

Я пытался вести записи, но для этого было слишком мало возможностей, поскольку мне приходилось ждать, пока я останусь один и смогу раскрыть дневник. Поэтому я сидел, сидел и слушал, и смотрел. Наконец я начал понимать, что имеет место процесс взаимопроникновения. Одного моего пребывания рядом с Амаром Пури было достаточно, чтобы знание начало медленно аккумулироваться внутри меня. Проникнув внутрь, оно не оставалось в неподвижности, а начинало распространять вокруг себя влияние.

Диета стала легким переходом к изучению науки о теле, а с ней и аюрведы, исскуства долгой жизни, и йогической космологии. Простая проповедь местным крестьянам, в которой Амар Пури описывал адские миры, в которых блуждают их души после еды, насыщенной чесноком и луком, или другие виды ада, преназначенные для любителей мяса и алкоголя, вдруг стала введением в учение о трех природных типах, называемых "Гунами": "раджас", или активный тип; "тамас", или пассивный тип; и "саттва" - сбалансированный тип. Эти природные типы проявляли себя не только в еде, например, чеснок и лук принадлежали пассивному типу энергий, которые наполняли творение и являлись знаками проявления самой природы.

- Мы, баба, не едим тамастическую еду, потому что она является причиной неведения, лени и сомнений, - сказал Баба. - Баба не едят раджа-стическую еду, то есть все приправленное, горькое, кислое, сухое или соленое, потому что эти вещи рождают страсти, а баба стремятся к их отсутствию, - сказал он. - Баба любят есть саттви-ческую еду, все свежее, сочное, легкое, сладкое и насыщающее. Подобные вещи приводят к балансу в организме и гармонируют с природой. Мы любим молоко и топленое масло гхи, сочные фрукты и свежие овощи, рис, пшеницу и мед.

В мире Амара Пури ты был тем, что ты ешь. Это вовсе не значило, что ты превращался в то, что съел, потому что правила скорее описывали происходящее, а не служили предписаниями. Ведь тамастический человек любил тамастическую пищу, раджастический ел только раджастическое, а саттвический предпочитал саттвическую еду.

Затем мне рассказали, что те же три качества рождают

великую паутину иллюзии, которой является этот мир. Я узнал, что законы, царящие в космосе, верны и для самой маленькой его частицы и для человека. Ведь до начала существования мира есть только разум. Материя существует в потенциале и неотделима от сознания. Ведомый Амаром Пури, я визуализировал спокойное зеркальное озеро, отражающее лишь самое себя, которое Баба описал как Космический Ум. На этом этапе все есть То, все есть Одно. Таков же потенциальный ум в человеке, где затем происходит различение. Падает маленькая капля, первичное желание индивидуальности, и вот происходит разделение, разбивающее зеркальное озеро на части, вызывающее рябь на его поверхности, и так появляется индивидуальность или эго, то есть движение, отличающееся от первичного покоя. Родилось Другое, а с ним и три природных типа, или "гун", побуждающих потенциальный мир проявиться.

Если будет присутствовать только саттва, то есть сбалансированное, эго будет всегда прозрачным, и движение будет оставаться в потенциале. Раджас, активное, является агентом Того, оно привлекает, трансформирует и ассимилирует. Тамас, пассивное, это агент Другого, оно отвращает и поддерживает изоляцию вещей. Активное вместе со сбалансированным привлекает материю к разуму и создает пять органов познания: обоняние, вкус, зрение, прикосновение, слух, плюс организующий ум.

Эти пять органов познания воспринимают и тем самым дают жизнь пяти элементам мира: обоняние воспринимает Землю, вкус - Воду, зрение видит Огонь, прикосновение распознает Воздух, а слух - Пространство. Напряжение между активным и пассивным формирует пять элементов. Элемент Пространства, будучи наименее плотным, содержит и пропитывает остальные четыре элемента. В этом элементе доминирует Активное. На противоположном полюсе элемент Земли в силу своей плотности поддерживает обособленность и форму. Это агент Пассивного. В середине находятся элементы Воздуха, Огня и Воды, которые отражают различные степени взаимодействия Активного и Пассивного.

- Но как мы можем увидеть скрытую деятельность Вселенной? - спросил я Баба.

- Эта деятельность проявляется в знаках, - ответил Амар Пури. Он объяснил, что тело полно знаков, которые не только отражают небеса и взаимодействие небесных тел, но и земной мир с его пятью элементами. Баба показал мне, как игра

между Активным и Пассивным в человеке отражается на его лице. Форма и размер глаз и других органов, цвет и текстура

кожи и волос, а также другие знаки являются буквами языка, при помощи которого можно прочитать целую историю. Так, например, можно понять состояние здоровья человека, ведь если один из пяти элементов преобладает, можно восстановить баланс.

Еще Амар Пури Баба учил меня читать небо.

- Смотри, - сказал он прямо перед рассветом, указывая на созвездия Ориона и Поллукса. - Орион - это колыбель с тремя детьми: Брахмой, Вишну и Шивой. Бетельгейзе, самая яркая звезда в этом созвездии, это драгоценность и Анасуйя, персонифицированная женственность, мать Повелителя Йогинов Даттатрейи. Поллукс - это ашрам его отца Арти, одновременно находящийся на небе и высоко в снежных Гималаях. Сириус, самая яркая звезда, которая находится чуть ниже Ориона, и есть сам Атри. Совсем рядом с Орионом находится созвездие Большого Пса, состоящее из четырех звезд. Это четыре пса Даттатрейи и одновременно знак четырех Вед. Созвездие Волка это корова изобилия Даттатрейи, Камадхену.

Затем Амар Пури прочитал по звездам историю рождения Даттатрейи так, словно это была обычная книга.

- Также необходимо знать благоприятные и неблагоприятные дни, если и не для собственной пользы, то для того, чтобы давать советы другим, - сказал Амар Пури. Мое представление о времени, как о чем-то линейном, нельзя было сравнить с наблюдениями Амара Пури, в которых было больше циклического. Надо сказать, что не столько движение небесных тел влияло на дела людей, сколько человек и его история являлись отражением того, что было начертано на небесах. А поскольку небесные тела вовсе не являлись инертными объектами, а божественными персоналиями со своими характерами, достоинствами и недостатками, иногда движущимися вместе, иногда конфликтующими, то происходящее на небесах всегда отражалось на Земле. Именно это имел в виду Амар Пури, говоря, что мудрые всегда стремятся соотносить свои действия со всей Вселенной.

Амар Пури Баба пригласил пандита-брамина Вира Ханумана Шастри Джи, чтобы тот учил меня санскриту. Мы занимались по паре часов каждый день. Поскольку пандит совсем не знал английского, языком общения стал хинди. Он учил меня при помощи заучивания. Я понятия не имел, что именно запоминаю наизусть, целью было простое повторение произносимого пандитом. Он задавал вопросы, и единственным приемлемым ответом был тот, что я выучил наизусть, слог в слог.

Я нуждался в какой-то системе и потому начал сам составлять таблицы склонения существительных и спряжения

глаголов. Я чувствовал, что не смогу разобраться со смыслом, если не разложу все по полочкам. Однако на санскрите что-то имело знание лишь в соединении с чем-то другим. Я пытался вообразить координатную сетку, на которую можно было бы нанести границы этого древнего языка, чтобы я смог понять, что именно учу. Однако вскоре я осознал, что санскрит не ограничен какими-то односложными понятиями и что вся общность механизмов языка, грамматика и синтаксис служили выражению идеи. Звуки слов отражали движение в процессе его созидания. Невозможно было применить человеческие правила грамматики для проникновения в тайны природы.

Амар Пури Баба никогда не сидел со мной один на один, как это делал пандит Традиция Знания - это непрерывное служение все двадцать четыре часа в сутки. Люди приходили к Ба-баджи с утра до позднего вечера за советом, излечением или благословением. Он никогда не заставлял меня что-то учить и никогда не давал мне наставлений и учений так, как, по моему мнению, это должны делать все великие учителя, но его передача учений была непрерывной. Несмотря на то, что и Хари Пури, а потом и Амар Пури просили меня прекратить вести записи, я упрямо продолжал это делать, но не на бумаге, а в уме. Я делал заметки, составлял таблицы и диаграммы, которые составили бы вместе стройную систему, но у меня ничего не вышло.

Однажды, когда я с Кедаром Пури Баба собирал в джунглях травы, я нечаянно дотронулся до какого-то жгучего растения, похожего на крапиву, и вскрикнул от боли. Кедар Пури быстро сорвал листья растения, росшего рядом с крапивой, и потер ими мою кожу. В мгновение ока жжение исчезло, и уменшилось покраснение.

- Разве не здорово, - заметил я, - что природа поместила проблему и способ ее разрешения рядом друг с другом?

- Они всегда растут рядом, - объяснил Кедар Пури. - Все это знают!

Тут я понял, что близость одного растения к другому означает, что между ними есть взаимосвязь. Кедар Пури прочел написанное природой, сделал к прочитанному свой комментарий, и я усвоил нечто новое. Если бы я посмотрел, на что опираюсь, то увидел бы растение, отмеченное тысячью маленьких шипов, говорящих мне: "Не трогай!". Я осознал, что для того, чтобы научиться читать Книгу Мира, надо стать внимательным к знакам, которыми отмечены все вещи. Этой же ночью Хари Пури явился мне во сне в первый раз с момента своей сметри. Так же, как и во многих других снах, в которых появлялся гуру, мы сидели на берегу Ганги в месте, которое позже я опознал

как окрестности Хардвара. Он сказал мне, что прекрасно себя чувствует, и я спросил его, где он находится. А учитель ответил, что он сейчас там, где его никто не ищет. "Это что, игра?" - спросил я. Он ответил, если это и игра, то для участия в ней мне потребуется зеркало. Хари Пури дал мне зеркало в оранжевой пластиковой рамке, которое можно было купить на любом индийском рынке, и попросил меня внимательно рассмотреть собственное лицо. Когда я взглянул на отражение, то показался самому себе изменившимся, может быть, старше возрастом. Чуть-чуть повернув зеркало, я увидел собственный затылок, словно позади меня было еще одно зеркало. Обернувшись, я увидел себя отраженным со всех сторон. Я очутился в комнате, полной зеркал, и теперь видел тысячи себя. Небо исчезло, сменившись зеркальным потолком, и когда я взглянул вверх, множество я посмотрело на меня в ответ. Хари Пури исчез, я сидел на самой вершине бездны, в мире, содержащем лишь мое собственное отраженное изображение.

- Ну и сон! - сказал я самому себе, проснувшись. - Фрейд бы удавился от зависти.

Во сне было так много света, что, хотя еще не взошло солнце, весь мир словно сиял. Идя полем к колодцу, чтобы совершить омовение, я видел фосфоресцирующее излучение руд, скрытых под поверхностью земли. Взлянув наверх, я увидел тот же свет льющимся от Венеры-Шукры, уходящей за горизонт туда, где Земля встречается с Небом. Я стал подозревать, что мне что-то подмешали во вчерашнее питье, потому что я видел мягкое мерцающее сияние красного, синего и зеленого, истекающее от стеблей и листьев растений, раскрывающее их тайны и соединяющее их с твердью небесной.

Растения, минералы и звезды, все они похожи друг на друга, подумал я и сел на землю, чтобы помедитировать и совершить практики. Я закрыл глаза и стал повторять пятьдесят один слог. Двигаясь по вокальной дуге, я вдруг нашел каждый слог отраженным в ночном небе звездой. Казалось, что слоги и звезды занимают одно и то же место, разделенные лишь поверхностью зеркала. Но поиск аналогий на этом не закончился.

Мое собственное лицо стало небом, глаза -солнцем и луной. Тело стало Землей, плоть - почвой, прикрывающей кости-скалы, мои вены - великими реками, а внутренние органы - недрами Земли, скрывающими драгоценные металлы. Я понял, что мои уши были отражением Пространства, по которому движется звук. Дыхание было ветром, Воздухом, который позволяет дышать этому физическому миру, который я могу ощутить кожей и потрогать руками. Мои глаза отражали Огонь, вкус - Воду, а нос -

Землю.

Существовало нечто, что заставляло вещи быть похожими друг на друга. Я всю свою жизнь искал разницу, пытаясь навести порядок среди изолированных предметов, основываясь на научных терминах, содержащих все знание современного Запада. Теперь я начал видеть мир и самого себя по-другому. Все было объединено друг с другом.

То, как организована Природа, может показаться хаосом, но в ней нет ничего случайного. Когда я увидел, что Природа поместила яд рядом с противоядием, то понял, что между ними есть внутренняя связь, похожесть в принадлежностях, движениях и внешнем воздействии. Слоги и звуки связаны вместе, поэтому они соприкасаются и изменяют друг друга. Все в мире соотносится с чем-то еще, и так все связано в огромную цепь мира.

Но еще я увидел схожесть, которая не определялась близостью, понял, что вещи могут быть похожими и влиять друг на друга, даже не соприкасаясь. Они могут взаимоотражаться, имитировать друг друга, быть похожими как две капли воды, находясь очень далеко друг от друга. Я вспомнил, как Хари Пури Баба объяснял способ достичь любой точки во Вселенной меньше, чем за секунду. Каково расстояние между лицом и его отражением в зеркале? Какая связь заставляла мое отражение улыбаться, когда это делал я? Я понял, как связаны отражениями вещи, отстоящие далеко друг от друга. Собаки лают на полную луну. Меркурий передает свою страсть человеку, рожденному под знаком Близнецов. В этом смысле между вещами не было расстояний, ведь они отражали друг друга. Однако вещи, соединенные на расстоянии, не обладают одинаковой силой. Как сила звезд превышает силу человека, так и луна сильнее приливов.

Затем я увидел, что связи в мире отражаются и в космосе. Как мое лицо относилось к телу, так же лицо рая относилось к пространству. Взаимоотношения между божественными телами отражали взаимоотношения между мной и миром, взаимоотношения людей и всех предметов в мире. Я почувствовал, что биение пульса отражало движение луны, планет и звезд в небе.

Жидкость, текущая по моим венам, была сродни великим рекам, насыщающим землю так же, как кровь насыщает тело. Мой разум был микроскопическим отражением Космического Ума, а моя сокровенная сущность была маленькой искоркой Мирового Духа.

Я повторил пятьдесят одно имя Матери Богини, создав

ожерелье из пятьдесят одного слога, которое легло на ее лебяжью шею и сформировало мое собственное внутреннее небо, которое в свою очередь отразило небесный свод со всеми небесными телами.

Затем я увидел связь между вещами, зависящую от пространства и отражений. Эта связь была рождена силой Того, притягивающего все вещи. Раджас, Активное начало, заставляло вещи двигаться и видоизменяло их. Оно заставляло воду падать с небес на землю и снова поднимало воду с земли в небо. Оно заставляло корни растений тянуться вниз в поисках воды, чтобы у растений были силы тянуться к небу. Оно притягивало жертвоприношения в огонь и дым от сожженных жертвоприношений к небесам, чтобы ими смогли насладиться боги. Оно обладало силой делать вещи похожими друг на друга. Именно это начало притянуло меня в Индию, к йогинам и Хари Пури Баба. Оно дало мне новую жизнь и заставило жить по-новому.

Если не приглядывать за Активным началом, оно, подобно великому пожару, поглотит весь мир и превратит его в однородную массу чистого пепла дхуни. Но этого не происходит, потому что в мире всегда присутствует противоположное Пассивное начало в виде инерции, разделения и различения, тем самым сдерживая Активное.

Язык, которому меня учили, создал сеть, растянувшуюся по Вселенной от края до края. Я научился находить растение брахми (Васора mon-nieri) по его двойным листьям, напоминающим полушария человеческого мозга. Таким образом растение показывало, что может влиять на функции мозга. Также я узнал, что усилить это влияние можно, смешав листья растения с растертым миндалем или грецким орехом. Эти орехи тоже были похожи на уязвимый человеческий мозг, скрытый за броней черепа. Скорлупки орехов использовались для того, чтобы лечить повреждения черепа. Как иначе можно было отличить женьшень от других растений, если не по форме корня, напоминающего человеческое тело, что говорило о тонизирующих функциях растения? Теперь я знал, что растение брахми охлаждает подобно луне, потому что у него горький вкус. Все растения говорили молчаливым языком с теми, кто говорил на нем, раскрывая секреты стеблей, листьев и корней, которые Природа наполнила знаками и символами, привлекающими наше внимание к скрытым связям.

"Я ли это еще или уже кто-то другой?" - спросил я себя, чувствуя себя иначе, взлянув на Вселенную новыми глазами. Я не решился посмотреть на себя в зеркало, но внимательно

рассмотрел руки и ноги, чтобы убедиться, что это все еще мое тело, потому что чувствовал себя так, словно стал каким-то другим человеком.

ГЛАВА 17

Скала Дунгри резко поднимается на триста метров из поросшей кустарниками равнины, окружающей древние холмы Аравалли в северном Раджастане. Дунгри состоит из одних камней, на нем нет следов человеческого жилья, но это вовсе не мертвая скала. Очень немногие знают, что холм наделен персональностью. Разве Дунгри не подпись Шивы, а потому проявление самого бога? Разве один этот факт не вызывает к жизни скрытое? Это не руды, погруженные в скалы, а дух, погруженный в материю. Разве мне не было это ясно тогда, как ясно сейчас?

Хира Лал, живший в маленькой деревушке поблизости от скалы, никогда не слышал о Дунгри и никогда не уходил дальше, чем на километр от дома. Безграмотный четырнадцатилетний мальчик, никогда не ходивший в школу, Хира Лал проводил дни, приглядывая за козами, принадлежащими его семье. Каждый день был повторением предыдущего: мальчик отводил коз на вытоптанный участок на краю леса и весь день спал, видя расплывчатые, мутные сны. Он очень мало говорил, потому что ему было нечего сказать. Но Хира Лал был наблюдателем, он любил замечать скрытое.

В один из жарких дней, когда манго только начинают поспевать, Хира Лал как обычно бросил свою потрепанную одежду наземь и приготовился к отдыху в тени великого дерева ашока. Мальчик взглянул на нижние ветви дерева и увидел там зеленого попугая, который не был похож ни на одну из виденных им прежде птиц. Кончики крыльев и хвоста попугая были золотыми, а хохолок отливал красным. К великому удовольствию мальчика, птица опустилась на землю совсем рядом с ним.

Хира Лал бросился на бедную птицу, желая поймать ее, но той удалось упорхнуть в кусты в метрах пяти от него. Мальчик был столь очарован птицей, что совсем забыл о козах и начал преследовать ее в джунглях, пока не дошел до реки и понял, что потерялся. Он стал ходить кругами, снова и снова возвращаясь к потоку, пока не почувствовал легкий запах дыма. Следуя за ним, мальчик вышел к поляне с небольшим холмиком, в котором виднелось отверстие пещеры. Тонкая струйка дыма поднималась из отверстия. Хира Лал подполз поближе и спрятался в кустах.

Он вначале не понял, что странное существо, сидящее на пороге пещеры, это старый обнаженный человек, чьи перепутанные волосы спускались до земли. Хира Лал вообразил, что это должно быть бог Кубера, Повелитель Земных Духов,

охраняющий пещеру, в которой спрятаны богатства и сокровища Земли. Инстинкты мальчика говорили о том, что нужно бежать прочь, но любопытство заставило его остаться. Хира Лал подполз поближе к человеку, который, как он уже понял, был старым баба, больше смахивающим на маленькое баньяновое дерево, чем на человека, потому что на его спутанных волосах цвели лесные орхидеи.

В какой-то момент баба заметил мальчика. Его глаза налились кровью, и гнев переполнил все его тело. "Это я наблюдатель, а не ты, маленький ублюдок!" - заорал он.

Слабый ум Хира Лала не выдержал такого. Мальчик повернулся и побежал, и бежал до тех пор, пока не настала ночь. На следующий день животные инстинкты довели его до деревни, но к тому времени его мозги уже спеклись. На лице застыло пустое выражение, мальчик не мог говорить, есть или пить без посторонней помощи, но каждый раз во время грозы мальчик падал на землю, прижимаясь к ней всем телом. Семья подумала, что мальчик одержим, и на всякий случай привязали его толстой конопляной веревкой. Позвали экзорциста, который привел родственниц мальчика в транс, но мальчик продолжил лежать там же, где и лежал. Экзорцист танцевал, бросал в огонь подношения, все громче взывал к миру духов, но ответа не было. Тогда родственники позвали целителей, которые слушали его пульс, смотрели язык и глаза. Все напрасно, здоровье у мальчика было крепче, чем у быка.

Через две недели после происшествия Хира Лал упал на землю и стал кричать:

- Снимите с меня эти веревки! Немедленно снимите их!

Он не только начал говорить, но и стал вкладывать в произносимое весь пыл и авторитет.

- Дитя, мы не можем снять с тебя веревки, они для твоей же защиты.

- Идиоты! - взревел мальчик. - От чего вы меня защищаете? Мне ничто не может повредить. Снимите путы немедленно.

Все ужасно испугались и на всякий случай дважды прикоснулись к мочкам ушей.

- Неудивительно, что местный экзорцист ничего не нашел, - закричал отец Хира Лала. -Это, должно быть, очень мощный злой дух!

Старый деревенский священник сделал шаг вперед и спросил:

- Кто ты?

- Ага! Наконец-то хоть кто-то догадался, что я вовсе не тот, за кого вы меня принимаете! Но все равно вы все идиоты! - проворчал Хира Лал. Тут мальчик объяснил испуганным

родственникам, что Хира Лал ушел и никогда не вернется. Он согласился не причинять никому вреда, но сказал, что раскроет свое имя, лишь когда с него снимут веревки и принесут стул. Незнакомец отказался сидеть на земле, как это делали все остальные.

Усевшись, он сказал, что его зовут Баба Джай Рам Пури и что он бродил в лесах по меньшей мере последние пару сотен лет. Священник отказался верить мальчику на слово, пока не будут представлены доказательства силы. Он тут же пожалел, что сказал это, потому что с губ Хира Лала сорвался поток ведических мантр, заставивших землю трястись, а птиц - покинуть свои гнезда. Затем Хира Лал стал ругать священника на санскрите такими словами, что из-под земли начали вырываться струи серы.

- Ты хочешь "чамака", вспышки? Отвези меня в Дунгри Махадев! - потребовал он.

- На скалу Дунгри? Зачем?

- Позовите Амара Пури Баба и Фула Пури Баба, - потребовал он. - Сотня тысяч людей скоро будут приветствовать меня!

Вернувшись в Амлода Кунд после семилетнего перерыва, я почувствовал, что круг замкнулся. С одной стороны, я наконец-то "прибыл" туда, где "всегда был". С другой, здесь появились новые баба. Я стал одним из старших гуру-бхаев и видел, как младшие братья проходят сквозь то, что я уже прошел. Я был не единственным, кто поймал нужный момент и понял, что надо побыть радом с Амаром Пури, посетить старые места и навестить старых приятелей. Кальян Пури Баба прибыл из Омкарешвара. Даршан Гири Баба - из Кундел Гуфы, что находится рядом с Индором. Серебробородый Рагунатх Пури приехал из Канпура вместе с некоторыми местными садху. Каким-то образом все они почувствовали, что что-то скрытое должно вскоре стать явным.

Я уже мог читать Книгу Мира, не очень бегло, но достаточно хорошо для того, чтобы чувствовать себя удовлетворенным. Но это было не то маленькое удовлетворение, которое я чувствовал, спокойно читая рекламу на хинди, что-нибудь вроде "Кола-Кола - всегда".

Я увидел Амлоду по-новому. Меня больше не волновало, что значат все эти вещи: волшебный горячий ключ, дхуни, дерево духов, не было важно даже то, каково их назначение. Теперь я концентрировался на их грамматике, синтаксисе и комментариях. Иногда я смотрел на собственные руки и пытался понять, мои ли они. Оставался ли я все еще собой? Почему-то мне так не казалось.

Немалое значение имело, что именно в среду, день

Меркурия, прибыл долговязый Фул Пури, Ма-хант Удайпурьи, который был примерно того же возраста, что и Амар Пури. Он был призван разрешить загадку того, зачем мы здесь собрались.

- Появился мальчик, который утверждает, что он Джай Рам Пури Баба, наш Джай Рам Пури Баба из Удайпурьи!

- Который Джай Рам Пури? - спросил Амар

Пури Баба.

- Старик, - ответил Фул Пури, - гуру Удай Пури Баба, который построил Удайпурью сотни лет назад.

- Подожди, - сказал Амар Пури, ничуть не убежденный. Он вытащил из-под тигровой шкуры астрологический альманах. - Почему ты поверил, что мальчишка действительно тот самый старый баба? У него что, есть удостоверение личности? - усмехнулся Амар Пури, пролистывая страницы одну за другой.

- Все из-за сообщения, которое он мне послал, - ответил Фул Пури, завязывая пушистую белую бороду узлом под подбородком. - Он написал: "Видишь, твое здание из камня и известняка уже рушится, а мое тело все еще полно юности и сил".

Сотни лет назад, когда Удай Пури Баба и Джай Рам Пури Баба, чела и гуру, странствовали по Рад-жастану они наткнулись на источник и остались рядом с ним на несколько лет. Это место так понравилось Удаю Пури Баба, что он построил там ашрам. Однако, когда строительство было завершено, Джай Рам Пури Баба объявил, что собирается уходить и проклял своего ученика, говоря, что его ашрам закончит свои дни среди шумного базара, что тело Джай Рам Пури проживет дольше, чем построенное Удаем Пури. Затем Баба отправился к скале Дунгри, которую он всегда называл Дунгри Махадев, Великий Бог. Никто не слышал о его смерти, зато время от времени появлялись сообщения о том, что старый баба бродит то тут, то там.

- Он прислал тебе и мне приглашение поприсутствовать на празднике на вершине скалы Дунгри, - продолжил Фул Пури, - поэтому я приехал, чтобы отправиться туда вместе с тобой.

Как и предсказывал Джай Рам Пури, больше сотни тысяч людей собралось, чтобы поприветствовать его. Они приехали на автобусах, повозках, такси и скутерах, но большинство все же пришло пешком. Сверху скала казалась Шива-лингамом, убранным цветами всевозможных оттенков. Верующие прибыли поприветствовать возвращение Старого Баба.

Проезжая дорога закончилась незадого до холма. Два джипа, поднатужившись, выплеснули из своих недр небольшую толпу, в которой насчитывалось целых семнадцать садху. Мы стали прокладывать путь сквозь плотную толпу, люди прикасались к нашим ногам, некоторые давали монетки в качестве дакшины.

Вскоре за нами следовали сотни. Отовсюду слышались приветствия, многие из наших последователей присоединились к нашей группе. Вскоре подошел какой-то человек с длинными спутанными волосами, одетый в грязную набедренную повязку.

- Вы меня узнаете? - спросил он меня знакомым голосом на великолепно поставленном английском, в котором сквозил акцент британской школы в Гвайлоре. Я бросил на него взгляд и подергал себя за бороду. - Вы смотрите в точности как ваш гуру, - заметил он. И тут я понял, что вижу перед собой доктора Ратора.

Он рассказал мне, что оставил профессию медика, чтобы стать баба.

- Это было единственное, что я мог сделать, -объяснил он. Его очень впечатлил Хари Пури Баба. - Вы знаете, что его мозг был мертв все то время, которое Бабаджи провел в больнице?

Амар Пури Баба дал мне одиннадцать рупий.

- Смотри, сынок, когда я дам тебе знак, что этот мальчик действительно Баба Джай Рам Пури, ты дашь ему дакшину, - сказал он.

- А вы что думаете, Бабаджи? - поинтересовался я.

- Все знаки говорят, что это правда, но прежде надо увидеть его собственными глазами, - ответил Амар Пури.

Кедар Пури потянул меня за руку.

- Дай мне денег на дакшину, Рам Пури. У меня ничего нет.

Я нашел две банкноты в пять рупий и одну рупию монеткой в сумке желаний и отдал их гу-ру-бхаю.

- Но я знал, что несмотря на это он продолжал быть в сознании, - продолжил доктор Ратор, - однако тогда это ничего для меня не значило. Но это еще не все. Вы знаете, сколько пациентов туберкулезной палаты вышли потом оттуда собственными ногами? Все считали, что это исключительно мое достижение и стали звать меня волшебником. Потом Хари Пури Баба начал появляться в моих снах с советом не волноваться. Постепенно все мое знание начало казаться мне неважным. Я не мог вылечить этих бедных людей, мог делать только то, чему меня научили, и смотреть, как больные умирают. Я был бессильным, а старый баба, чей мозг был мертв, смог вылечить моих пациентов! К тому времени, когда Хари Пури вернулся в сознание, я уже знал, что встретился с сиддхой, реализованным существом. Я видел, как годы, проведенные в обучении и практике, разрушались перед моими глазами, как здание, построенное на разведенном цементе. За день до того, как Хари Пури ушел из госпиталя, я попросил у него гуру-мантру. Но Бабаджи ответил мне, что уже слишком поздно, он больше не берет учеников. Поэтому я выбрал вас как своего учителя.

- Что? - возопил я. - Вы сошли с ума!

В ответ Ратор рассмеялся странным смехом.

- Я иностранец, аутсайдер в этой традиции, - сказал я. - Ведь есть такие баба как Амар Пури, Фул Пури и многие другие садху, обладающие великими силами, пониманием и мудростью. Стань учеником одного из них.

- Даже Хари Пури вначале предложил именно это.

- Почему же вы не последовали его совету?

- Потому что я хочу получить именно его мантру и ничью другую, так я ему и сказал. Тогда Хари Пури сказал мне, что если таково мое решение, мне придется получить мантру у вас или Кедара Пури Баба.

- Я стану твоим гуру, - заявил тут же Кедар Пури Баба, ударяя себя в грудь.

- Тогда Бабаджи велел мне подождать, пока его тело не похоронят, поставят "мурти", посмертную статую и Шива-лингам на могиле. Тогда нужно будет подождать еще какое-то время, а потом найти Рам Пури и получить мантру у него.

- Не выйдет! - сказал я. - Я не буду этого делать. Найди настоящего индийского баба.

- А почему бы не позволить мне... - перебил меня Кедар Пури.

- Хватит, гуру-бхай! - сказал я.

На вершине уже натягивали большой красивый навес, клали ковры, подушки и валики и ставили единственный стул для Хира Лала. Все остальные сели вокруг, в том числе несколько официальных лиц, офицеры полиции высокого ранга, а также несколько привилегированных, включая священника из деревни, который стал теперь большой знаменитостью. Однако все эти люди встали и подвинулись назад, освобождая место, когда появилась наша группа садху и последователей. Я вглянул на мальчика, и он показался мне маленьким и незначительным. Как он может быть великим баба? - изумился я про себя.

Кедар Пури продолжал приставать ко мне, дергая за руку.

- Мы соберем пятерых гуру, ?ам Пури. Ты дашь ему мантру, я - рудракшу. Ну, а остальные три... Есть много садху, из которых можно выбрать.

- Я сказал нет! - ответил я, начиная сердиться на гуру-бхая. Я никак не мог понять, что со мной происходит, внутри меня была какая-то неясная, свербящая боль.

Хира Лал взревел:

- Ом намо нараян!

"Ну и голос!"- подумал я, изумленный, что такая мощь могла исходить из столь хрупкого тела. Мальчик призвал Амара Пури и

Фула Пури, называя их по имени, и заговорил с ними в грубоватой манере, используя их уменьшительные имена. Эти двое Нага саньясинов были самими главными в этой части Индии, но мальчик разговаривал с ними, как с детьми. Я едва поверил собственным глазам, когда Амар Пури и Фул Пури, которые не кланялись ни одному из земных авторитетов, приблизились к мальчику с почтительно сложенными перед грудью руками, встали перед ним на колени и поклонились, прикоснувшись лбами к его ногам.

- Мальчик одержим, - сказал Ратор. - Это баба, Баба Джай Рам Пури, который как кукольник дергает мальчугана за ниточки.

Услышав такие слова, я почувствовал, что меня охватывает ужас. Все баба простерлись перед мальчиком ниц. Я словно стоял на краю скалы перед бездонной бездной и не хотел делать шаг вперед. Не смотри ему в глаза, сказал я самому себе, но слушай, что он скажет.

Хира Лал выкрикивал имена баба, которые умерли сотни лет назад, так, словно они и сейчас сидели где-то в толпе. Он говорил о Паршуране Пури Баба и Удае Пури Баба. Обернувшись к Ама-ру Пури, Баба сказал ему, что знал его гуру Дарья-ла Пури Баба.

- Мошенник, - отозвался он о нем. - Я был с Сандхья Пури Баба, когда он приехал в Датт Ак-хару из Омкарешвара вместе со своим гуру-бха-ем Пагалом Пури пятьдесят четыре года назад. Тогда пиром был Шив Дайял Пури Баба. А тебя, Кальян Пури Баба, я видел еще ребенком, когда ты приезжал в Датт Акхару тридцать четыре года назад, - сказал мальчик.

Я вдруг вспомнил об одиннадцати рупиях в своей руке. Все уже отдали дакшину но я решил подождать более благоприятного момента. Хира Лал велел Фулу Пури инициировать его от лица Джай Рам Пури Обетом Пяти Гуру, чтобы Джай Рам Пури стал основным гуру мальчика, и того могли бы называть Хира Пури Баба. Он попросил Амара Пури быть среди пяти гуру и дать ему четки рудракши, символ ученичества.

Заметив дакшину у меня в руке, Кедар Пури начал пропихивать меня вперед. Взгляд Хира Лала встретился с моими глазами. Я не смог разрушить установившийся визуальный контакт и почувствовал себя дезориентированным и обеспокоенным.

- Но ты же белый! - сказал Хира Пури Баба. -Хотя... - Глаза мальчика расширились, когда он заглянул в меня глубже, затем он засмеялся и отвернулся.

"Что, черт возьми, он там увидел?" - удивился я. Кедар Пури увел меня прочь.

- Рам Пури, почему ты не воспринимаешь меня всерьез?

- Ты моя большая головная боль, Кедар Пури! - сказал я, высвобождая руку.

- Он мог бы войти в меня, знаешь ли, - сказал Кедар Пури Баба. - Он выбрал тебя, потому что захотел увидеть Америку.

- Кто? Что? - спросил я, потрясенный до глубины души.

- Ты что, совсем меня не слушаешь?! - спросил он. - Гуру Джи! Хари Пури Баба, конечно!

Это был удар ниже пояса.

- Да я не про Америку, а про одержимость! -закричал я. Кедар Пури, должно быть, имел в виду, что я знаю, что тоже одержим, как это знают все остальные.

Я уже не нуждался в ответе и не стал бы его слушать, даже если бы Кедар Пури заговорил, потому что кровь барабанами била в ушах. Я захотел ударить гуру-бхая, но это было бы равносильно убийству посыльного, принесшего дурные новости. Мои ноги ослабели, в желудке была странная пустота, мир начал кружиться вокруг меня все быстрее и быстрее. Я одержим! Хари Пури находится внутри меня!

Так вот почему некоторые ученики начинают вести себя так же, как их умершие гуру. Вот почему иногда, когда я говорил, то понятия не имел, откуда приходят идеи и слова. Вот почему у меня появился такой же голос, как у Хари Пури. Чтобы я мог говорить ЕГО слова!

Однако я слишком тороплюсь с выводами. Нужны какие-то доказательства, что это правда. Я попытался привлечь внимание Амара Пури или Даршана Гири, Чилима Пури, Серебробородого Рагунатха Пури, но все они были где-то в семнадцатом веке вместе со Старым Баба. Меня затопила река тревожных мыслей, когда я понял, что все, кроме меня, знали, что именно происходит. Неужели я настолько чужд им, что являюсь отщепенцем даже среди аутсайдеров? Чему я научился за прошедшие годы? Может, мое тело и дух были лишь раковиной для духов, которые входили в него и жили там, как паразиты?

В этот момент охватившего меня безумия все стало кристально ясно. ОНИ были врагами. Амар Пури, Кедар Пури и все прочие были конспираторами, которые надевали мне на глаза повязку, обманывали меня и смеялись за моей спиной. Глупый-глупый белый парень. Хватит, это зашло слишком далеко! Пришла пора уходить.

Я отпихнул бедного доктора Ратора с дороги и попытался пробраться сквозь толпу. Кедар Пури не мог понять причины моего шока и гнева, но он знал, что в такие минуты лучше оставить меня одного. Ослепленный отчаянием, я сбежал по склону скалы, мысли рассеянно метались, я был оглушен

громкоговорителями, барабанщиками и музыкантами, поющими хвалы Великому Богу.

- Неужели даже мысли и идеи тоже не принадлежат мне? - воскликнул я. Как определить, какие из них мои, а какие - Хари Пури? Или идеи тоже духи, которые живут в раковинах человеческих тел и умов? Я идентифицирую себя с мыслями, которые считаю произведением собственного ума, но, быть может, они на самом деле мне не принадлежат? Может, я вовсе не владею этой интеллектуальной собственностью. Может, мысли вообще не могут никому принадлежать, они - существа, не имеющие физических тел.

По мере того, как толпа становилась все реже, мой шаг ускорялся. Но, к сожалению, я пошел в неверном направлении и вскоре очутился в джунглях. Я огибал кусты, перепрыгивал через поваленные деревья и небольшие камни. Чувство того, что надо как можно быстрее убраться подальше от Дунгри, гнало меня вперед. Но убежать от кого и от чего?

Я чувствовал себя униженным. Я ведь не разрешал ему овладевать моим телом. Почему он сначала не спросил у меня разрешения? Когда именно он вошел в меня? Наверняка, в этот момент мое внимание было чем-то отвлечено, именно так подобные вещи и происходят. А может, он сделал это, будучи еще живым. Может, он вообще не умирал? Нет, не может быть! Слишком много свидетелей видели его смерть.

Чернильная темнота неторопливо разливалась среди густой растительности, но я не обращал на это ни малейшего внимания. Я был поглощен воспоминаниями о пяти годах, прошедших со времени ухода Хари Пури Баба. Несколько лет я каждый день медитировал перед его могилой и памятником. Тогда я так много разговаривал с ним и видел о нем так много снов. Должно быть, все это время он был внутри меня. Но когда же это произошло? Я вспомнил боль, которую почувствовал, когда ударился копчиком. Точно! Копчик побаливал до сих пор. Подонок. Итак, теперь нас все время двое. Хорошо, подумал я, давай, веди мое тело через джунгли, а я отключаюсь.

Однако было похоже, что в той машине, которую я называл собственным телом, закончился бензин. И вроде бы я, а не дух, захвативший меня, упал на землю. Я собрал кучу листьев и накрыл их дхоти. Москиты тут же начали пировать редкой в здешних местах кровью обнаженного белого человека. Может, я так и буду сидеть здесь без движения, а Гуру Джи будет поддерживать жизнь в моем теле, размышлял я.

Мысли потекли дальше. Неужели я продал душу в обмен на знания? Когда это могло случиться? Конечно же! Это произошло,

когда я принял гуру-мантру! Или же это было во время принесения жертвы отречения при посвящении в саньясины? Хари Пури говорил, что во время инициации Пятью Гуру, во время которой он дал мне гуру-мантру он сам был лишь свидетелем Гуру Даттатрейя. Неужели Гуру Даттатрейя и есть мой Мефистофель? Все, хватит! - сказал я самому себе.

Я попытался медитировать, наблюдая за своими мыслями, но они становились лишь более разветвленными и многочисленными, быстро росли и переплетались друг с другом, как лоза дикого виноградника в сезон дождей. Может, сходить к экзорцисту? Но Хари Пури посмеется над ним, и потом, как я могу просто выкинуть Хари Пури вон? Почему же никто ничего не сказал мне? Может, они думали, что я так никогда и не догадаюсь? В конце концов, какое это имеет значение? Нет, это имеет значение, и очень большое. Я больше не знаю, кто думает в моей голове и кто говорит моим голосом.

Сидя в темноте, я вдруг осознал, что не одинок Где-то в ветвях деревьев сидели вороны, сонно кивающие головами и ждущие, когда же я позову их, чтобы они могли сделать доклад о том, что видели и что делали. Но, конечно же, это знал не я, а он. Я слышал шебуршание мартышек где-то над головой, и раздающееся в ночи заунывное уханье сов. Были еще два демона, с которыми я познакомился в Каши, двое привратников внушающего ужас бога Махакала Бхайрона, одного из проявлений Шивы. Их простыми, но очень древними именами были Неуверенность и Сомнение. Разве я виноват в смерти брамина и должен буду вечно носить в своей руке череп убитого и просить подаяния до тех пор, пока грех не будет искуплен, подобно Махакал Бхайрону, отсекшему пятую голову Бога-Создателя Брахмана? Неужели так будет, пока я не посещу все святые места в течение двенадцати космических лет, полного цикла космического Гуру-Юпитера, чей знак был отражен на моем лице? Или же я буду носить в себе только дух учителя?

Мне хотелось пустить корни в землю джунглей и смешаться с ней, достигнув покоя. Но Неуве-

ренность гналась за мною подобно черному псу Бхайрона и четырем псам Даттатрейи. Мне казалось, что я слышу лай вдалеке. Что делают баба? -спросил я самого себя - Ничего, - таков был ответ. Они просто слоняются то туда, то сюда.

- Двигайся! - скомандовала Неуверенность, чьи тонкие юные черты лица не сочетались с неожиданно проявленной властностью.

- Покинь это место! - приказало Сомнение. Его лицо было сокрыто туманом. - Возвращайся в свою Ам-рику! - закричало оно.

- Там ты будешь в безопасности.

- Тебе здесь не место, - согласилась Неуверенность. - Чему они тебя научили, эти великие гуру? Ты свободен? Беззаботен? Богат? Или у тебя за спиной есть баба? Чего ты достиг помимо того, что разорвал связь с источником собственного существования? Ты не добился ничего.

- Я многому научился! - воспротивился я.

- Например? - поинтересовалось Сомнение.

- Я узнал, как мир и природа соединены в развернутой иллюзии, а также как знаки и символы раскрывают скрытую сущность мира, - похвастался я.

- Даже если это и имеет какое-то отношение к современному миру атомной энергии и реактивных самолетов, в чем лично я сильно сомневаюсь, позволь мне задать тебе один важный вопрос: ты говоришь это или все же он? Чье это знание, парень, твое или его?

Сомнение было право, с этим я не мог не согласиться. Это говорил не я, и это было не мое знание.

- Не очень-то ты и сопротивлялся, - сказала Неуверенность. - Тебе пора идти. И мы тоже должны уйти до восхода солнца. Мы, знаешь ли, больше любим ночь.

На следующее утро я бродил в поисках тропинки, которая вроде бы была совсем рядом вчерашним вечером. Полдня я продирался сквозь заросли, пока не добрался до пастбища. Там молодой пастух примерно того же возраста, что и Хира Лал, предложил отвести меня до дороги. Взглянув на свои руки, я увидел, что все еще сжимаю одиннадцать рупий. Я отдал мальчику его дакшину.

ГЛАВА 18

- Куда направляешься? - спросил меня велорикша, крутя педали своей трехколесной повозки в такт моим шагам. Покрывало плотной пыли повисло над Джайпуром, усиливая и без того обжигающую летнюю жару. Должно быть, у продавцов холодных напитков сейчас нет отбоя от покупателей.

- Залезай, - сказал рикша. - Я отвезу тебя, куда захочешь.

Ветерок приятно обвевал мою обнаженную грудь, когда велорикша начал крутить педали все быстрее, везя экипаж по широким улицам. Я не сказал ему адреса, но тот, похоже, знал, куда меня надо везти.

- У меня нет с собой денег, - сказал я, втайне надеясь, что он не остановится.

- Неважно, - ответил он. - Ты ведь иностранный баба, верно?

Рикша мог иметь в виду под словом "баба" все, что угодно, но, соединив несоединимое: "баба" и "иностранный", в его сознании появилось лишь одно место, в которое можно отвезти подобного человека, а именно - в отель "Шива". Это не ашрам, да и к Великому Богу там мало что относится, скорее это счастливый уголок хиппи, временами превращающийся в опиумный притон. В ухоженном саду было кафе, всегда полное иностранных искателей знаний и приключений и простых туристов.

Велорикша довез меня до места, и я не заметил, как он уехал. Должно быть, это один из духовных союзников Хари Пури, подумал я. Ведь он же прочитал мои мысли. В этот раз я имел в виду именно свои мысли, потому что жаждал очутиться в знакомом окружении, а отель "Шива" был близок к нему, как ничто другое в этой стране.

Был вечер, солнце уже готовилось опуститься за горизонт. Несколько иностранных пар вышли прогуляться в сад, чтобы понаблюдать, как небо окрашивается в нежно-оранжевые и пурпурные тона. Они показались мне такими же чужими, как, видимо, и я им. Я был обнажен по пояс, дхо-ти порвался в неравной борьбе с колючими растениями, а ноги выглядели так, будто я пешком добрался сюда из Сибири. Я сел за ближайший столик, пытаясь решить, что делать дальше, и проверил сумку желаний на предмет завалявшихся монеток. "Ну пусть там найдется хоть что-нибудь!" - прошептал я, глядя, как улыбающийся официант в дурно сидящей униформе приближается к моему столику. Что я говорю? - подумал я. Он дал мне сумку и должен был позаботиться, чтобы в ней что-то было! Сколько может стоить чай в подобном месте? И тут я нашел

замусоленную банкноту в пять рупий. Неужели она была там с самого начала? Если была, то я должен был отдать ее велорикше.

Вдруг я услышал знакомый голос с незабываемым акцентом, звучавший прямо позади меня. Я прислушался. "Ледяной дворец..." - услышал я. Неверными шагами я обошел столик, за которым сидел молодой человек вместе с парой англичан и уставился на него. Он изменился.

- Да? - спросил он, улыбаясь. - Баба? - Он всегда был очень вежливым.

- Судно, - сказал я.

- Судно? - не понял он.

- Ну, знаешь, паром от Карачи до Бомбея? - промямлил я. - Семь, может, восемь лет назад.

Это точно он.

- Конечно! Ты тот самый американец. О Господи, как я рад снова видеть тебя! - сказал он, вскакивая. -А ты совсем м-м-м, совсем как местный. - Он засмеялся и обнял меня. - Только не говори мне, что все это время провел в Индии. - Его улыбка была заразительной.

Если бы я встретил его на улице, то прошел бы мимо, не узнав. Исчезли длинные черные волосы, усы д'Артаньяна, исчезла ярко-оранжевая рубашка и шлепанцы из "Тысячи и одной ночи". Теперь Картуш больше был похож на цыгана, продающего подержанные автомобили. Его волосы были напомажены, короткие усы выглядели так, будто их каждый день тщательно расчесывали щеткой. На нем была цветистая рубашка из полиэстра, брюки-дудочки и кожаные туфли.

- Вижу, ты больше не пытаешься стать баба, -сказал я ему.

- Торгую кристаллами кварца, - ответил Картуш. - Здесь, в Джайпуре, они очень дешевы, а в Лондоне их неплохо покупают. Целительные кристаллы теперь в большой моде, - объяснил он. - Так же, как всякие гуру йога и прочее...

Его сильный французский акцент смягчился, чувствовалось влияние Лондона. Глаза не глядели на меня прямо, но тем не менее Картуш внимательно меня рассматривал.

- Ну и как, камни помогают? - спросил я.

- Они думают, что да, - ответил Картуш и пригласил меня пожить несколько дней вместе с ним, пока он не закончит закупку камней.

Хотя я совсем немного общался с Картушем более семи лет назад, я чувствовал к нему большую привязанность. Из всех людей на Земле, которых я знал, я не мог бы наткнуться на более подходящего человека. На самом деле, я только сейчас начал понимать, какое влияние оказал этот человек на мою жизнь. Сам

того не понимая, я пытался подражать ему, не его мыслям, предпочтениям или привычкам, с которыми я был незнаком, но самой его личности или, скорее, моему представлению о ней. Годами я выстраивал отношения с человеком, который существовал лишь в моих мыслях. И вот Картуш передо мной, совсем не такой, каким он жил все это время в моем воображении.

- Так почему ты так и не стал баба? - спросил я его, почему-то чувствуя себя преданным.

- Я не был готов к аскезе, - ответил он. - Я люблю вино, женщин и песни. Это был великолепный опыт, но теперь у меня есть другие дела. - И тут Картуш широко улыбнулся.

В ту ночь на корабле я очень серьезно отнесся к его словам. Записи, сделанные в моем дневнике, стали основанием, на котором я построил свою жизнь среди садху. Я вспомнил о матери, которая рассказывала в свое время об одном из специалистов по воспитанию детей, который в середине пятидесятых читал лекции и даже написал книгу. Моя мать посетила несколько его лекций, а потом прочитала книгу. Ее так впечатлили его знания и понимание детской психологии, что она применяла его теории на мне. Через некоторое время психолог неожиданно исчез, и она встретила его на какой-то вечеринке много лет спустя, когда я уже стал совсем взрослым. Мать спросила его, почему он не продолжил читать лекции и писать книги, как это сделал доктор Спок. Психолог ответил, что обнаружил, что его теории не работают, и потому сменил профессию на биржевого брокера.

У Картуша была память не хуже, чем у компьютера, поэтому, когда я напомнил ему про ночь на корабле, он вспомнил гораздо больше подробностей, чем я мог себе вообразить. Он помнил мою вышитую наплечную сумку и афганский чилим, украшенный кусочками разноцветного стекла, которые выглядели как настоящие драгоценности. Обе эти вещи давно исчезли как из списка принадлежащих мне вещей, так и из моей памяти.

Картуш был впечатлен моим владением хинди даже больше, чем рассказом о прошедших семи годах. Я рассказал ему о Хари Пури, о времени, проведенном рядом с Амаром Пури, о других баба, которых я повстречал, и о переданных мне учениях. Мои истории его порадовали, и он сказал мне, что я продвинулся в деле становления баба гораздо дальше, чем он сам.

- Почему ты послал меня именно к Хари Пури? - спросил я его.

- Я дал тебе список в пять страниц длиной, -ответил Картуш, кладя деревянный ящик, полный разных камней, к себе на

кровать. - Это ты сделал выбор.

- Ну хватит, Картуш, - фыркнул я. - Ты же знаешь, что это не так. Я никогда не сомневался, что ты направил меня именно к нему. Может, ты и не говорил о нем много, но из того, что ты рассказывал о Гуру Джи, все и так было понятно. Ты знал, что я отправлюсь именно к нему.

- Подожди. Рам Пури, - в первый раз Картуш назвал меня именем, данным мне при посвящении.

Он присел на кровать рядом с "сундуком сокровищ" и взглянул мне в глаза. - У тебя есть какая-то проблема? - спросил он с неподдельным участием. - Ты кажешься самым счастливым человеком в мире. И все же я слышу в твоем голосе какие-то странные нотки.

- Да нет никакой проблемы, - соврал я. -Я просто хочу дать понять, какое влияние ты иногда имеешь над другими. Знаешь ли ты, каковы эти люди, к которым ты меня послал? - спросил я.

- А что, ты бы предпочел, чтобы я отправил тебя к крестьянам? - удивился он.

- Нет, - ответил я. - Но тебе не кажется, что ты был в этом несколько, как бы сказать, безрассудным?

- Мы оба безрассудны, Рам Пури. Ты легко смог бы найти себе Гуру в Муктананде или даже в Махариши Махеш Йоге, но я знал, что это тебе просто не подойдет.

- Я имею в виду, что не был готов к тому, во что ввязался, - сказал я. - Ты хоть понимаешь, какие силы замешаны в этом, о чем вообще говорит эта Традиция Знания?

Картуш снова улыбнулся и зажег сигарету. Он предложил сигарету и мне, но я отказался. Он сказал:

- Неужели ты думал, что Традиция Знания будет не более, чем хобби? Ты воображал, что можно получить Нектар Бессмертия, не пожертвовав для этого своим телом, умом и всеми ресурсами?

- Слова, Картуш, это просто слова! - заметил я.

- Верно, мой дорогой Рам Пури, слова могут быть просто словами, - сказал в ответ Картуш. -Посмотри, чем они стали для нас. Слова перестали быть символами взаимодействия миров и стали служить капризам человека и его рациональным суждениям. Мы используем слова как часть западной системы современных непостоянных идей, чья сущность полностью противоположна Традиции Знания.

- Да, но есть кое-что, что ставит под вопрос все, что я выучил до этого, - сказал я.

- Да, и что? - поинтересовался он.

- Картуш, я одержим, - сказал я тихим голосом.

Мой собеседник расхохотался.

- Я и сам бы мог тебе это сказать. Одержим любовью. Ты похож на зомби, - прокомментировал он.

- Не смешно, - сказал я. - Я одержим духом Хари Пури Баба!

- Значит, у нас есть еще что-то общее, - заметил Картуш, не обращая внимания на драматизм моего признания. - Я тоже одержим. Одержим духом Парацельса!

- Кого? - спросил я, чувствуя, что начинаю терять терпение.

- Во мне живет немец, который родился в шестнадцатом веке в Германии или, по крайней мере, на территории, которую мы сейчас считаем немецкой. Он был алхимиком или тем, что мы сейчас называем алхимиком, - сказал он. - Думаю, в шестнадцатом веке ты и я были знакомы, и нас обоих прокляли: меня, чтобы я никогда не забыл, кем являюсь, и тебя, чтобы не помнил, кто ты на самом деле.

Теперь я точно знал, что Картуш сошел с ума. Но то, что он сказал мне потом, изменило в моей жизни очень многое.

- Ты одержим чем-то гораздо большим, чем Хари Пури Баба, брат мой. Ты одержим духом столь сильным, что он определяет твой способ видения мира, твои связи с ним, то, как ты думаешь и говоришь. Именно он формирует идеи в твоей голове и выбирает слова, которые исходят из твоего рта. Ты одержим... Как бы это назвать?.. Ага, ты одержим своим западным типом мышления. Ты разве этого не знал? - спросил он, почесывая голову.

- Я оставил Запад, Картуш. Сегодня я впервые за долгие годы заговорил по-английски, -возразил я.

- Ты так же можешь навсегда оставить Индию, жить на Западе, и по-прежнему будешь одержим Хари Пури. Сильные духи способны обводить нас вокруг пальца множеством различных способов и использовать наши тела для собственных нужд. Твой взгляд на мир вовсе не является твоим. Он принадлежит великому духу Запада.

- Но я уже давно не мыслю по-западному Я верю в магию, реинкарнацию и привидения! -возразил я.

- Пойми меня правильно, - сказал Картуш. - Я никогда не говорил, что ты одержим одним лишь этим духом. Он является доминирующим, но все же ему приходится делить место с Хари Пури и еще, Бог знает, с каким количеством сущностей и идей. Ты просто считаешь само собой разумеющимся, что то, как ты видишь и понимаешь мир, и является тобой, а все остальное тебе чуждо.

Я вспомнил о том, как отреагировал на известие об одержимости, подумал о том, что являюсь пристанищем для

множества бестелесных духов. Может, самым мощным из призраков был тот, которого привыкли считать нормальным образом мыслей, чувств и вкусов.

- И даже когда внутри тебя поселился Харри Пури, то, что ты считаешь своей нормальной личностью, все время старалось перевести бесценное знание баба в другой формат, - объяснил Картуш. - Как только это у него вышло, ты подумал, что продал душу дьяволу, то есть Другому. -Он начал смеяться.

- Ну что смешного ты нашел на этот раз? -спросил я.

- Только то, что ты подумал, что заключил с Мефистофелем сделку в обмен на знания, а сам тем не менее продолжаешь принижать эти самые знания, пытаясь подогнать их под прежний образ мыслей. Как в сказке про женщину, которая разрезала новую юбку, чтобы поставить заплатки на старую. Нет, так бизнес не делается!

Он снова засмеялся, и мне пришлось засмеяться вместе с ним.

- Но послушай, - продолжил Картуш. - Мы также говорим о призраке человека, который входит в тело другого человека, потому что хочет что-то получить от этого тела и ума. - Картуш пропел, перефразируя алхимика Парацельса:

Он знает, что, как в полных искр небесах,
В нем самом сияют звезды.

- В мудреце отражается весь мир, в котором он живет, и он способен объять его целиком, -сказал Картуш, вываливая камни прямо на кровать и начиная сортировать их по размеру и качеству.

- Где-то в начале семнадцатого века один особенно голодный дух, питающийся мясом думающих людей интеллектуального класса, достиг критической массы и распространил свой способ мышления по всей Европе. Язык, который тогда знали и на котором говорили, перестал существовать. Способы мышления, разговора, письма, все изменилось. Изменился и способ познания. Декарт научил нас, европейцев, что математика, алгебра - это язык Господа, который он использует, чтобы создавать и поддерживать мир. В конце концов, это мнение превратилось в идею о том, что правда есть лишь в царстве человеческого разума. И они назвали этот период Просвещением, Веком Разума!

- Невероятно, - сказал я. - Я никогда не думал об этом с этой точки зрения!

- Язык и мир разъединились. Язык начал выражать идеи человека о мире и перестал быть проявлением самого мира, -

сказал Картуш, сравнивая два удлиненных нежно-розовых камня. Один из них отправился в кучку особенных камней, другой присоединился к обыкновенным.

- Начался процесс создания новой карты мира. Слова потерялись, они более не были знаками, а были обречены жить на страницах книг, откуда их брали для использования в речи людей.

Картуш вытащил из-под кровати чемоданчик и шерстяную сумку оливкового цвета. Он завернул кристалл кварца невероятно нежного розового цвета в вощеную бумагу, а затем положил в маленькую пластиковую сумочку с молнией. Молнии были в Индии явлением еще более редким, чем розовый кварц.

- Вещи превратились лишь в сумму компонентов, их составляющих. Те, кто видели связи между вещами, основываясь на их сходстве, считались провидцами или сумасшедшими, потому что магия перестала быть авторитетом и перекочевала в корзинку с надписью "интересные фокусы". Святые, подобные Хари Пури Баба, которые могли читать природу и книгу как один и тот же текст, были изгнаны за пределы общества

и лишены какого-либо влияния на людей. Видишь ли, сходство перестало иметь значение,

важными стали различия. Великий голодный дух разросся и превратился в серую массу с миллионом ножек. И тогда он отправился переделывать мир, расставляя различия по порядку, чтобы установить связь между алгеброй и переменчивыми мнениями людей, основанными на их так называемом рациональном уме. Кастрированные слова стали компонентами знаний.

- Ух ты, - выдохнул я. - Ты точно ни во что не ставишь Запад, Картуш.

- Я не выношу суждений,- ответил он. -Ведь дело вовсе не в добре и зле, хорошем или плохом. Дело в свидетельствовании и тем самым в видении.

- Великая Тень с великим наслаждением съела Язык, - пропел Картуш со смешным британским акцентом. - Как муравьед, который высасывает муравьев из муравейника, она высосала из Языка всю тайну знаков и символов, полностью опустошив его. Тень оставила Языку одну лишь функцию, словно он был каким-то механизмом, не имевшим никакого права на иное существование.

Я знал, что он говорит правду, потому что этому же меня учил санскрит.

- Язык лишился содержимого. Осталась одна лишь внешняя видимость, - вздохнул Картуш. -Текст перестал существовать так

же, как и комментарий к нему, который был нужен для того, чтобы текст был узнан. Язык перешел от хранителей знания и устных традиций в полное владение рациональной элиты. Само существование Языка стало зависеть от его рационального анализа. Критицизм заменил комментарий и стал критерием точности утверждений, их выразительности и уместности.

- Но то Запад, а это Восток, и "двум полюсам не встретиться". Умеющие читать Мир все еще существуют здесь, а традиция по-прежнему жива и полна сил, - сказал я. - Я знаю, потому что видел это собственными глазами.

- Не обманывай себя. Тебе повезло наткнуться на парочку совершенно потрясающих привидений. Но их число все уменьшается. Помни, что сущностью Великой Тени Запада является то, что человек, одержимый ею, стремится нанести всю Вселенную на собственную карту, и, конечно, это касается и Индии. В Индии Традиция является субъектом, а не объектом знания. С западной точки зрения она представлена чем-то другим. Поэтому, когда ты приехал в Индию, все время пытался использовать собственное тело и ум именно для нанесения объектов на карту. Неважно, что тебе бросали жемчуг. Ты, словно хороший маленький зомби, разрубал его на части, смешивал с хорошей дозой иллюзии, а затем стряпал замечательную блюдо под названием "Сходство и иллюзия".

- Да ладно, Картуш, я всегда отказывался от преждевременных суждений и пытался смотреть на все непредвзято, - запротестовал я.

- Ты можешь покинуть Запад, но он тебя не покинет. Разве этот так называемый непредвзятый взгляд не предполагает нахождения каждому объекту места на твоей внутренней карте мира? Твоя самая великая иллюзия в том, что ты считаешь себя обладающим непредвзятым мнением и свободным выбором.

Я задумался. Да, мы на Западе редко задумываемся над подобными вещами. Твердая убежденность в том, что западный способ восприятия мира превосходит все прочие, давно поселилась в умах людей. Но с точки зрения индусов, западные люди внезапно вторглись на их территорию в девятнадцатом веке и тут же принялись реорганизовывать и находить новые определения тем вещам, которые мудрецы знали уже многие тысячелетия.

Картуш уложил большие камни в мягкую сумку и начал внимательно рассматривать камни меньшего размера перед тем, как упаковать их и положить в чемоданчик.

- Итак, как же Запад преставляет себе Индию и как он перестраивает ее?

- Я весь обратился в слух, - сказал я.

- Первое, что необходимо понять: Запад - это То, а Индия - Другое; Запад - нормален, а Индия - анормальна. Запад рационален, Индия иррациональна. Запад активен, Индия пассивна. Проблемы начинаются тогда, когда Запад пытается уместить Индию в неподходящую ей по форме ячейку. Для этого нужно перевести все в другой формат, все категории должны быть изменены, а элементы - сделаны универсальными. Таково основание Имперского Знания. Первый шаг - привнести немного порядка в хаос индийской культуры, что возможно сделать, выделив в Индии самое главное. Но, конечно же, в этой стране нет самых важных вещей. Поскольку у нас есть карта, Таблица Всех Вещей, мы хотим узнать, куда конкретно определить каждую вещь. А что насчет религии? Какая в Индии религия? - спросил Картуш.

- Индуизм, конечно, - ответил я.

- Хм, ну... - пробормотал он. - Что мы, европейцы, знаем о религии? Христианство, иудаизм и ислам нам более или менее знакомы. У них всех есть два атрибута, которые можно выделить сразу же: центральный священный текст, который является авторитетом, и центральная доктрина, которая определяет способ мышления. Когда британцы прибыли в Индию, они попытались нанести местную религию на собственную сетку координат и стали искать самый важный текст и доктрину. Первым кандидатом на священный текст стала "Бхагавад Гита", а "Адвайта Ведантуа" сочли чем-то вроде комментариев к основному тексту "Гиты" и определили ее в узкие рамки центральной доктрины.

- Разве это возможно? - спросил я. - Ведь есть столько разных верований, мифов, ритуалов и законов, и все это помимо неисчислимого количества текстов и сильной устной традиции.

- Именно так. Бывает, что у одного текста есть много версий, иногда даже противоречащих друг другу. Если необходимо изучить культуру и религию индусов, тогда, согласно пост-просвя-щенческой традиции мышления, надо читать книги, а затем обсуждать их, чтобы прийти к консенсусу и успокоиться, поместив все на соответствующие точки на карме. Мы всегда видим чужую культуру через призму своей собственной. Каков был подход колониальных администраторов и христианских миссионеров к изучению индийской культуры? Мы, европейцы, учимся, читая. Конечно, теперь у нас уже есть телевидение. Но голубой экран стал просто развитием изобретения Гуттенберга.

- Поскольку в индийских текстах не было од нородности, первой задачей академиков было создать критические работы по основным текстам. Однако эти работы, равно как и переводы,

создали из текстов что-то новое путем наложения элементов нового европейского рационального мышления. Результатом было то, что сама идея Языка изменилась. Тексты оригиналов были устнымии привязанными к конкретной местности, тем самым сохранялась традиция комментариев и интерпретации данного текста. Сила и польза этих текстов всегда заключалась в связи между Языкоми Миром. "Аккуратный" же текст был составлен путем сравнения различных вариантов, нахождением общих элементов и вынесением суждений, основывавшихся на результатах "научного эксперимента". Поскольку различных вариантов текстов было действительно много, европейцы решили, что они всего лишь искаженные варианты какого-то едиственного оригинала. Отсюда были сделаны выводы, что индийская культура является ни чем иным, как деградировавшей культурой древности. Именно это суждение сформировало некую умозрительную общность, которую потом назвали "индуизмом".

- То есть называемое индуизмом просто служит подтверждением факта, что все религии говорят об одном и том же и тем самым фокус смещается на прозелитизм*.

С каждой минутой высказывания Картуш становились все радикальнее и радикальнее. Конечно, я тоже в свое время верил в тезис, что на фундаментальном уровне все религии говорят об одном и том же. Веданту всегда приводят в качестве самого яркого подтверждения этому. Я, как и другие, тоже попался на эту удочку, потому что искал истоки и эссенцию индуистской традиции в Ведах.

- Но среди людей Запада все же есть много тех, кто отвергает подобную культурную гордыню и погружает в индийскую культуру, свободные от предубеждений, - сказал я.

- Для таких людей сказанное мною верно вдвойне. Они выстраивают знания об Индии, глядя в отражение своей собственной культуры.

Да и как им пересечь пропасть между своей западной точкой зрения и взглядом на мир, столь отличным от их собственного? Как можно изучать язык содержимого при помощи языка формы? Ну же, Рам Пури Джи! Я осмеливаюсь тревожить тебя подобными словами, потому что ты одержим духом Индии! Ты - арена борьбы между Великой Тенью и призраком Хари Пури Баба. Его и твоя победа будет заключаться в том, чтобы прогнать Великую Тень со своего постамента. Чтобы это сделать, тебе придется признать, что Запад и Восток равны, хотя и очень различны меж собой. По-другому не получится, - сказал он.

"Ну как я мог быть таким дураком?" - спрашивал самого себя

я некоторое время спустя. Картуш ушел к резчику камней, чтобы купить еще кристаллов. Он приглашал меня с собой, но предупредил, что ничего интересного в этом занятии не будет, поэтому я отказался. Как я мог сомневаться в своих гуру? Даже если Хари Пури Баба действительно внутри меня и даже если единственной причиной того, что он вошел в меня, было его желание увидеть Америку.

От гостиницы до Савай Ман Синх Роуд было совсем недалеко, поэтому я отправился к той самой больнице "скорой помощи". Я зашел в пансион дхармасалы, в котором в свое время жил Амар Пури Баба, но в саму больницу решил не заходить. Я шел по широкой улице все дальше и дальше, пока не повернул в узкий переулок, в котором стоял маленький храм Хануману, который я часто посещал во время болезни Хари Пури.

Мне было ужасно стыдно. Я позволил новости о том, что одержим баба, перевернуть все мое существо, из-за такой малости я повернулся спиной ко всему постигнутому мною знанию. Опираясь на одно единственное предложение, исходившее к тому же из ненадежного источника, от дорогого гуру-бхая Кедара Пури Баба, я решил отказаться от своих гуру и от традиции. Наверно, это грех. Вместо того, чтобы предложить гуру прибежище, которое он в свое время предложил мне, я отправил его на желтеющие страницы книги о драконах, единорогах, волшебниках и прочих фантастических существах.

Я выполнил омкары перед оранжевой статуей Ханумана, затем сел перед ней и с великим раскаянием стал выполнять гуру-мантру, перебирая четки со ста восемью бусинами.

Герой Хануман тускло сиял напротив меня. Выражение его лица не имело ничего общего с присущим ему чувством долга. Хоть одна нога обезьяньего бога опиралась на землю, на самом деле он летел по воздуху. Я вспомнил один эпизод "Рамаяны", в котором брат Рамы, Лакшман, был убит во время боя между армиями Рамы и демона Равана, укравшего возлюбленную Рамы. Смерть брата ошеломила Раму, и изрядно поредевшая после сражения армия обезьян потеряла боевой дух. Спасти их всех мог лишь Хануман, который должен был полететь в Гималаи и вернуться оттуда до следующего восхода солнца с редкой травой, которая могла возвращать жизнь мертвым. Нетрудно догадаться, что Хануман забыл самое важное в описании травы и поэтому не смог найти ее. После нескольких неудач обезьяний бог собрал всю свою героическую силу, вырвал гору и полетел обратно на Ланку, держа гору в правой руке, чтобы обезьяна-врач сам смог опознать нужную траву. Статуя, напротив которой я сидел, изображала тот самый момент, когда Хануман взвился в воздух с

горой в руке и с зажатым под мышку желтым диском. Обезьяний бог не только забыл описание травы, он еще и опоздал. Поэтому ему пришлось похитить Солнце, которое было его собственным гуру, и прятать его до возвращения на Ланку. Я подумал о ситуациях, в которых люди проявляли необыкновенную силу, как, например, женщина, поднявшая автомобиль, наехавший на ее маленького ребенка. Разве Хануман не был вдохновлен на это действие Симпатией, проявлением Активного начала? Рама, олицетворяющий собой Сбалансированное начало, воплотился на Земле, чтобы восстановить порядок во Вселенной и сохранить То. То, проявленное в Активном начале, притянуло Ханумана и всю силу, дарованную ему при рождении богами, для выполнения определенной задачи. Только супергерой мог справиться с подобным делом, и Хануману это удалось. Я вспомнил, что Хари Пури Баба говорил мне, что Ханумана называли Повелителем Безнадежных Случаев.

И тут мне пришло в голову, что именно волшебное воздействие Активного привлекло меня в свое время к западному образу мыслей, а теперь привлекало к единству Даттатрейи и Традиции Знания. Хари Пури Баба привлек меня к себе, чтобы я смог расстаться с индивидуальностью и превратиться в него. Только из-за действия отталкивающей силы, Пассивного начала, я продолжал пытаться сохранить собственную индивидуальность. Но разве она у меня есть, эта индивидуальность? Или я являюсь полной копией Западного Человека?

Ко мне подошел священник и дал леденец для подношения Хануману, а потом нанес синдху-ром оранжевую точку на мой третий глаз. Он пригласил меня выпить с ним чаю на заднем дворе храма, рядом с борцовской площадкой, называемой "акхара". В храмах Ханумана часто устраивают площадки для борьбы, и его последователи уделяют много внимания развитию тела. Мы прошли на задний дворик и стали наблюдать за тренировкой борцов.

- Как еще обычные ЛЮДИ очищаются от грехов помимо омовения в Ганге? - спросил я жреца.

- Они дают обеты, заключающиеся в посте, паломничестве или пожертвованиях для бедных. Есть много путей. Все зависит от того, что за человек дает обет, - ответил он.

- Мой дядя-вегетарианец однажды переехал велосипедом лягушку и убил ее, - заметил один из молодых борцов, который сел рядом с нами, решив ненадолго передохнуть. Его тело лоснилось от пота и горчичного масла.

- Шам Лай Джи, ювелир с Нью Роуд? - спросил священник. Молодой человек кивнул.

- Ну? - спросил я. - И что же он сделал?

- Он решил сделать пожертвование, поэтому отправился в храм Лакшми Нараян и обо всем рассказал главному жрецу, - сказал борец. - По скольку дядя по профессии ювелир, главный жрец велел ему найти лучшего мастера в Джайпуре, чтобы тот изготовил ему точную копию лягушки из золота, и пожертвовать ее в храм.

- Он так и сделал? - спросил я.

- Примерно, - ответил молодой человек. -Дядя решил, что серебряной лягушки будет достаточно, велел младшему ювелиру сделать ее, а потом пожертвовал ее храму.

Я поблагодарил молодого борца за его историю, зная, что именно она притянула меня в храм Ханумана.

Я вернулся к Картушу поздно ночью. Должно быть, он вернулся в отель несколько часов назад, потому что в углу уже стояло несколько коробок с разложенными камнями и хрусталем.

- Что ты знаешь о падуках? - спросил я у Картуша.

- Дай подумать, - ответил он. - Ну, могу рассказать следующее: когда Раму изгнали в джунгли и царь, отец Рамы, умер, брат Рамы по имени Бхарат, которого венчали на царство, нашел Раму в лесу и попросил его вернуться в Ай-одхью, чтобы царствовать. Рама отказался это сделать и дал Бхарату свои деревянные сандалии падуки, чтобы они могли находиться на троне вместо него.

- Так кто же был царем: Бхарат или падуки? -спросил я.

- С человеческой точки зрения - Бхарат, но для самого Бхарата царем был Рама, представленный падуками, - ответил Картуш.

- А падуки Датт Акхары в Уджайне? - спросил я. - Ты о них что-нибудь слышал?

- Еще бы мне не слышать, - засмеялся он. -Это падуки старого пира, которые хранил Сандхья Пури Баба. Мой гуру часто рассказывал мне, что они были причиной возрождения Датт Акхары. Но я уверен, ты знаешь о падуках гораздо больше меня.

- Кстати, а кто был твоим гуру? Может, я его знаю, - поинтересовался я.

- Может, и знаешь, - предположил Картуш. -В конце концов, пока Сандхья Пури был жив, он очень много общался с Хари Пури Баба. Они боготворили Сандхья Пури и считали его своим учителем. Но я не видел своего гуру с середины шестидесятых, поэтому не думаю, что он еще жив. Его звали Бхайроном Баба.

Я превратился в соляной столб, чувствуя, как горят мои щеки.

- Ты ведь не Бхайрона Пури Баба имеешь в виду, Картуш?

- Конечно, его, - улыбнулся он.

- Поверить не могу, - воскликнул я. - Нет, он жив и очень даже здоров. Ты хоть представляешь, что это за человек?

- Думаю, он инкарнация брата Даттатрейи по имени Дурваса, который на самом деле был Шивой так же, как сам Даттатрейя был воплощением Вишну. Он просветленный человек и один из величайших тантриков в Индии, - ответил Картуш.

- Так почему же ты сейчас не рядом с ним? - спросил я.

- Ну, у нас появились разногласия, - покачал головой Картуш. - Это случилось на Кумбха Меле в Уджайне в 1968 году. Если быть точным, в мае 1968. Ты, должно быть, учавствовал в это время в демонстрациях на улицах Парижа. Когда Бхай-рон Пури предложил мне стать его учеником, а затем и саньясином, я согласился. Но когда пришел день первой из инициации, произошло две вещи. Первая.- я начал колебаться.

- Я тоже колебался, - заметил я.

- Я не был уверен, смогу ли стать настоящим садху! Да, я буду вместе с учителем среди йогинов и шаманов, но вдруг потом я обнаружу, что аскеза не для меня? Как тогда я смогу уйти и нарушить обет, - объяснил Картуш.

- Я чувствовал то же самое, - согласился я.

- Ну, а вторая вещь - это дурное предзнаменование. Моя Венера находилась в неблагоприятном аспекте, что не предвещало ничего хорошего для моего посвящения в саньясины, а я не сказал об этом Гуру Джи, - признался он.

- Но он же не мог не знать об этом? - удивился я. - Хари Пури Баба всегда проверял благоприятные и неблагоприятные дни для каких-то начинаний.

- Может, знал, а, может, и нет. Но однажды, когда мой и твой гуру как обычно спорили, Хари Пури попросил меня найти в Уджайне книжный магазин и купить ему хороший словарь английского языка. Какая странная просьба, подумал я. Полдня я мотался по городу под обжигающим солнцем, но ничего не нашел. Наконец я наткнулся на книжный магазинчик "Нового Света" и там встретил ее.

- Кого? - спросил я.

- Мари была родом из родного города моей матушки, что находится неподалеку от Парижа. Эта девушка была невероятно красива, и я сразу же влюбился в нее.

- Ты шутишь?

- Ни капельки. Мари только приехала из Франции и рассказала мне о революции, заварившейся на улицах Парижа. Вдруг я понял, что в моей жизни чего-то не хватает, и это что-то стоит прямо напротив меня.

- И как ты поступил?

- Что мне было делать? Я отказался от инициации, подождал до конца Кумбха Мелы, а потом уехал с моей Мари. Должно быть, Бхайрон Баба догадался обо всем в тот же день, как я встретил ее. Разочарование Гуру Джи все росло, поэтому ко времени моего отъезда он уже вычеркнул меня из своей жизни. Я знал, что больше никогда его не увижу.

- Многие баба верят, что он убил Хари Пури Баба при помощи тантры, и он терроризировал меня с самого первого дня, как я появился в акха-ре, - сказал я.

- Нет, я не верю, что он убил твоего баба. Бхайрон Пури не поднял бы руку даже на москита. Должно быть, я сильно ухудшил дело для тебя и остальных иностранцев. Послушай, они часто спорили, бросали друг другу вызовы. Иногда они заключали пари, не на деньги, а на что-то другое, пытаясь перебороть один другого, но ничего более серьезного никогда не было.

- Ты много общался с Хари Пури Баба в то время? - спросил я.

- Достаточно. Он часто приходил к нашему дхуни, или мы приходили к нему. Иногда заходили споры относительно моего ученичества и инициации, а также относительно того, может ли иностранец стать баба или нет. Было ясно, что я был ходячей проблемой. Хари Пури даже спросил меня, нет ли у меня друзей-иностранцев, которые тоже хотели бы стать баба. У меня таких друзей не было, но это заставило меня задуматься, что между ними происходит.

- Что ты знаешь о падуках Сандхья Пури?

- Только то, что они изчезли из Датт Акхары, решив, вероятно, выполнять роль индийского Святого Грааля.

- Но, конечно же, как Хари Пури, так и Бхайрон Пури могли читать Книгу Мира и обладали достаточной силой, чтобы найти падуки. Я все никак не могу понять Бхайрона Пури. Почему он не искал падуки, если они были ему так нужны?

- Может быть, это было просто шоу, может, ему на самом деле было на них наплевать. Он гуру, а не герой. Однажды Хари Пури сказал мне, что поиски - это колыбель героя. Я хорошо это запомнил, так это было похоже на "Элиаду". А еще поиски - это путь ученика.

** Прозелитизм - попытка обращения в собственную религию (Прим. пер.)*

ГЛАВА 19

Чудеса чаще всего случаются в точках встречи разных миров. Это относится к аэропортам, перекресткам, берегу моря, кладбищам, больницам и храмам. Но места, в которых Мир Обычный встречается с Миром Необычного, Сверъестест-венного, обычно сокрыты и требуют паломничества. Паломничества внутреннего или внешнего. Совершая его, ты словно подвешиваешь себя между мирами. Места паломничества называются тиртами, "местами встречи". В тирте ты находишься в обоих мирах одновременно. Тирты отмечают спрятанные входы в Сверхъестественный Мир, отражают внутреннее путешествие во внешнем мире и небеса на земле. Совершающие паломничество миряне уподобляются баба на время путешествия.

Основная причина, по которой отправляются в паломничество, это переживание даршана и его благословений, проявляющихся в прасаде, подношениям из цветов, фруктов и сладостей, которые пилигримы вручают божеству. Затем их отдают последователям обратно, скрепляя союз между Богом и людьми. "Даршан" происходит от корня "дрш", то есть "видеть", и означает Взгляд.

Это не любопытствующее разглядывание туриста, но настоящее Видение. "Прасад" - "то, что приносит удовольствие", является знаком, что божество довольно и потому раздает благословения. Паломник проявляет сострадание к нищим, поскольку сам чувствует сострадание, изливаемое на него божеством, поэтому он принимает и отдает дар прасада. Чтобы мир смог получить пользу от его паломничества, пилигрим приносит благословения и прасад домой.

Есть тирты, принадлежащие разным божествам, как местным, так и известным во всей Индии. Есть места, в которых происходили священные события, и еще есть величественные творения природы. Но у них всех есть одна общая черта: они являются отражениями священной истории, разыгрываемой на небесах. Врата стоят на границе отражений.

Паломничество это тоже история. Каждый пилигрим - герой, а у каждого героя есть свой крестовый поход. В Мире Сверхъестественного принять значит соединиться со звездами и отразить историю, которая должна проявиться на поверхности земли. Это значит, что ты достигнешь бессмертия, начиная жить в истории тогда, когда тела уже больше нет.

Амар Пури Баба не ругал меня за долгое отсутствие, и, казалось, даже не заметил его, когда я вернулся к его дхуни

несколько месяцев спустя. Когда старый пир Датт Акхары умер в возрасте 118 лет, конклав, состоящий из самых старших баба акхары, избрал Амара Пури новым пиром накануне Кумбха Мелы в Уджайне в 1979 году. Для нашей линии преемственности это была великая победа. Все баба начали звать Амара Пури сиддхой, то есть "совершенным". Мы переехали в Уджайн, начали выполнять определенные религиозные обязанности и готовиться к великой Кумбхе. Но всего за месяц до начала мелы Амар Пури внезапно умер, что привело акхару в полный хаос.

После того, как два моих главных гуру умерли, мои приоритеты изменились. Я провел несколько лет в Каши по приглашению Капила Пури Баба, который стал моим покровителем и еще одним гуру после церемонии передачи гуру-мантры. Молодое поколение баба продолжало набирать силу, и, поскольку я был частью этого поколения, то часто совершал паломничества по самым отдаленным уголкам Индии вместе со своими ровестниками.

В 1983 году я отпраздновал двенадцатилетнюю годовщину посвящения в саньясины вместе с остальными посвященными на Кумбха Меле в Аллахабаде. Прошло двенадцать лет, Юпитер совершил полный круг вокруг солнца. Как же много лет прошло с тех пор, как я стал баба!

Бам Баба, который время от времени наведывался ко мне, напомнил при встрече, что я так и не совершил паломничества к истокам Ганги в Гималаях.

- Дорога к тысячелепестковому лотосу лежит на север, - сказал Бам Баба, имея в виду межбровный энергетический центр, Аджна чакру, центральный командный пункт, соответствующий слиянию рек и пути, ведущему на макушку моей головы, соответствующему истоку Ганги.

- Мир медленно двигается вперед, но мы идем в противоположном направлении, - сказал большой баба. - Идем к истокам.

Хардвар находится примерно в 1100 километрах к северо-востоку от Аллахабада. Этот шумный город, прилепившийся к подножию Гималаев там, где Ганга стекает с гор на широкие равнины Северной Индии, наводняют целые толпы паломников. Город расположен на правом берегу Ганги, текущей на юг. Если вы взглянете на север, то разглядите вздымающиеся в небо гигантские колонны скал Шивалик, вход в Землю Богов. Обернитесь на юг и увидите равнины, жаркий и пыльный мир смертных. Хардвар - это врата. "Двар" значит "дверь". Даже само звучание этого слова подсказывает перевод. Эти колонны не прихоть природы, но знак, указывающий на связь между мирами.

Хар-двар это также ворота Великого Бога Шивы, которого называют Харом или Харой.

Хара хара махадев!
Слава Великому Богу Шиве,
Которого называют Харой!

Некоторые называют Хардвар вратами Бога-Охранителя Вишну, которого знают под именем Хари, другие называют город Гангадваром, вратами Ганги, или даже Брахмадваром, вратами Бога-Создателя Брахмы. Но самое древнее название Хардвара - Майядвар, "дверь иллюзии".

Врата не всегда были на том месте, на котором находятся сейчас, и Ганга тоже не всегда протекала здесь. Шивалик стоял гордой стеной, охраняющей Землю Богов, пока мощные силы плодоносной богини не разбили стену на части, чтобы богиня могла нести процветание и плодородие на равнины Северной Индии и принести этот дар человечеству.

Я покинул Аллахабад в компании Бир Гири Баба, который за время паломничества к Источнику стал мне братом. Но когда мы добрались до Хардвара, меня увел в сторону соблазн иметь собственный ашрам. Несколько месяцев мы прожили на острове посреди Ганги, где находилась древняя площадка для йогических медитаций, называемая "тапу", или "место, где практикуют аскезу". Мы ждали, пока стает снег в горах на пути к Источнику. Однажды приютивший нас хозяин, старый баба, уже двадцать пять лет просидевший на острове у дхуни, сказал мне, что на берегу Ганга продается участок и стоящий на нем дом. Он предложил мне собрать нужную сумму, составлявшую примерно 90 000 рупий (что по курсу того времени составляло около 10 000 долларов) и купить землю для ашрама.

Когда я пришел посмотреть участок, то мог бы поклясться, что уже видел это место во снах о Хари Пури. Мне показалось, что я даже слышу его голос внутри, напевающий: "Купи его, купи его!". Но где же мне найти так много денег? Бир Гири покачал головой.

- Не смотри на меня, - сказал он.

По всей видимости, новости достигли ушей Капила Пури Баба, который в свою очередь рассказал о ней всем последователям и баба нашей линии преемственности, потому что через две недели к нам начали поступать пожертвования, пока мы не набрали нужной суммы.

Я назвал наше новое прибежище, стоящее на северном берегу Ганги всего в тридцати метрах от площадки для захоронений,

Хари Пури Ашрамом.

К началу Кумбхи 1986 года, состоявшейся в Хардваре, в моих дневниках было исписано более тысячи страниц. Помимо них я собрал коллекцию других текстов несмотря на то, что Хари Пури всегда говорил мне об ограниченности написанного слова. Я начал организовывать записи, сверяться с текстами на санкскрите и записывать переданные мне тайные учения.

Во время Кумбхи наша кухня кормила больше ста ртов в день, и это не считая бесконечного приготовления чая. Посетители прибывали со всех уголков Индии, приносили пожертвования и подарки для ашрама. Их было так много, что мы начали строить планы по расширению храма, постройке еще нескольких комнат и залов, а также набережной с удобными ступеньками. Также я хотел установить статуи Хари Пури Баба (я ведь ему обещал) и Амара Пури Баба.

По окончанию мелы несколько баба отправились в паломничество в Ганготри-Гомукх, потому что наиболее благоприятным для этого моментом считается окончание Кумбха Мелы в Хардваре. Я несколько раз отказывался от приглашений идти вместе с ними из-за дел в ашраме и из-за того, что я решил записать все полученные мною устные наставления.

Однако несколько дней спустя я заболел. Я подумал, что причина в горячем молоке, которое Никку подал мне перед сном. Наверно, оно было плохое. Туалеты в ашраме еще не были построены, поэтому мы справляли нужду в джунглях, окружающих ашрам. С каждым днем я становился все слабее и слабее и бегал в джунгли все чаще, наблюдая там за тем, как горят тела умерших на похоронных площадках. У меня было внутреннее кровотечение, и ни одна из трав, которую давал мне баба, не помогала.

В один из таких дней я не смог встать на ноги и понял, что скоро умру. Если я не попаду в хорошую больницу, то скоро присоединюсь к своим гуру. Один из последователей отвез меня к другу в Дели, и я упал, потеряв сознание, не успев даже поприветствовать его. Я пришел в себя в современном госпитале несколько дней спустя. Доктора не смогли понять, что же со мной произошло, поэтому они назвали это вирусной лихорадкой, термином, охватывающим все возможные причины таинственной диареи. Но ведь из меня лилась кровь, поэтому я начал подозревать недоброе.

Если что-то испытывает тебя на прочность, и ты это выдерживаешь, то становишься только сильнее. Через несколько недель я совсем поправился и вернулся в Хардвар. Подойдя ко всегда переполненному и шумному ашраму, я был поражен до

глубины души, увидев там запустение. Войдя внутрь, я увидел, что там не осталось ничего, ни малейшего клочочка ткани на стене или полу. Все украли.

В моей душе воцарилось опустошение не меньшее, чем в самом ашраме.

- Это сделал Никку Баба, - сказал Мадан Лай, один из последователей, подходя ко мне. - Он выбросил все в Гангу.

- И никто его не остановил? - спросил я, не веря своим ушам.

- Он остался один. Вир Гири Баба уехал в Каши, попросив его приглядеть за храмом. Вот Никку Баба и выбросил все, - объяснил Мадан Лай.

- Все? - переспросил я.

- Может быть, что-то осталось, - сказал он, но я ему не поверил. - Тебе лучше как можно скорее найти его, если ты хочешь хоть что-то вернуть. Он уехал в Ганготри-Гомукх.

Я почувствовал себя так, словно умер. И действительно, в тот день часть меня умерла безвозвратно. Тень моего эго, которая, несмотря на все предупреждения, годами записывала фрагменты полученных знаний и жила на страницах моих дневников, теперь встретила свой жестокий конец. После короткого траура по умершему я прочитал надпись на стене, которая гласила, что пришло время выполнить обещание достигнуть Истока. Я понял, что осквернил самого себя, поддавшись соблазну обладания вещами, ни одна из которых не пережила набега Никку Баба. Этот садху был лишь инструментом самой судьбы. Наверно, он действительно оказал мне услугу, уменьшив мой физический и интеллектуальный багаж, и теперь я стал достаточно свободен, чтобы закончить свое паломничество.

Рано утром я сел на автобус, который вечером привез меня в Ганготри, где заканчивалась проезжая дорога. Я провел ночь у дхуни баба, имени которого я так и не узнал, и продолжил путь к Источнику на рассвете. Пройдя более двадцати километров и поднявшись на уровень более трех тысяч трехсот метров над уровнем моря, к позднему утру я достиг Источника.

Гомукх это место встречи мира льда, древнего ледника Ганготри, и мира воды, реки Ганги. Замерзшая вечность сменяется динамической активностью текущей воды и непрестанно падающими в девственно чистый бассейн Ганги глыбами льда. Ганга всегда стремится вернуться в ласковые объятья Гималаев, к шеститысячному пику, называемому Ганготри, поэтому ее источник прорезал ледник и поднялся выше на целый километр с тех пор, как двенадцать лет назад меня инициировали в саньясины.

Я шел вверх по течению Ганги, текущей по каньону, проложенному ледником среди скал миллионы лет назад. Тропинка вела меж рощиц пихт, мимо потоков, стекающих с гор. Передо мной возвышались хребты Гималаев, среди которых выделялся величественный пик Шивлинг, то есть "фаллос Шивы". Миновав последнюю поросль серебристых березок, я полез по скалам, преодолевая последние пару километров пути. Контраст между миром, погрязшем в невежестве, и окружавшей меня красотой и чистотой был потрясающим.

Я увидел палатку, стоящую перед Гомукхом, в которой наверно смогу найти всех своих знакомых, включая Никку Баба, но перед тем, как идти туда, я решил окунуться в истоки Ганги, что было первой обязанностью всякого паломника. Обычно Гомукх выглядит, как ровная ледяная поверхность. Вот заканчивается лед и начинается вода. Но в этот раз Источник был больше похож на пещеру, но когда я подошел к нему поближе, то обнаружил, что это настоящий храм под открытым небом. Меня охватило желание осмотреть эту святыню до самых ее глубин.

Когда лучи солнца упали на ледяной дворец, я был так поражен, что у меня подогнулись колени. Богиня явила себя во всем своем великолепии разноцветными брызгами света, разливающегося по ее хрустально-прозрачному телу. Все сияло и переливалось от ярко-розового до небесно-голубого и обратно. Таков был даршан Богини.

Держа в правой руке пустой камандал, я отодвинул в сторону плавающие в воде куски льда и вошел по пояс в ледяную воду. Мои ноги тут же обожгло огнем. Дойдя до места, называемого Сиденьем повивальной бабки, я омыл губы и три раза окунулся в самой середине только что народившегося потока воды. Сердце остановилось, легкие пронзила боль, и время остановилось. А затем пришла волна жара, огня, пробежавшего по всему телу. Я наполнил камандал и вернулся на берег. Голове было холодно, а все тело горело. Я надел набедренную повязку и сел прямо на лед. Воскурив благовония и бросив в воду красный цветок, сорванный мною по дороге, я пропел мантры, выражая благодарность за силу даршана и моля Мать Вод даровать миру покой. Если же это невозможно, я просил ее благословить людей, чьи имена я перечислил. Все это время за мной с удивлением наблюдал старый пилигрим. Облака закрыли солнце, и я начал дрожать от холода. Быстро натянув одежду, я накрылся теплой шалью.

- Бабаджи, - сказал старый паломник, приблизившись, - Мне так стыдно. Я пришел сюда пешком из Калькутты, добрался до самого истока Ганги, а теперь боюсь совершить священное

омовение. Вода такая холодная. Я не смогу сделать это так, как вы.

- Конечно, сможете! - сказал я ему. - Снимайте ботинки и носки. Омойте ноги, затем руки и лицо, смочите губы и капните пару капель на голову. Вот и все священное омовение.

- Вы имеете в виду, что мне не надо погружаться в воду целиком? - спросил он.

- Да, - ответил я. - Такова традиция.

Он сделал так, как я ему сказал, и от всего сердца поблагодарил меня за помощь. Грозовые облака совсем почернели, и я побежал в укрытие, ища защиты от дождя. Когда я добрался до большой зеленой армейской палатки, то был уже совсем мокрым. У входа в палатку лежала целая гора обуви. Внутри дымного укрытия, переполненного шумными баба, похоже начиналось какое-то празднество.

Хотя несколько садху и поприветствовали меня по имени, никого из них я не знал. Ничего необыкновенного в этом не было. Я стал чем-то вроде знаменитости, одним из немногих садху-иностранцев. "Мы слышали, что Никку Баба отравил тебя", - сказал один. "И что ты попал в больницу", - добавил второй. Я объяснил, что никто меня не травил, но я действительно был болен, а сейчас совершенно поправился. Однако, похоже, что ни один баба не видел здесь Никку.

Я пробрался в дальний угол и, выказав почтение дхуни, уселся погреться рядом с огнем. Там, на платформе, спиной ко всем остальным сидел накрытый одеялом одинокий баба.

- Что ж, ты все-таки пришел ко мне, - сказал баба.

Этот голос был странно знакомым, но я не смог узнать его. Баба обернулся, и я, задохнувшись, оказался лицом к лицу к Бхайроном Пури Баба.

Меня охватила паника. Похоже, я попал к тигру в лапы, предварительно помывшись и причастившись, чтобы быть достаточно вкусным блюдом на его ужине. На этот раз бежать некуда. Тут нет ни Хари Пури, ни Амара Пури, ни даже Капи-ла Пури. Только Бхайрон Пури и я.

Ветер продолжал сражаться с палаткой с такой силой, что, несмотря на сотни тяжелых камней, удерживающих ткань, казалось, что она вот-вот улетит. С пиков Гималаи послышася грохот, эхом отозвавшийся в лежащих внизу каньонах.

Я поискал в сумке желаний банкноту в десять рупий и монетку в одну рупию, чтобы положить дакшину тантрику под ногу и прикоснуться к ней лбом. Во времена сомнений выказывай максимум уважения.

- Ну, так чего ты хочешь? - спросил он.

- Хочу узнать правду, - смиренно ответил я.

- Да, правда это такая неуловимая вещь, то и дело прячется от любопытных взглядов, -сказал Бхайрон Пури. - А чем ты готов заплатить за нее?

Я почувствовал, что от страха мое сердце бьется все быстрее, и почтительно сложил руки перед лицом.

- Ладно, это достаточно честно, думаю, ты готов услышать правду, - сказал он, разглаживая длинную белую бороду и глядя мне прямо в глаза. - Это было пари, и он его выиграл.

- Что? - спросил я. - Я вам не верю.

- Ты можешь верить, чему хочешь, - ответил Бхайрон Пури.

- Поэтому вы его и убили? - храбро спросил я.

Бхайрон Пури фыркнул.

- Рам, Рам, Рам! Что ты знаешь, дитя? - сказал он. - Хари Пури был мне братом, как Картуш стал братом для тебя. Неужели ты думаешь, я по нему не скучаю? Он был лучшим из баба, которых я знал, и никто не любил Хари Пури Баба сильнее меня.

Я растерялся, и Бхайрон Пури легко прочитал это по моему лицу.

- А, ты думал, я не знаю о твоей встрече с Картушем Баба? Хари Пури верил, что иностранец никогда не сможет стать баба. Я не был согласен и поэтому бросил ему вызов, говоря, что качества ученика не зависят от того, в каком месте он родился. Чтобы доказать свою точку зрения, я стал учить Картуша, но, когда тот ре шил не становиться саньясином и попрощался со мной на Кумбха Меле в Уджайне, я признал свое поражение. Но твой гуру не был удовлетворен. Он не хотел довольствоваться неполной победой. "Я должен помочь тебе в излечении моей гордыни. Я докажу, что мое собственное мнение неверно", - сказал он.

- Видишь ли, твой гуру всегда говорил, что правда освобождает. А он обладал разумом, с которым не мог сравниться ничей другой. Его ум можно было сравнивать лишь с самой правдой. Поэтому он решил принести Жертву Знания, отражая завет Бога с людьми, благодаря которому люди смогли идти по Пути и познавать Его. Он решил войти в тебя, ведь именно так ученики и становятся баба, но для этого ему нужно было оставить собственное тело. Я использовал все средства, только чтобы остановить Хари Пури, но он не желал ничего слушать. Ведь мы заключили пари на падуки Даттатрейи.

"Так вот как все было!" - ошеломленно подумал я.

- Именно так оно и происходит. Если ты нравишься Баба, он входит внутрь тебя, и тогда тебя тоже начинают звать Баба, - сказал он. - Баба вошел в Хари Пури таким же образом.

Слова Бхайрона Пури заставили меня задуматься. Я понял,

что он имеет в виду. Внимательно посмотрев на его лицо, я вдруг увидел сперва Хари Пури Баба, потом Амара Пури Баба, а потом заметил что-то еще. Я вдруг ясно понял: Баба -это не человек.

- Баба делает свой выбор, и тебе не приходится отправляться на поиски знаний в одиночку. Все твои гуру, старшие баба и герои с самого начала времен прошли по Пути до тебя, оставив там ориентиры. И вот ты пришел к его Истоку.

Вижу, что твой камандал полон. Выпей из него и поделись со мной. Это холодная, возрождающая влага. Прими ее в самую свою глубину!

Так я и сделал. Нектар Бессмертия омыл Время, и смерть исчезла. Вода из истоков Ганги пробудила Хари Пури ото сна, потом его гуру, Сандхья Пури Баба, а потом и всех 100 008 баба, перенесших знания через порог смерти. Все они вошли в мое существо.

Исследуя огромный мир,
Я пришел к сердцевине моего существа;
Я - совсем один, я - вместе со всеми, -
тихо пропел Бхайрон Пури.

Нектар опьянил меня, и вскоре я погрузился в глубокий сон. Проснувшись на рассвете, я увидел, что Бхайрон Пури Баба и большинство остальных садху уже ушли. Я во второй раз омылся в Ганге и тоже отправился в мир, лежащий внизу.

Незадолго до Бходжбасы я вдруг обернулся и увидел, как за мной с последнего горного перевала бежит молодой баба. Нагнав меня, он передал мне сверток.

- Бабаджи велел мне отдать тебе это, но я забыл, - объяснил он. - Он просил передать, что они могут тебе понадобиться.

Деревянные сандалии, лежавшие внутри свертка, были слишком малы для моих больших ног, но я оставил их в качестве напоминания о том, что древний путь познания действительно существует. Аккуратно уложив дар в сумку желаний, я продолжил путь к своему ашраму в Хардваре, к двери, соединяющей мир богов с миром смертных.